

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.
ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД
Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2014
МАРТ •
АПРЕЛЬ •

Содержание

СТАТЬИ

<i>Вилкул Т.Л.</i> (Киев). «Старци» и «старейшины» древнерусской летописи: свидетельства Повести временных лет и древнеславянского Восьмикнижия.....	3
<i>Ченцова В.Г.</i> (Москва). Ктиторство и царский титул: Россия и Хиландарский монастырь в XVI веке.....	15
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). Формирование новой социальной элиты украинского общества (вторая половина XVII – первая треть XVIII века) и два ее идеолога.....	25
<i>Кочегаров К.А.</i> (Москва). Свидетельства польских дипломатов о России в 80-е годы XVII века: посольский обычай, внутренняя политика, бытовые особенности.....	47
<i>Семенчук А.А.</i> (Гродно). К вопросу об источниках хроники Мацея Стрыйковского.....	62
<i>Сазонова Л.И.</i> (Москва). «Орел Российский» Симеона Полоцкого: из истории создания поэмы.....	77
<i>Корзо М.А.</i> (Москва). О некоторых изданиях Киевской митрополии в рукописном наследии Евфимия Чудовского.....	88
<i>Верёда Д.</i> (г. Седльце, Польша). Иерархи Киевской Униатской митрополии и их отношение к сохранению восточной традиции во второй половине XVIII века.....	99

СООБЩЕНИЯ

<i>Добычина А.С.</i> (Москва). «Бесноватые» в Тырновском восстании под руководством Петра и Асеня (1185–1186).....	107
--	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Хорошкевич А.Л.</i> А.В. Бортнікова. Державна влада та місце самоврядування на Волині (кінець XIV – середина XVII ст.).....	112
<i>Хорошкевич А.Л.</i> О. Алфьоров, О. Однороженко. Українські особові печатки XV–XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ.....	114

НЕКРОЛОГИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) на русском и английском языках и ключевыми словами (5–7 слов).

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, электронную почту и контактный телефон.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.



© 2014 г. Т.Л. ВИЛКУЛ

«СТАРЦИ» И «СТАРЕЙШИНЫ»
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛЕТОПИСИ:
СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ
И ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО ВОСЬМИКНИЖИЯ

В статье рассматриваются социальные термины «старцы» и «старѣишины» Повести временных лет и древнеславянского Восьмикнижия. Традиционно считают, что упоминания старейшин указывают на определенные догосударственные, «племенные» реалии. Однако ПВЛ содержит лишь одно повествование с упоминанием «старцев» и «старейшин» формативного периода Руси (о дани полян хазарам), остальные же известия идут уже из княжеского «киевского периода». В том числе, эти термины интенсивно используются в описании княжения Владимира Святославича. Сообщения летописи отмечены сильным влиянием библейских книг и некоторых иных книжных источников.

The article considers social concepts of «startsi» («старцы») and «stareishiny» («старѣишины») in the «Primary Chronicle» and the Old-Slavic «Octateuch». It is traditionally argued, that references to the stareishiny describe certain pre-state, «tribal» realities. Nevertheless, the «Primary Chronicle» contains only one entry, where «startsi» and «stareishiny» are mentioned in regard to the period of emerging of Rus (the episode of the Polans' tribute to the Chazars). On the contrary, other mentionings are related to the princely, or «Kievan» period. Among others, these concepts are widely used in the description of the rule of Vladimir Svyatoslavich. Information adduced in the chronicle is marked by strong influence of the biblical books and some other literary sources.

Ключевые слова: Киевская Русь, текстология, Восьмикнижие, старцы и старейшины.

В Повести временных лет (ПВЛ) встречаются обозначения «старьци» и «старѣишины», смысл употребления которых на первый взгляд очевиден, но при ближайшем рассмотрении очевидность становится призрачной.

О «старѣишинах» впервые читаем в сюжете о полянской дани хазарам. После того, как поляне решили заплатить мечами, «несоша козари (эту дань. – Т.В.) ко князю своему . и къ старѣишинамъ своимъ»¹. Далее упоминаются египетские «старѣишины фараонѣ» – ибо дань мечами летописец сравнивает с недобрыми предзнаменованиями при дворе фараона, проявившими роль Моисея, в то время

Вилкул Татьяна Леонидовна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины.

¹ Последнее слово пропущено в Лаврентьевском списке (Л), где ошибочно лишь «старишинимъ», но имеется в других списках ПВЛ, где «старѣишинамъ своимъ». См. [1. Стб. 17. Строки 4–5] (далее ссылки на 1-й том ПСРЛ, где представлена Лаврентьевская группа списков ПВЛ, по схеме: 17.4–5Л). Издание ранних списков ПВЛ см. также [2].

младенца, а в будущем великого пророка². Затем «старѣшина конюхомъ» появляется в летописной статье 912 г. в легендарном рассказе о смерти князя Олега от собственного коня³. Слово продолжает использоваться вплоть до 1078 г., после чего следует перерыв, и вновь единичный пример видим уже в Ипатьевской редакции ПВЛ под 1111 г.

В свою очередь, «старьци» зафиксированы в том же рассказе о полянской дани хазарам: «и рѣша старци козарьстии . не добра дань...»⁴. Однако следующий случай употребления следует с разрывом в несколько сотен лет⁵ уже в статье 980 г.⁶ Далее обозначение интенсивно используется в повествовании о княжении крестителя Руси Володимира Святославича (под 980–997 гг.), встречается несколько раз в рассказах о Киево-Печерском монастыре (1051 г., 1074 г.) и в одном сообщении начала XII в. о смерти «старца доброго» Яня под 1106 г. Последний раз его видим снова-таки в Ипатьевской редакции под 1111 г.

В обиходные представления историков вошло понятие о старейшинах-руководителях социума на переходном этапе развития от примитивного общества к государству. Принято говорить о племенной демократии, где представителями властной иерархии считаются вожди и старейшины⁷. Применительно к Древней Руси с некоторыми оговорками и упрощением можно сказать о такой традиционной схеме, выработанной историками XIX – первой половины XX в.⁸ Вначале имеем некое древнейшее состояниe обществ(а), где «старци»/«старѣшины» являются неформальными авторитетными руководителями, – затем появляются племенные образования (союзы племен), где фиксируются «старци» и/или мест-

² Так 17.18Л: «и рѣша старѣшина фарауна . се хочеть см^нрити вбласть єюпетьскую». Правда, в иных списках летописи, Московском-Академическом (А), Ипатьевском (И) и Хлебниковском (Х) (в Радзивиловском (Р) здесь пропущен фрагмент) в этом выражении используется слово «старци»: «старци фарауни» (слово «старци» еще в этом же сюжете: 17.9–10Л, см. ниже). О хазарской дани мечами имеется обширная литература. Обзор см., например [3. С. 143–151; 4. Р. 190–192]. Высказывалось мнение, что этот фрагмент необходимо «расслаивать» на ранние и поздние слои (например [5]; ср., однако, возражения в [6. С. 136. Прим. 11]). Сравнение с аналогичными повествованиями в иных традициях показывает, что начало и завершение истории о дани – части одного сюжета [4. Р. 205] (хотя сам автор далее в своих рассуждениях опирается на традиционные мнения о текстологии начальной части ПВЛ).

³ 38.28Л; текст отсутствует в самом Л, но имеется в РАИХ.

⁴ 17.9–10Л.

⁵ Столь неопределенная цифра приводится оттого, что сюжет о полянской дани хазарам помещен в недатированной части ПВЛ, а хронологические реперы предыстории Древней Руси – предмет серьезных научных разногласий.

⁶ См. 81.16–17Л, в библейской цитате из Притч.31.23 (греч. Рг.29.23). Многие библейские цитаты ПВЛ определены в [7], эту цитату см. [8. С. 676].

⁷ См. обсуждение вопроса политической системы славянских племен V–VII вв., проведенное на материале греческих и латинских источников [9] (автор отмечает, что он использует источники, уже неоднократно привлекавшиеся учеными, и предлагает лишь несколько обновленную систематизацию). Племенной знати, «старейшинам» и старцам, посвящаются разделы в общих трудах, см., например, [10. С. 14–19] или специальные работы [11] (на материале IX–XIII вв.). Проблемы формирования сложного общества и государства крайне сложны, не так давно в отечественную науку из англоязычных исследований вошло такое понятие, как «чифдом» (первые работы в этой области: [12; 13]; полезный обзор разных теорий чифдома, см., например, в [14]). Что касается славян, исследователи сталкиваются с неразрешимой проблемой – мы не имеем славяноязычных источников до конца IX?–X в. От этого времени дошли первые переводы (в основном с греческого), что в целом все же мало помогает решению исторических проблем. Таких текстов, где затрагивалась бы собственная, хотя бы и легендарная, история славян, нет фактически до XI–XII вв. С этой точки зрения о племенной знати-«старейшинах», которая «не улавливается» источниками, см. в работе [10]. О том, что даже корреляция летописных «племен» с археологическими материалами Восточной Европы возможна лишь на материалах «уже сформированной Руси», а не формативного периода см., например, [15. С. 32–33].

⁸ О том, что унаследованные от иных эпох научные систематизации влекут за собой идеологии своего времени, см., например, [15. С. 14, 32–33], – однако это обстоятельство далеко не всегда учитывается.

ные князя (иногда пишут: «княжье»), – и, наконец, верховная киевская власть с отчетливой иерархией (князь, бояре, слуги...). Учитывая то, что в «догосударственный» период в ПВЛ слова «старци» и «старѣшины» зафиксированы в *одном* сюжете о полянской дани мечами, а далее следуют рассказы о киевских князьях, корректная систематизация изложения летописного нарратива, надо думать, привела бы к иным результатам. Разумеется, источники по раннему периоду истории Руси не исчерпываются начальной летописью, однако данные этого важнейшего свидетеля древнерусской истории входят в противоречие с традиционной схемой.

С другой стороны, знакомство с древнеславянскими книжными текстами, где также представлена властная терминология: «кнѣзь», «старьць», «старѣшина», «владыка», подталкивает к исследованию в ином направлении – а именно к изучению заимствований и моделирования летописного повествования по известным летописцам литературным моделям. Ср., например, работы С.В. Завадской, обращавшейся к теме «старцев» и «бояр», детально исследовавшей выражения «старци градьские», «старѣшины людьские» и указавшей на библейские образцы [16–19]. На развитие мысли в этом направлении существенно повлияли работы И.Н. Данилевского, например [20–21]. Собственно говоря, благодаря российскому ученому русисты вернулись к позабытой в советское время теме библейского моделирования летописи⁹. Я здесь остановлюсь на таком важном источнике, как древнеславянский перевод Восьмикнижия. Для освещения «догосударственного» периода истории Руси это, можно сказать, серия повествований о синхростадальных событиях¹⁰. Начиная с Книги Бытия и заканчивая Книгой Судей (Руфь представляет собой отдельный и, скорее, частный сюжет), речь идет о расселении и утверждении народа на земле, т.е. о том же, с чего начинается ПВЛ.

Попытаюсь выяснить, какие выражения стоят за словами «старьць» и «старѣшина» славянского Восьмикнижия в соответствующей части греческой Септуагинты, вариативна ли терминология и имеется ли динамика в словоупотреблении. Разумеется, в исследованиях подобной тематики внимание историков привлекают прежде всего обозначения «социально-политических терминов», а не просто выражение определенного возрастного порога, ‘старый человек’ (насколько такую градацию можно провести в источниках). И затем попытаюсь определить, каково значение появления этих условных терминов и можно ли очертить границы и авторскую принадлежность летописного нарратива в таком сложном, много раз редактированном летописном своде, каким является ПВЛ. В частности попытаюсь ответить на вопрос, какая связь имеется между сюжетом о дани мечами и повествованием о времени княжения Володимира Святославича.

Обозначениями «старьць» и, особенно, «старѣшина» много занимались исследователи переводной древнеславянской литературы в связи с ранними библейскими переводами. Дело в том, что перевод сложных греческих слов, начинающихся на «архи-» двусоставными образованиями в славянском характерен для влиятельной преславской (восточноболгарской) школы книжников [24], хотя подобные конструкции стали традиционными и никогда полностью не вытеснились. Например: ἄρχιερεῖς – «старѣшина жрьчьскъ» (в слав. возможна также

⁹ Сейчас после работ И.Н. Данилевского, А.П. Толочко, В.Я. Петрухина и многих других моделирование летописного нарратива по библейским книгам общепризнано. Кроме уже указанных, см., например, [22; 23] и др.

¹⁰ Собственно, сюжетная канва и большинство деталей совпадает в древнееврейском оригинале, греческом переводе (Септуагинте) и славянском переводе с греческого. Но для сопоставления с начальной летописью релевантны последние два текста, так как древнеболгарский переводчик не был знаком с древнееврейским, хотя в некоторых случаях история сложения древнееврейского текста также имеет значение.

обычная калька «архиерѣи»); ἀρχιερονοχος (главный виночерпий) – в слав. «вино» иногда переводилось как «медь», соответственно, «старѣшина медарьскъ»; ἀρχιδεσμοφύλαξ – «старѣшина стражемъ темница», и т.п.¹¹ Проблемы властной терминологии затрагивались разными учеными как при анализе отдельных памятников, так и групп текстов, подчас довольно широких. Славянское Восьмикнижие с данной точки зрения, однако, исчерпывающе не изучено, хотя отдельные примеры из этих библейских книг привлекались. По-видимому, простейшей причиной такого состояния дел является то, что до сих пор изданы не все соответствующие библейские книги, а в имеющихся изданиях отсутствуют словоуказатели, что затрудняет поиск.

Что мы видим в Восьмикнижии при употреблении слов «старьць» – «старѣшина»? (Необходимо добавить, что в библейских книгах обозначением того же уровня властной иерархии, в отличие от летописи, будет и «князь» – упоминаются даже «князи людьскы»!)¹², поэтому для сравнения полезно обращаться также и к этому обозначению.)¹³ Прежде всего, следует отметить, что лексического материала достаточно, поскольку в каждой книге имеется по несколько случаев употребления: «старьць» – от 4 упоминаний в Левите до 15 во Второзаконии; «старѣшина» – от 1 в Левите до 60 в Бытии¹⁴. Разумеется, следует учитывать тематическую специфику: например, Левит – сборник установлений о сакральных процедурах: жертвах, очищении, а также некоторых правовых предписаниях. Соответственно, властной терминологии в нем немного. Но следует принимать во внимание и происхождение текста. Здесь необходимо сделать небольшое отступление об исходном древнееврейском тексте. Как известно, первые книги Библии особенно «многослойны», составление и редактирование шло в несколько этапов. Один из поздних редакторов, создатель так называемого Priestly Narrative, сильно изменил как раз социально-политическую терминологию. Именно для него характерна формула, где на первом месте стоит жрец (Аарон, затем его сын Елеазар и далее внук Финеес), на втором указываются «князи отечеств», а далее «все сыны Израилевы» или «весь народ» [30. S. 136]¹⁵. Его задачей, как предполагается, было уменьшить роль лидеров несвященнического сана, прежде всего Иисуса Навина. Таким образом он включил множество упоминаний «начальствующих» (в Септуагинте ἀρχοντες), «старших» (πρεσβύτεροι) и «ведущих» (ἡγεμόνες, ἀρχηγοί) в «племенах Израилевых» и создал образ должной, упорядоченной племенной демократии. Определяя время работы этого автора/редактора, ученые довольно значительно расходятся во мнениях (см., например [32; 33]), но, в любом случае, это уже период после «Вавилонского пленения», т.е. вполне развитого отнюдь не архаического общества. Следствием компилирования и редакторской работы было то, что уже в древнееврейском оригинале греческой Септуагинты мы имеем очень сложный текст, где сочетаются обозначения и формулы разного времени, а также «сломанные формулы». Имеются в виду отредактированные выражения, где на исходный текст наслоились правки. Следует также добавить, что Септуагинта в части Восьмикнижия довольно точно отражает свой оригинал, причем букваль-

¹¹ Примеры – из Лев.4.3, Быт.39.22, 39.23, 40.1. Издания древнеславянских библейских четых текстов Восьмикнижия см.: Книги Бытия [25]; Книги Левит [26]; Книги Иисуса Навина [27]; Книги Судей [28]; Книги Руфь [29]. Для неизданных книг и для сверки разночтений мною использованы рукописи Восьмикнижия или Пятикнижия, см. примечание 17. В повествовании ПВЛ ср. уже упоминавшееся выше «старѣшина конюхомъ» из статьи 912 г.

¹² Числ. 25.4 «поими все княза людскы».

¹³ Некоторые ссылки даны ниже. Обозначением более высокого уровня иерархии будет «цѣсарь»/царь, и оно также встречается в большинстве книг Восьмикнижия. Но этот уровень властной иерархии для нас нерелевантен, поскольку является как бы «внешним», ассоциирующимся с Византией, а не с собственно Русью.

¹⁴ «Князь» – от 5 упоминаний в Исходе до 59 в Числах.

¹⁵ О наслоениях и редактировании в Книге Судей, например, [31].

ность перевода по ходу продвижения от Бытия к следующим книгам, в основном, возрастала¹⁶, хотя греческие переводчики в некоторых случаях старались систематизировать изложение и даже сгладить следы неловкого редактирования в древнееврейском [30]. Славянские переводчики, в свою очередь, также довольно строго следовали греческому тексту.

Итак, приведу статистические подсчеты¹⁷.

В Бытии «старець»/«старци» встречается 8 раз, Быт. 18.12 19.4 24.1 25.8 35.29 43.27 50.7; в греческом оригинале за этим стоит: ὁ πρεσβύτερος/οἱ πρεσβύτεροι. «Старѣшина»/«старѣшины» – 60 раз, Быт. 36.15–20 36.29–30 36.40–43 39.22–23 40.1–2 40.5 40.9 40.16 40.20–23 41.9–10 41.34 47.5 49.10; в Септуагинте это, чаще всего, ἡγουμένους/ἡγεμόνες, но встречаются также: 39.22 ὁ ἀρχιδεσμοφύλαξ «старѣшина стражемъ темница» / 40.1 ὁ ἀρχιοινοχός «старѣшина медарьскъ» ὁ ἀρχισιτοποῖος «старѣшина житарьскъ» / 41.34 τοπάρχας / 47.5 ἄρχοντας.

В Исходе «старци» – 11 р., Исх. 3.16 3.18 4.29 10.9 12.21 17.5 18.12 19.7 24.1 24.9 24.14 – ἡ γερουσία 5 р. / οἱ πρεσβύτεροι 6 р.; «старѣшина»/«старѣшины» – 3 р., Исх. 2.14 ἄρχοντα, 6.14 ἄρχηγοί, 15.15 ἡγεμόνες.

В Левите «старци» – 4 р., Лев. 4.15 9.1 9.3 19.32 – ἡ γερουσία 2 р. / οἱ πρεσβύτεροι 2 р.; «старѣшина» – 1 р., Лев. 4.3 ὁ ἀρχιερεὺς.

В Числах «старци» – 8 р., Числ. 10.31 11.16(2) 11.24 11.25 16.25 22.4 22.7 – ἡ γερουσία 2 р. / οἱ πρεσβύτεροι 6 р.; «старѣшины» – 6 р., 13.2 13.3 14.4 16.2 16.3 – ἀρχηγοὶ / 16.3 κατάρχεις.

Во Второзаконии «старци» – 15 р., Втор.19.12 21.2 21.3 21.4 21.6 21.19 22.15 22.17 22.18 25.7 25.8 25.9 27.1 28.50 31.9 – ἡ γερουσία 13р. / οἱ πρεσβύτεροι 31.9 / 28.50 πρεσβύτου; «старѣшины» – 6 р., 1.13 1.15 5.23 29.10 31.28 33.21 – 1.13 5.23 ἡγεμόνες / 1.15 ἡγείσθαι / 29.9/10 οἱ ἀρχίφυλοι / 31.28 τοὺς φυλάρχους / 33.21 ἀρχηγοίς.

В Книге Иисуса Навина «старци» – 11 р., Ис.Нав.6.21/20 7.6 7.23 8.10 9.5а/8.33 9.11/17.20.4 23.1 23.2 24.1 24.29 – ἡ γερουσία 23.2 / οἱ πρεσβύτεροι 10р.; «старѣшины» – 3 р., 10.24 τοὺς ἐναρχομένους, 13.21 τοὺς ἡγουμένους, 21.1 ἀρχιλατρίωνται.

В Книге Судей «старци» – 13 р., Суд.2.7 8.14 8.16 11.5 11.7 11.8 11.9 11.10 11.11 19.16 19.17 19.20 21.16 – ὁ πρεσβύτερος / οἱ πρεσβύτεροι; «старѣшины» – 6 р., Суд.5.2 Α ἀρχηγούς¹⁸; 5.29 Β αἱ σοφαὶ ἀρχουσαι, 9.44 9.51 11.6 Α οἱ ἡγούμενοι (3 р.), 11.11 Β εἰς ἀρχηγόν / Α εἰς ἡγούμενον.

В целом, «старьць»/«старьци» соответствует двум обозначениям: ὁ πρεσβύτερος/οἱ πρεσβύτεροι («старый», «старший», «старейшина») и ἡ γερουσία («герусия», «совет

¹⁶ См., например [34. Р. 58; 35]. Разумеется, существуют разногласия также и в степени оценки этой буквальности или, в некоторых случаях, свободы перевода [36; 37. Р. 12; 38. Р. 477].

¹⁷ Книга Бытия цитируется по изданию А.В. Михайлова [25] (основной список – Ундольского № 1, ныне РГБ); Книга Исход – по подготовленному мною тексту [39]; тексты оставшихся книг Восьмикнижия отцифрованы и доступны на сайте Троице-Сергиевой Лавры (<http://www.stsl.ru/manuscripts/index.php> – основной фонд рукописей). Мною использованы списки Троицкий № 1, № 2, № 44, № 45, № 728, Московской Духовной Академии № 12. Книги Левит и Иисуса Навина цитируются по Архивскому списку; Числа и Второзаконие – по Троицкому № 44; Судей – по Виленскому и Троицкого хронографа (№ 728). Данные рукописей: Виленский, Библиотека АН Литвы, F 19–109, 1-я треть XVI в.; Архивский (Арх) – РГАДА, ф.181, оп. № 1, собр. МГАМИД, № 279, 3-я четверть XV в.; Троицкий-1 (Т1) – РГБ, ф.304.1, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 1, 2-я половина XIV в.; Троицкий-2 (Т2) – РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 2, конец XIV в.; Троицкий-44 (Т44) – РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 44, XV в.; Троицкий-45 (Т45) – РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 45, конец XVI в.; Троицкий-728 (Тр) – РГБ, собр. Троице-Сергиевой Лавры, № 728, начало XV в.; МДА-12 (Д) – РГБ, ф.173.1, собр. Московской Духовной Академии, № 12, начало XVI в.

¹⁸ Текст Книги Судей в Септуагинте сильно различается в двух фамилиях списков, древнейшими представителями которых являются унциалы А и В. Славянский перевод имеет характеристики, сближающие исходный текст и с той, и с другой группой, т.е., возможно, был сделан с позднего списка (но этот вопрос еще не изучен). По изданию [40. Р. 806], в Суд.5.2 вариант А читается в таких рукописях и древних переводах: AMNa-dghlnptv-yb₂-ArmEth.Lat.Sir.Or-lat.

старейшин'). Соответственно имеем 47 и 23 примера. Словом «старѣшина» переданы чаще всего ὁ ἡγούμενος/οἱ ἡγεμόνες ('ведущий'/'ведущие', слово отразилось в кальке «игумен», около 50 примеров) и οἱ ἀρχηγοὶ (9 примеров). Помимо этого, для «старѣшина» фиксируется большой набор разнообразных греческих обозначений, единичных или представленных двумя-тремя примерами: Быт.41.34 τοτάρχας; Быт.47.5 ἄρχοντα; Исх.2.14 ἄρχοντα; Втор.29.9/10 οἱ ἀρχιφυλοὶ; Втор.31.28 τοὺς φυλάρχους; Исх.Нав.10.24 τοὺς ἐναρχομένους; Исх.Нав.21.1 ἀρχιπατριῶται. Как «старѣшина» иногда переведены глагольные формы: Втор.1.15 ἡγεῖσθαι; Суд.5.29 (αἱ σοφαὶ) ἄρχουσαι¹⁹. Сложные слова переданы двухсоставными образованиями, о чем уже говорилось: «старѣшина стражемъ темница» ἀρχιδεσμοφύλαξ Быт.39.22; «старѣшина жрьцьемъ» ὁ ἀρχιερεὺς Лев.4.3 и т.п.

Для нашего исследования важно, что, несмотря на некоторую неустойчивость греческих и славянских соответствий, все же приблизительно очерчиваются два *различных* ряда: «старьць»/«старьци» – для πρεσβύτεροι и γερούσια и «старѣшина» – в основном, для ἡγεμόνες и ἀρχηγοὶ. Следует добавить, что 3-й ряд образован словом «князь»/«князи», которым переданы почти исключительно ὁ ἄρχων/οἱ ἄρχοντες ('начальник'/'начальствующие'; здесь 96 примеров и 3 исключения²⁰). Как уже отмечалось, для Восьмикнижия все три обозначения находятся на одном уровне властной иерархии, на более высоком уровне стоит «цѣсарь». При этом «князь» ближе к «старѣшина»²¹. Что касается семантических различий, несомненно они существуют, и здесь достаточно одного примера. «Старьць» и «старьци» в Быт. – это, в основном, обозначение возраста, 'старый'. Например, Сарра, когда получила известие о том, что у нее родится сын, якобы про себя подумала: «...се мужь мой старець» (Быт.18.12). Но вот в Быт.50.7 в похоронах патриарха Иакова участвуют «*всѣ старцы* (в одном из списков: *отроци*) *Фараона и старци дому его* (вар.: домашний ему) . и вси старци *земля Египетская*» – и поскольку сын Иакова Иосиф в это время является «князем» всей земли Египетской (Быт.42.6, 45.8), можно уверенно предполагать статусный или же политический смысл сообщения. При этом, во всех случаях в греческом оригинале использовано πρεσβύτερος, а в славянском Восьмикнижии «старьць». Забегая вперед, то же самое наблюдаем в летописи. Например, относительно выражений со словом «старьць»/«старьци» можно выделить три значения: социально-политическое, возрастное и – в описаниях монастырской жизни – статусное.

Динамики в словоупотреблении нет, общее впечатление из прочтения Восьмикнижия таково, что старци и старейшины (а также князья и даже цари) существовали всегда. 'Ведущие', 'старшие' и 'начальствующие' фиксируются с того момента, как возникает более двух поколений рода людского, уже в Бытии²². При этом, в Восьмикнижии имеются фрагменты со сложными перечнями и «пересечениями» значений. Одни и те же группы людей могут быть названы по-разному: старейшинами, князьями, мужами... Как правило, подобные выражения сосредоточены в более поздних по происхождению книгах – Второзаконии и Числах (хотя во всех древнееврейских книгах Восьмикнижия имеются следы «Priestly Narrative» и прочих поздних наслоений). «Пересечения» значений см., например, в сюжетах из Книги Чисел – о разделении («причастьи») земли, и о переговорах

¹⁹ По группе списков унциала В.

²⁰ Числ. 24.17 и 25.4 «князи» – τοὺς ἀρχηγοὺς, и Суд.11.11 «поставити княземъ» – видимо, использована метафора «εἰς κεφαλὴν» ('во главу').

²¹ Кстати, в двух случаях (Быт.47.5 и Исх.2.14) словом «старѣшина» переведено ἄρχων, а словом «князь» – ἀρχηγοὶ, для чего более типичным был перевод «старѣшина», см. выше.

²² Даже царская власть существовала если не всегда, то с такого момента, который с полным правом может считаться «изначальным». Например, внутри перечня потомков Исава-Едома, где упоминаются «старѣшины»-ἡγεμόνες (Быт.36.15–36.43), читаем сообщение о царях: «*сн же цѣн . нже цѣтвоваша въ едомѣ . преже цѣтвования цѣ въ иѣли*» (Быт.36.31).

царя Валака с волхвом Валаамом о проклятии «сыновъ Израилевъ» (вслед за чем в Числах следует известный сюжет о Валаамовой ослице):

Причащение земли, Числ.34.18: «и **кнѣзь ѿдинъ** [ѿ племени]»²³. да поимете причастити ва^м землю». В следующем стихе, Числ.34.19, о тех же действующих лицах: «си же имена **моужь, племени юднина**» – ср. καὶ ἄρχοντα ἓνα ἐκ φυλῆς... τῶν ἀνδρῶν... Валак посылает своих посланников к Валааму, и тот в конечном итоге соглашается прийти проклясть «Израиля». Числ. 22.7 «и **идоша старци моавли** [и старци мадиамли]»²⁴ – ἡ γερουσία Μωαβ καὶ ἡ γερουσία Μαδιαμ; Числ.22.35 «**иде же валаамъ съ кнѣзи валаковъ**» – ...μετὰ τῶν ἀρχόντων Валак.

Сложные перечни ср. например:

Втор. 5.23 «и **придоште ва^м старѣшинны племенъ вашнѣ и старци вашнѣ**» – οἱ ἡγούμενοι τῶν φυλῶν ὑμῶν καὶ ἡ γερουσία ὑμῶν. Втор. 31.28 «**призовѣте къ мнѣ старѣшинны племенъ вашнѣ и старца ваша . и книгѣи ваша и соудѣи ваша**» – τοὺς φυλάρχους ὑμῶν καὶ τοὺς πρεσβυτέρους ὑμῶν... Суд.11.11 «и **поставиша [и]**²⁵ **людие старѣшинну на^а собору . и кнѣзь**» – В εἰς κεφαλὴν καὶ εἰς ἀρχηγόν²⁶.

Иногда усложнение состава участников или маловразумительные отождествления разных «чинов» могли возникнуть уже на славянской почве. Например, Числ. 16.13 «**яко ты еси старѣшинна нашъ и князь**» переведено ὅτι κατάρχεις ἡμῶν ἄρχων, буквально – ‘поскольку правишь нами, начальник’. Невнятное Втор.33.21 «**кнѣзь събранъ старѣшинна людемъ**» возникло при пропуске греч. ἅμα (‘одновременно’, ‘вместе с’) – ср. ἀρχόντων συνηγμένων ἅμα ἀρχηγοῖς λαῶν. Существительным могли перевести форму глагола ηἰέομαι (‘идти впереди’): Втор.1.15 «и **поужъ ѿ ва^м моудры оумѣтелеа смыслыи . и поставихъ ѿ ва^м старѣшинны тыгунцикии . и книгѣи соудѣи ва^мшии^м**» – ...ἀνδρας σοφοὺς καὶ ἐπιστήμονας... κατέστησα αὐτοὺς ἡγεῖσθαι ἐφ’ ὑμῶν χιλιάρχους...

Попутно выясняется происхождение выражений «старци людьскыи» (Исх.17.5 19.7 Числ.11.16 11.24²⁷) и «старци градьскыи» (Втор.22.17 Суд.8.16)²⁸. Эти выражения, проявившиеся также в ПВЛ в описании княжения Володимира Святославича²⁹, обязаны своему появлению случайности перевода. ἡ γερουσία или οἱ πρεσβύτεροι τῆς πόλεως ἐκείνης/αὐτοῦ/σου переводилось как «старци града сего/его/твоего», а в том случае, если определительное слово отсутствовало, τῆς πόλεως или τοῦ λαοῦ было передано прилагательным «градьскыи» либо, соответственно, «людьскыи»³⁰.

Теперь вернемся к ПВЛ. Как распределены в летописи выражения со словом «старьць»/«старьци»? Как уже отмечалось, впервые слово находим в сюжете о полянской дани мечами. Далее девять подобных выражений помещены в рассказе

²³ Так T1 T45, что поддерживается греч. текстом; в русской редакции (T44 Д...) ошибочно **оучьства**.

²⁴ Так T1 T45, что поддерживается греч. текстом; в русской редакции ошибочно пропущено.

²⁵ Вариант: поставиша и; κατέστησαν αὐτόν;

²⁶ В группе унциала А несколько иначе: εἰς κεφαλὴν εἰς ἡγούμενον.

²⁷ Исх.17.5 «**поили же со собору ѿ старецъ людьскыи**»; Исх.19.7 «**прише^а же монсе\ . [и] въззва старца людьскыи**»; Числ.11.16 «**яко ти соуд старци людьстн и кнѣгѣи ихъ**»; 11.24 «**събра .ѿ. моужъ ѿ старецъ людьскыи**».

²⁸ Втор.22.17 «и да **разгноуць рнзюу пре^а старци градьскыи**»; Суд.8.16 «**пол старца градныи и разлбе л по трннию**».

²⁹ 102.18–19Л 986 г. в «Речи Философа» об Ироде; 106.15–16Л 987 г.; 124.23–24Л 996 г.; 127.27–28Л 997 г. (старѣшинны...). Следует отметить, что «старци людьскыи» встречаются неоднократно в Евангелии и других библейских книгах. Мт.21.23: «...**приступиши къ немю старѣшинны жьрьцьскыи и старци людьстни**». Лк.22.66: «...**събрашася старци людьстни и старѣшинны жьрьцьскыи и книжници и вѣдшии на събору свои**». Мт.26.3: «...**събраша сѧ архирѣки и книжници и старци людьстни въ дворе архирѣковъ**». См. [41. Л. 49а.23 (183в.20–21), 1206.21–22, 1416.16–17]. Еще: Лк.23.1; Мт.21.23; Мт.27.1. [41. Л. 120в.23, 131а.17, 144в.17–18 (167в.2)]. Ссылаюсь на примеры, которые были приведены мною в [42], «Старци градьскыи» – по-видимому, более редкое выражение, хотя исчерпывающего списка, несмотря на внимание исследователей к этому вопросу, до сих пор нет.

³⁰ См. Втор.19.12 «**старци града того**» – ἡ γερουσία τῆς πόλεως αὐτοῦ; 21.2 «**да придюць старци твои**» – ἡ γερουσία σου; 21.19 «**пре^а старца града своего**» – 21.19 τὴν γερουσίαν τῆς πόλεως αὐτοῦ; Втор.22.17 «и да **разгноуць рнзюу пре^а старци градьскыи**» – 22.17 ἐναντίον τῆς γερουσίας τῆς πόλεως.

о княжении Володимира Святославича (под 980, 983, 986, 987 три раза, 996 два раза и 997 г.)³¹. Единичное высказывание из пророка Исаяи в ряде цитат, подтверждающих утверждение летописца о негодном князе Святополке³², видим под 1015 г. После чего следуют «старцы» из монастырских повествований о Киево-Печерском монастыре, 1051³³ и 1074³⁴ гг., известие о смерти «доброго старца» Яня 1106 г.³⁵ и пересказ сюжета из Книги Товит в Хронике Амартола под 1111 г.³⁶ Если изъять упоминания киево-печерских старцев-монахов, прямые библейские цитаты (980, 1015 г.) и известия 1106 и 1111 гг., где слово употребляется для обозначения возраста, то тогда оказывается, что «социально-политическое» значение отмечено только для описания правления Володимира Святославича и сюжета о дани мечами. Разумеется, подобное разграничение может быть проведено лишь с некоторой степенью условности, и тем не менее: лишь в сюжете о дани мечами из недатированной части ПВЛ и под 983–997 гг. речь идет о советах со «старцами», совместных решениях и статусных мероприятиях.

Слово «старѣишины» распределено в ПВЛ несколько иначе. Дважды встречается в рассказе о полянской дани хазарам; затем в рассказе о смерти Олега от своего коня (912 г.)³⁷; о 4-й мести княгини Ольги и наказании, наложенном на град Искоростень (946 г.)³⁸; в повествовании о княжении Володимира Святославича пять раз: трижды в «Речи Философа» (986 г.)³⁹ а также под 996 г.⁴⁰ и 997 г.⁴¹; в монастырском рассказе 1074 г.⁴²; обращении Изяслава Ярославича к брату Всеволоду под 1078 г.⁴³; цитате 1111 г. из Хроники Амартола⁴⁴. Здесь «политическое» значение не так интенсивно проявилось в периоде княжения Володимира, но зато оно выходит за эти рамки.: можно назвать сообщение 946 г. о мести Ольги и слова Изяслава Ярославича, обращенные к брату, под 1078 г. Как видим, сферы употребления слов «старьць» и «старѣишина» разнятся, хотя и незначительно. Это, в целом, не должно удивлять, учитывая то, что для «старьць» и «старѣишина» найдены несовпадающие ряды греческих соответствий, и подобная закономерность

³¹ Под 980 г. в цитате из Притч: 81.16–17Л «внегда аще съдѣтъ на сонницѣ . съ старци и съ жителѣ земли». Под 983 г. в сюжете о варягах-мучениках: 82.8–9Л «и рѣша старци и воладе мечемъ жреви...». Под 986 г. в «Речи Философа» об Ироде: 102.18–19Л «призвавъ книжники и старци людскыи». Под 987 г. трижды в описании советов князя: 106.15–16Л «говзвѣ володимеръ волады своѣ и старци градскыи»; 107.2Л «рѣша воладе и старци»; 108.5–6Л «говзвѣ князь волады своѣ и старца». Под 996 г. в рассказе об устройении празднества и совете по поводу вир и казни: 124.23–24Л «створи праздникъ великъ въ тѣ дѣи . воладо⁴⁰ и старцемъ людскимъ»; 127.6Л «рѣша еписпи и старци . рать многа...». Под 997 г. – в рассказе о белгородском вече: 127.24–25Л «въ же единъ старецъ не былъ на вѣчи томъ».

³² 140.10Л; Бог отымет от грешников «... сльбена старца . и дивна свѣтника».

³³ Дважды: 159.21–22Л «братъя идоша к старцю антонью»; 159.27–28Л «бра³³та же ради бывше поклонилася старцю».

³⁴ 190.8Л «судашеться старче слово»; 190.9Л «бѣ же и другыи старецъ именовъ матфѣи»; 190.25Л «се же вида старецъ повѣдаше брати»; а также еще 10 подобных примеров.

³⁵ 281.7–8Л «преставилсѣ ганъ старецъ добрый». Тут также может быть влияние библейской топики, но опосредованное. Ср. выражение (умер) «... въ старости добръ...» Быт.15.15 25.8.

³⁶ «Дѣла старца саландѣ . видѣти створи емоу оубо» [43. Стб. 270. Строки 11–12].

³⁷ 38.28Л «призва старешинну конюхо³⁷ . ре³⁷...». Упоминается «старѣишина конюхомъ», т.е. имеем дело с типичной конструкцией, такой, как «старѣишина жьрьцемъ» или «старѣишина стражемъ...», см. выше.

³⁸ 59.28Л «старѣишины же града изывилма».

³⁹ О «спадении» Сатанаила и поставлении на его место архангела Михаила, а также в прямой цитате из Михей – пророчестве о Христе. Первые два фрагмента, по-видимому, связаны с изложением в Книге Юбилеев. Ср. 87.30Л «старѣишина чинѣ дѣлкъ»; 88.5–6Л «въ него же мѣсто постави старѣишину михаила»; Михей 5.2, 100.16–17Л «из тебе во изидеть старѣишина быти въ князехъ во изиди». Определение происхождения последнего фрагмента см. [7. С. 703].

⁴⁰ 125.7–8Л «съзываетъ волады своѣ . и посадники [и] старѣишины по вѣ⁴⁰ градомъ».

⁴¹ 127.27–28Л «се слышавъ посла по старѣишины градскыи».

⁴² «Старѣишиною» назван антихрист в диалоге бесов и одного из печерских подвижников: 196.27Л «поклонилсѣ кси нашему старшинѣ и наизъ»; 197.1–2Л «ваш старѣишина антихрестъ кестъ».

⁴³ 203.1Л «наре⁴³ ма старѣишину свѣтъ».

⁴⁴ Ср. [43. Стб. 269. Строка 8] «языкомъ старшины наставляюще» и [44. С. 160–161].

наблюдается не только в Восьмикнижии, то же можно отметить и для иных переводных текстов⁴⁵. Тем не менее, отмеченные расхождения все же незначительны. И «старьци» и «старѣшины» появляются в ПВЛ, начиная с повествования о дани хазарам, пик словоупотребления приходится на время Володимира Святославича, последний раз их видим в статье под 1111 г.

Даже более важно то, что обнаруживается связь сюжета о хозарской дани и повествования о Володимире Святославиче: повторюсь, только на этих двух участках слово «старьци» имеет «социально-политическое» значение. Это подкрепляется наблюдением иного рода – в обоих случаях использованы одни и те же источники. Известно, что идеологически важные моменты в ПВЛ (в том числе Введение, период княжения крестителя Руси и окончание свода) маркированы сильными влиянием переводной литературы – как библейской, так и хронографической. В нашем случае в рассказе о дани хазарам и в статье 986 г. в «Речи Философа» находим мотив младенца Моисее, провещавшем гибель Египта⁴⁶. Этот мотив восходит к Книге Юбилеев, в славянской версии известной под названием «Дробное Бытие» [46], или какой-то из ее переработок. При этом исследования параллельных сюжетов об «угрожающей дани», к каковым относится сюжет о полянской дани мечами, как показал А.В. Коптев, обладают определенной цельностью. Подобные истории содержат загадку (само предложение чужим правителям меча, стрел...) и разгадку – интерпретацию необычной дани [4]. Эпизод с ребенком Моисеем содержится как раз во второй части. Таким образом, по всей видимости, летописец использовал бродячий сюжет, но текстуально оформил он его уже *вместе* с заимствованием из «Дробного Бытия». Немаловажно также общее соотношение различных участков текста начальной летописи. В «Речи Философа» и в начальной части ПВЛ использованы библейские и хронографические источники (Хроники Георгия Амартола и Иоанна Малалы) а также Книга Юбилеев⁴⁷. Иногда «Речь Философа» считают отдельным произведением, но исследование ее источников не подтверждает такое предположение; судя по всему, это сочинение летописца, созданное после 1100 г. [46]. В свою очередь, по моим наблюдениям, тесно связаны одно с другим также Введение, статья 1065 г. и завершение ПВЛ. Таким образом, как представляется, на всех названных участках текста проявились признаки работы составителя ПВЛ и они принадлежат одному текстуальному слою.

Что касается того, почему слова «старьць» и «старѣшина» столь редко используются во Введении ПВЛ и практически не встречаются после 1078 г., как и всегда, подобные свойства текста невозможно заранее предугадать, приступая к теме исследования, но можно попытаться объяснить. Относительно недатированной части – судя по всему, она отражает не глубины народной памяти⁴⁸, а тщательно составленный на основе устных (?) и письменных источников конструктор летописца. И, видимо, таким образом проявились предпочтения составите-

⁴⁵ О соответствиях к слову «старѣшина» см., например, [45. С. 288, 292–293].

⁴⁶ Мотив более детально разработан в «Речи Философа» и кратко упомянут в недатированной части ПВЛ. Ср. «Речь Философа», 94.12–17Л: «*быѣ штроча красно . и быѣ . лѣѣ . д . и приведе [н] дщи Фараона ко шци своєму . видѣвъ же монѣи Фараона нача ливити штроѣ . монси же халапса за шно срони вънець . съ главы цѣвы и попра и . видѣвъ же волзѣвъ и реѣ цѣви . ш цѣи погѣки штроча се . аще ли не пѣгѣкишь . нмать погѣкити всего єгипта . и не послуша єго цѣ . но паче повелѣ не погѣкити дѣтин жидовьскиѣ». Недатированное Введение ПВЛ, о полянской дани мечами, 17.16–19Л: «*тако [н] при Фараонѣ цѣи єгипетьстѣль єда приведоша монѣи предѣ Фараона и рѣша старѣшина Фараона /ИИХ старци Фараони/ . се хочеть єгипетити власть єгипетьскѣи . тако же и быѣ погѣкоша єгиптане ѿ монсеа...».**

⁴⁷ О хронографических источниках ПВЛ см. [47] (там же литература вопроса). О заимствованиях из Юбилеев во Введении: обозначена высота Вавилонского столпа, 5433 локтя, ср. [48. Р. 62] (Jub.10:21); 5.15Л. В «Речи Философа» таких заимствований несколько.

⁴⁸ Вообще, уповать на глубину народной памяти достаточно опасно в тех случаях, когда нет никакой письменной фиксации. Отмечены случаи, когда даже основополагающие мифы существенным образом трансформировались, а память о предыдущих версиях стиралась бесследно на протяжении всего лишь 60 лет (условно, 3-х поколений). См., например, [49. Р. 4].

ля ПВЛ в выборе книжной топики. Например, он несколько раз ввел выражение «мудри/добри и смыслени», которое также имеет библейско-хронографическое происхождение. Одно из мест Восьмикнижия, где это выражение встречается, процитировано выше (см. Втор.1.15), многие из примеров исследователи уже отмечали⁴⁹. Введение чрезвычайно насыщено книжной топикой, вероятно, употребление одних излюбленных выражений вытесняло другие. Что касается того, почему «старцев» нет после 1078 г., – может быть, в основе лежит простейшая рациональная причина. ПВЛ редактировалась во время киевского княжения Володимира Мономаха (в 1113–1116 гг.), а в годы утверждения на киевском княжеском столе Всеволода Ярославича (1078–1093) и Мономаха (1113–1125), младших представителей семейства Ярослава, намеки на старейшинство были нежелательны (зато в это время интенсивно начинает эксплуатироваться идея «отчины»).

Все сказанное имеет многообразные последствия как исторического плана, так и касающиеся текстологии ПВЛ. Прежде всего, не оправдываются ожидания, связанные с традиционной схемой развития Древней Руси. Упоминаниями старцев и старейшин должна была бы изобиловать легендарная история славянских племен и Руси, но все они, за исключением *одного*, помещены уже в истории киевских князей⁵⁰. Более того, этот единственный сюжет «догосударственного периода» о полянской дани мечами, где фиксируются «старьци» и «старьшины», испытал отчетливое влияние библейских и хронографических переводных текстов. Соответственно, он отражает отнюдь не некую дошедшую до нас древнюю легенду, а сконструированный составителем ПВЛ рассказ. Он плотно связан с повествованием о времени Володимира Святославича, где прослеживается наибольшая концентрация известий о старцах и старейшинах, а что касается «социально-политического» значения слова «старьци», то оно отмечено исключительно для сюжета о дани мечами и княжения крестителя Руси. Если еще точнее – для событий, так или иначе связанных с крещением. Выражения встречаются в летописных статьях 983–997 гг., т.е. от одного из эпизодов «языческой реакции», истории варягов-мучеников, и до построения и освящения Десятинной церкви. Киевский летописец, видимо, недаром поместил эти слова преимущественно в киевский период, акцентировав на времени Володимира Святославича. Для этого книжника, исходя из закономерностей использования заимствованной лексики и топики, то был признак «парадного», надлежащего описания древних (учитывая его точку отсчета – начало XII в.) князей. Исследование терминологии Восьмикнижия показывает, что саму идею развития общества от правления «старьшинь» и «старцевь» до князей–верховных правителей древнему книжнику взять было неоткуда – а наличие или, как в данном случае, отсутствие авторитетного образца для средневековых книжников имело огромное значение⁵¹. Уже в Книге Бытия фиксируются и «цѣсарь», и «князи», и «старьци», и «старьшины»; общая картина словоупотребления

⁴⁹ Втор.1.15 предшествует Втор.1.13, варьирующее те же выражения: «*дадите себѣ мѡужа мѡудры оумѣтелѣ . смыслны въ племѣньѣ вашиѣ . да поставишѣ старьшины вашиѣ*»; см. [50. Р. 272]. Исследователь отмечает не все из имеющихся примеров (кроме приведенных выше, им указаны также Быт.41.33, 41.39), к тому же совершенно неверно пишет о том, что найденные по поиску в ТЛГ примеры исчерпывают сферу словоупотребления греческих выражений, которые стоят за этим оборотом [51].

⁵⁰ Не исключено, что это может отражать и историческую реальность – например, по наблюдениям исследователей, в истории формирования хорватского государства действует хорватский правящий род – «консолидированная группа, не связанная с какими-либо локальными “племенными” центрами» [52. С. 122]. Возможно, «русь» договоров с греками представляет собой аналог такой «консолидированной группы» (хотя детали исследователями реконструируются по-разному). Касательно того, что в греческих и латинских источниках, повествующих о событиях V–VII вв., найдены соответствующие аналоги «старцам» и «старейшинам» (см. [9]), следует учитывать, что эти обозначения отражают греко- и латиноязычную традиции, но не собственно славянскую.

⁵¹ О значении авторитетных образцов см., например, [53. С. 33].

довольно сложна, но при этом статична. Что касается текстологии, судя по всему, неоправданны попытки «расслаивать» сюжет о полянской дани мечами. Введение же ПВЛ в целом, по-видимому, следует относить не к работе авторов предшествовавших сводов, а считать его произведением самого составителя начальной летописи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись.
2. The Povest' vremennykh let: An Interlinear Collation and Paradosis / Ed. D. Ostrowski. Cambridge (Mass.), 2003 (Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: Vol. X. P. 1–3).
3. Данилевский И.Н. Повесть временных лет: герменевтические основы летописных текстов. М., 2004.
4. Koptev A. The Story of «Chazar Tribute»: A Scandinavian Ritual Trick in the Russian Primary Chronicle // Scando-Slavica. 2010. Vol. 56. № 2.
5. Гиппиус А.А. «Рекоша дружина Игоревы...». К лингвотекстологической стратификации начальной летописи // Russian Linguistics. 2001. Vol. 25.
6. Петрухин В.Я. «Русь и все языци». Аспекты исторических взаимосвязей: историко-археологические очерки. М., 2001.
7. Шахматов А.А. Повесть временных лет. Пг., 1916. Т. 1. Вводная часть. Текст. Примечания.
8. Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 2.
9. Izdebski A. The Slavs' Political Institutions and the Byzantine policies (ca.530–650) // Byzantinoslavica. 2011. Issue 1–2.
10. Горский А.А. Русь от славянского расселения до Московского царства. М., 2004.
11. Лукин П.В. «Старцы» или «старшие»? О терминологии славянской «племенной знати» // Славяноведение. 2010. № 2.
12. Fried M.H. On the evolution of social stratification and the state. Indianapolis, 1960.
13. Fried M.H. The notion of tribe. Menlo Park (Calif.), 1975.
14. Beliaev D.D., Bondarenko D.M., Korotayev A.V. Origins and Evolution of Chiefdoms // Reviws in Anthropology. 2001. Vol. 30.
15. Толочко О.П., Толочко П.П. Київська Русь. Київ, 1998.
16. Завадская С.В. «Болярин»–«боярин» в древнерусских письменных источниках // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1985.
17. Завадская С.В. Возможность источниковедческого изучения «праздников» – «пиров» князя Владимира в летописных записях 996 г. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Проблемы источниковедения. М., 1990.
18. Завадская С.В. К вопросу о «старейшинах» в древнерусских источниках XI–XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1987. М., 1989.
19. Завадская С.В. О «старцах градских» и «старцах людских» в Древней Руси // Восточная Европа в древности и Средневековье. М., 1978.
20. Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). Курс лекций. М., 1999; (XII–XIV вв.) Курс лекций. М., 2000.
21. Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004.
22. Tolochko O.P. The Primary Chronicle's «Ethnography» revisited: Slavs and Varangians in the Middle Dnieper Region and the Origin of the Rus' State // Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Turnhout, 2007.
23. Петрухин В.Я. «Русь и все языци». Аспекты исторических взаимосвязей: Историко-археологические очерки. М., 2011.
24. Славова Т. Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиевски студии. 1989. Кн. 6.
25. Михайлов А.В. Книга Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1900–1908. Вып. 1–4.
26. Dadiverin I. Das Buch Leviticus. Die Methodbibel, Kritische Ausgaben altbulgarischer Texte. Salzburg, 1995. Т. 4 (Die Slawischen Sprachen 40).
27. Atanasova D. Das Buch Joshua. Die Methodbibel, Kritische Ausgaben altbulgarischer Texte. Salzburg, 1996. Т. 9 (Die Slawischen Sprachen 49).
28. Atanasova D. Das Buch Richter. Die Methodbibel, Kritische Ausgaben altbulgarischer Texte. Salzburg, 1994. Т. 2 (Die Slawischen Sprachen 38).
29. Dunkov D. Das Buch Rut. Die Methodbibel, Kritische Ausgaben altbulgarischer Texte. Salzburg, 1993. Т. 1 (Die Slawischen Sprachen 34).
30. Van der Meer M.N. Formation and Reformulation. The Redaction of the Book of Joshua in the Light of the Oldest Textual Witnesses. Brill; Leiden; Boston, 2004 (Supplements to Vetus Testamentum. Vol. CII).

31. *Lawson G.S.* From Tribal Confederation to Monarchic State: The Editorial Perspective of the Book of Judges. A Dissertation Presented to the Faculty of the Graduate School of Yale University in candidacy for the Degree of Doctor of Philosophy. Yale, 1988.
32. *Stackert J.* Rewriting the Torah: Literary Revision in Deuteronomy and the Holiness Legislation. Tübingen, 2007 (Forschungen zum Alten Testament. 52).
33. *Römer Th.* The Exodus in the Book of Genesis // Svensk Exegetisk Arsbok. Uppsala, 2010. T. 75.
34. *Wevers J.W.* The LXX Translator of Deuteronomy // IX Congress of the International Organization for Septuagint and Cognate Studies. Cambridge, 1995 (1997).
35. *Honigman S.* LXX and Homeric Scholarship. London; New York, 2003.
36. *Hendel R.S.* The Text of Genesis 1–11: Textual Studies and Critical Edition. New York, 1998.
37. *Joosten J.* Rhetorical ornamentation in the Septuagint: The case of grammatical variation // Et sapienter et eloquenter. Studies on Rhetorical and Stylistic Features of the Septuagint. Göttingen, 2011.
38. *Van der Meer Michael N.* The Septuagint and its Literary-critical Value according to Emanuel Tov // Bibliotheca Orientalis. T. LXI № 5–6. Sept.–Dec. 2004.
39. Книга Исход. Древнеславянский полный (четий) текст по спискам XIV–XVI вв. / Сост. Т.Л. Вилкул. (В печати).
40. *Brooke A.E., McLean N.* (eds.) The Old Testament in Greek. According to the Text of Codex Vaticanus Supplemented from Other Uncial Manuscripts, with a Critical Apparatus Containing the Variants of the Chief Ancient Authorities for the Text of the Septuagint. Cambridge, 1917.
41. Апракос Мстислава Великого. М., 1983.
42. *Вилкул Т.Л.* Люди и князь в древнерусских летописях середины XI – XIII вв. Київ, 2007; М., 2009.
43. ПСРЛ. М., 1998. Т. 2. Ипатьевская летопись.
44. *Истрин В.М.* Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Пг., 1920. Т. 1: Текст.
45. *Пичхадзе А.А.* Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.
46. *Вилкул Т.Л.* О происхождении «Речи Философа» // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2012. Т. XX. № 1.
47. *Вилкул Т.Л.* Повесть временных лет и Хронограф // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2007. Т. XV. № 2.
48. The Book of Jubilees / Tr. by J.C. Vanderkam. Lovanii, 1989 (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium. Vol. 511. Scriptorum Aethiopicum. T. 88).
49. *Frahm E.* Conter-texts, commentaries and Adaptations: Politically Motivated Responses to the Babylonian Epic of Creation in Mesopotamia, the Biblical World, and Elsewhere // Orient. 2010. Vol. XLV.
50. *Гунтус А.А.* Рекоша дружина Игореву... 3. Ответ О. Б. Страховой (Еще раз о лингвистической стратификации Начальной летописи) // Palaeoslavica. Cambridge (Mass.), 2009. Т. XVII. № 2.
51. *Вилкул Т.Л.* Цитати з Восьмикнижжя в ранніх давньоруських літописах або як змінюється зміст історичних повідомлень // Український історичний журнал. 2013. № 1.
52. *Алимов Д.Е.* Полития Борны: Gentes и Herrschaft в Далмации в первой четверти IX века // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. СПб., 2011. № 1(9).
52. *Толочко А.П.* Как была разрушена Десятинная церковь в Киеве? // Казус 2007–2009. М., 2012.



© 2014 г. В.Г. ЧЕНЦОВА

КТИТОРСТВО И ЦАРСКИЙ ТИТУЛ: РОССИЯ И ХИЛАНДАРСКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVI ВЕКЕ

Памяти Димитрия Настасе

В 1547 г. Иван IV Грозный после торжественного венчания принял титул «царя всеа Русии». Тогда же последовало укрепление отношений московского двора с афонским Хиландарским монастырем: русский государь стал его новым «ктитором», приняв на себя покровительство над «царской лаврой» сербских правителей, за которое шла борьба между Россией и валашскими господами. Богатые дары монастырю должны были способствовать признанию нового высокого титула за рубежами России.

Ivan IV the Terrible after his solemn coronation in 1547 adopted the title «tsar» of Russia. At the same moment the Muscovite court established privileged relations with the Chilandar monastery on Mount Athos, the tsar becoming a new «founder» or ktitor of this previously “imperial lavra” of Serbian rulers. This patronage on Chilandar, disputed between Russia and the princes of Walachia, as well as rich gifts to the monastic community were intended to ascertain the recognition of the new ambitious title abroad.

Ключевые слова: Россия, Иван IV Грозный, Афон, Хиландар, царский титул, Валахия.

Венчание Ивана IV Грозного на царство в январе 1547 г. и переписка московского двора с духовными властями Христианского Востока в связи с этим событием давно привлекают внимание исследователей. Однако весьма важный атрибут царской власти, – право и обязанность покровительства афонскому Хиландарскому монастырю, – еще не рассматривался в перспективе соперничества за статус ктитора с валашскими господами и борьбой за переход сербского «царского» титула к русскому государю в обход румынских правителей. «Царский» статус Хиландара связан с тем, что этой обители традиционно оказывали покровительство не только византийские василевсы: монастырь считался «сербской царской лаврой» [1; 2. Р. 22–72; 3. С. 1–56]. Стефан Урош IV Душан, первый сербский «царь и самодержец» (с 1346 г.), в XIV в. подобно византийским императорам своими «хрисовулами» подтверждал афонским монастырям их права и владения, предоставляя и новые пожалования [3. С. 56–72]. Оказание покровительства Святой Горе, прежде всего – Хиландарскому монастырю, основанному первыми представителями сербской династии Стефаном Неманей (в монашестве Симеоном) и его сыном св. Саввой, внесение имен правителей и членов их семей в монастырские помянники становится важным признаком принадлежности к сербской правящей элите [4. С. 30–34]. После завоевания Сербии османами и пресечения династии

Ченцова Вера Георгиевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

«самодержлица» Мара Бранкович, дочь сербского правителя Георгия Бранковича, выданная замуж за султана Мурада II, сохранила христианскую конфессию и оставалась покровительницей православной церкви и монастырей Османской державы. Овдовев, она передала «наследство» царского покровительства в отношении афонских монастырей, прежде всего – Хиландара, – Владу Монаху, господарю зависимой от султана Валахии [5. Р. 125–137; 4. С. 184–206; 6. Р. 93–100 ; 7; 8. Р. 19–53, 62–84; 9; 10. Р. 160–164]. Приняв во внимание связывавшие обитель с валашскими господарями отношения «официального» ктиторства, признаваемого, прежде всего, самими монастырскими властями, можно в совершенно ином свете увидеть то внимание, которым хиландарская братия начала пользоваться при дворе царя Ивана Грозного.

Переписка Ивана IV с Хиландарским монастырем имеет весьма загадочное начало. В 1550 г. в Москву приехал игумен Хиландара Паисий с грамотой проигумена Геннадия, в которой братия обращалась к «самодержавному великому царю Московскому, единому правому государю, белому царю Восточным и Северным странам и всем православным христианом» и «второму Константину» [11. С. 93–96] (о титуле см. [12. С. 127; 13]) с просьбой принять монастырь под покровительство, извещая «о оскудении ктитор» и о том, что «ниоткуда ктитора, ни помощи не имат святой монастырь в здешних землях». В грамоте особо подчеркивалось, что «отколе имал святой монастырь помощь и укрепление, вси те земли туркове обладаша и дани великие на христианы узложиша», причем речь шла о Сербской земле, Греческой земле, «Западных» землях и «даже до Мултянские и Волошские земли»¹. Таким образом, текст письма свидетельствует о том, что братию перестала удовлетворять помощь, оказывавшаяся прежними ктиторами (а таковыми в последнее время были валашские господа, «унаследовавшие» сербское «право ктиторства»), и она начала искать нового покровителя.

Примечательно, что жалобы на обеднение и отсутствие какой-либо помощи обнаруживаются в письме хиландарцев, написанном в Москву в то время, когда румынские господа, по-видимому, оказались не в состоянии предоставлять материальную помощь сербской лавре: не случайно от периода между 1536 и 1569 гг. не сохранилось каких-либо новых документов о пожалованиях монастырю от воевод, хотя не исключено, что дарованные ранее права на получение выплат сохранялись². Возможно, в этот период, несмотря на предшествующие щедрые дары, предполагавшие ежегодное получение ренты, финансовое положение монастыря подвигло его власти искать иных покровителей, тем более, что ситуация в Валахии и отношения ее правителей с Портой оказались весьма неустойчивыми. Жалобы на отсутствие поддержки от валашских и молдавских правителей прямо высказаны и в письме игумена Пантелеймонова монастыря Павла, тогда же, в 1549–1550 гг., присланного царю с иеромонахом Иаковом «с товарищи»: «Нас zde, благочестивый царь и государь великий князь Иоан Васильевич, ни мутьяньский воевода, ни волошский не хотят жаловати никак же, а говорят нам так: вы себе имеете царя и государя великого князя Московскаго» [14. С. 179–181. № 63]. Пантелеймоновские монахи ссылались при этом на то, что «свои монастыри» валашские и молдавские господа жалуют, передавая им земли и села, в то время как монастырь «нарицаемый Русский» «жаловал» еще отец царя великий князь Василий Иванович, так что они имеют право на материальную поддержку со стороны московского государя. Впрочем, Пантелеймоновский монастырь после завоевания русских княжеств монголами не был обойден в первую очередь серб-

¹ В рукописи и издании – «Мултянские», что является явной опечаткой или неверно понятым переписчиком словом «Мултянские» (т.е. «Валашские» в отличие от «Валашской» / «Волошской» земли, Молдавии). См. [14. С. 182–186. № 65].

² После пожалований воеводы Раду VII Паисия в 1536 г. и до предоставления новых даров Александром II Мирчей в 1569 г. монастырь не получал от воевод новых грамот [8. Р. 62–108].

ским покровительством: не случайно именно в нем постригся св. Савва Сербский [1. Р. 130–131; 15. Р. 12–17; 16. Р. 93, 119]. После сербских кралей роль ктиторов Пантелеймоновского монастыря как и других «сербских» монастырей выполняли их наследники – румынские господа [17. Р. 291; 18. Р. 249–282; 5. Р. 275–279, 305; 19. Р. 412–422].

Впрочем, несмотря на сложное положение, в котором оказалась братия Хиландара, из текста послания монахов следует, что оно было написано отнюдь не по их инициативе, а было ответом на послание царя, в котором тот сам предлагал стать ктитором обители: «По сих разумехом, еже Богу изволившу и твоему царствию на сердце положившу еже прияти святыи великий монастырь у ктиторию, и к нам писал еси свою царьскую грамоту» (курсив мой. – Н. Ч.) [14. С. 183]. Монахи же «възвеселишася», «пишемая прочетше», послав к царю игумена Паисия с братией, которые привезли и разнообразные дары, в числе которых был крест, принадлежавший некогда св. Савве. Инициатива начала переписки, таким образом, принадлежала царскому двору, и первую царскую грамоту с предложением покровительства монастырю монахи получили до написания собственного письма, т. е. до 1550 г. [20. С. 500].

Эта грамота была послана практически сразу после венчания Ивана IV на царство, не исключено, что с представителями Пантелеймонова монастыря, побывавшими в Москве в 1547 г. Пантелеймоновские монахи, отпущенные с дарами от царя назад, получили и окружную грамоту митрополита всея Руси Макария (датированную 1 августа 1547 г.), подтверждающую их право на сбор по пути милостыни [14. С. 358–361. № 9]³. Любопытно отметить, что к этому же времени относится и появление в Хиландарском монастыре триптиха с датой 1547/48 г., вложенного, как указано С. Джуричем, в обитель московским митрополитом Макарием [23. Р. 289]. Не исключено, что икона была передана в одно время с той первой царской грамотой, обращенной к братии Хиландара, и что митрополит Макарий мог быть одним из инициаторов начала этой переписки, последовавшей сразу после царского венчания.

Отвечая на привезенное хиландарцами письмо и на поданную в Москве игуменом Паисием челобитную, царь отправил свою грамоту к султану с просьбой об освобождении монастырских имений Хиландарского и Пантелеймоновского монастырей от податей [14. С. 186–187, № 66–67. С. 29; 3. С. 96–98; 20. С. 501]⁴. Это было не простым любезным жестом в адрес братии: валашские воеводы, ктиторы обители, также обращались к султанам с просьбами об облегчении налогового бремени покровительствуемого ими монастыря [4. С. 182–183]. Так, Баязид II в ответ на обращение воеводы Басараба IV в 1481 г. освободил шесть крупнейших метохов Хиландара от уплаты налога, а также сделал другие существенные послабления налогового бремени [6. С. 94]. Подобная просьба уподобляла царя и святым сербским крялям: по просьбе Стефана Уроша II Милутина Андроник III Палеолог в 1317 г. подтвердил своими хрисовулами владения хиландарцев, предоставив им и новые села и пастбища [2. Р. 44–46. № 18, 20, 35, 43–44, 46–47]. Обращение к

³ В числе монахов Пантелеймонова монастыря, побывавших тогда в России, названо имя старца Сильвестра. Разумеется, невозможно отождествить его с хиландарским епископом Сильвестром, приезжавшим в Россию несколько лет спустя. Но совпадение имени, участие в поездках в Москву, общность интересов хиландарцев и пантелеймоновских старцев обращают, тем не менее, на себя внимание. О тесной связи Хиландарского монастыря с Пантелеймоновым см. [4. С. 103–104]. Более поздняя грамота патриарха Иова апреля 1591 г. (неверно обозначенная как «жалованная грамота») о пожаловании милостыни хиландарцам повторяет грамоту московского митрополита Макария, представляя собой окружное послание с просьбой о поддержании милостыней обедневшую братию (см. [21. Оп. 1. 1591 г. Д. 1. Л. 1–4], о роли митрополита Макария в венчании царя [22]).

⁴ О значительных налогах, уплачиваемых афонскими монастырями см. [4. С. 63–78]. Османское правительство делало попытки ограничить привилегированное положение монастырей, в том числе Хиландара, что вызывало сопротивление со стороны братии [24. Р. 91–95].

султану с просьбой о налоговых льготах означало признание русским царем своей роли ктитора, в обязанности которого входило ходатайствование перед сувереном земель, на которых располагались монастыри, за обитель и братию.

Наиболее важные пожалования от Ивана IV монастырь получил в 1556–1557 гг. Они приходятся на то время, когда московский двор начинает вести активные переговоры о признании Восточной церковью принятого после венчания 1547 г. царского титула [25; 26; 11. С. 187–189, 192, 200; 27. Р. 319–340; 28]. Получение такого признания оказывается важным не только с точки зрения международного престижа московской государственности, но и для укрепления положения венчанного царя в его собственном государстве. Наиболее важные этапы дипломатической борьбы за признание царского титула приходятся на время после кризиса 1553 г., когда Иван IV в момент болезни едва избежал назначения наследником престола князя Владимира Андреевича Старицкого, своего двоюродного брата, в обход младенца-сына Дмитрия, и после событий 1554–1555 гг., когда тот же князь Старицкий назначался опекуном новорожденного царевича Ивана и регентом [11. С. 169, 180].

В конце 1554 г. в Россию приехали старцы Хиландарского монастыря, и мартом 1556 г. датирован первый известный по копии в греческой «посольской книге» № 1 текст царской жалованной грамоты, полученный епископом монастыря иеромонахом Сильвестром [29. С. 272, 277; 14. С. 199–206, № 80–82] (сравн. [14. С. 30–35; 24. Р. 98–99; 4. С. 208–209; 11. С. 178–179])⁵. В нем подчеркивается то обстоятельство, что «все начальники сербские» оказались «изведены», так что помощи лавре «началства господства сербского» получить неоткуда. И «аще ныне и не в нашем началствии», но «прияхом их во имя государства нашего на воспоможение и на препитанье», дав, по челобитной епископа Сильвестра и иеромонаха Прохора, «на покой приездни» в «вечной поминок» двор «с хоромы» в Китай-городе, а в «лавре преславные Богородицы» должны были во «вседневном поменике, которой дахом им в монастырь», помянуть родителей и весь род государя. Это наиболее существенное пожалование – первый монастырский метох афонского монастыря в России – обитель сохраняла вплоть до московского пожара 1626 г., из-за которого двор пришлось возобновлять [32. С. 193–194] (см. [21. Оп. 1. 1627 г. Д. 15. Л. 1–7]). После этого разорения хиландарцам удалось пользоваться восстановленным подворьем вплоть до 80-х годов XVII ст., когда это пожалование было заменено денежной дачей [32]⁶. В июле 1656 г. хиландарцами была получена также проезжая грамота об их беспопыльном пропуске⁷.

Впрочем, представители монастырской братии уехали из Москвы лишь в начале следующего, 1557 г., причем вместе с возвращающимся еврипским митро-

⁵ О хиландарских игуменах этого времени и их связях с Россией см. [4. С. 136–137]. В это же время боярином М. Я. Поплевиным-Морозовым в Хиландарский монастырь («в Святую гору Афонскую, в царскую и священную великую лавру святого Савы и Семиона сръбскаго царства начелства монастиру Хиландару обители Пречистие святаа в святых») была вложена славянская рукопись Толкования на 16 пророков: вкладная запись о передаче рукописи в обитель датируется мартом 1556 г. – временем пожалования Сильвестра и его спутников также и царской грамотой (см. [30. № 78. С. 109–111; 4. С. 209]). Интересно отметить, что именно боярин Морозов, занимавший видное положение при дворе, вел переговоры с польским королем о признании царского титула Ивана IV [31. С. 189]. Из Хиландарского монастыря рукопись оказалась вновь вывезена в Россию троицесергиевским келарем Арсением Сухановым и была вложена патриархом Никоном в Воскресенский монастырь.

⁶ См. также приезды хиландарцев [21. Оп. 1. 1658 г. Д. 3. Л. 2, 26–27, 53–58, 78, 81, 82, 91, 96; 1669 г. Д. 16. Л. 3].

⁷ Грамота сохранилась в подлиннике в архиве монастыря и в списке в «Посольской книге» [29. С. 279; 14. С. 203–206. № 82; С. 261–263. № 10 (подлинник архива Хиландарского монастыря)]. Видимо, это ее особо отметил в числе других документов посетивший обитель путешественник-паломник Василий Григорович-Барский [33. С. 244].

политом Иоасафом и сопровождающим его игуменом суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Феодоритом. Феодорит имел распоряжение в случае, если ему не удастся получить грамот от вселенского патриарха, отправиться в Хиландар и внимательно изучить принятый там церковный чин и жизнь братии [14. С. 210. № 86–87; С. 222–223. № 93–95]⁸. Помимо богатых денежных пожалований хиландарцы увозили с собой и великолепную, расшитую серебром, золотом и шелками, унизанную жемчугом и драгоценными камнями катапетасму – алтарную завесу, церковные облачения и другие дары (из которых специального подробного описания в документах Посольского приказа были удостоены украшенная жемчугом и драгоценными дробницами палица, а также панагия из позолоченного серебра) [14. С. 210. № 87; С. 224–226. № 97–98; 34. С. 525] (о катапетасме см. [20. S. 509–519; 35; 36. С. 219, 227]).

В ответ на пожалования в Москву были присланы благодарственные грамоты хиландарцев, сохранившиеся в подлинниках в Российском государственном архиве древних актов (письма, адресованные царю и его брату Георгию Васильевичу, поданные в Москве архимандритом монастыря Прохором 6 августа 1558 г. [21. Оп. 4. № 2–3; 38. № 3. С. 46–48; 39. С. 27–32. № 21–22]). Текст грамоты, адресованной царю дошел также в копии в составе свитка 22 монастырского архива Хиландара [40. Р. 584–589]. По копии же из этого свитка было издано и письмо «христолюбивой белой царице и великой княгине» Анастасии с благодарностью за присланную катапетасму: в московском собрании оно не сохранилось [37. С. 21].

В обращенном царю письме 1558 г. подчеркивалось, что монахи просят его быть вторым ктиторм и обновителем монастыря после сербских царей, св. краля Милутина и других правителей⁹. В ответ на это царь воспринял «в свое царское имя» обитель, став вторым ктиторм, «якоже и првии царии и првенство их събытсе на твоему царству». Даже если понимать под «вторым» ктитормом лишь «нового» ктитора монастыря, представляется весьма показательным отсутствие какого-либо упоминания о валашских господарях, оказывавших монастырю свои благодеяния после сербских царей. Валашские наследники Бранковичей и сербской династии оказались вытесненными из ряда ктиторов Хиландара, в то время как русский царь занял почетное второе место непосредственно после первых покровителей и основателей сербской лавры – святых сербских правителей¹⁰.

Содержание грамоты хиландарцев подчеркивает роль царя Ивана Грозного в качестве преемника ктитории: братия просила пожаловать обитель дополнительными селами и мельницами «якоже и прежднии благочестивые цари серски жаловали» и давали свои «златопечатные грамоты», выражалось и пожелание вновь просить султана направленной ему грамотой (которую следовало послать с поехавшим в Москву купцом Мустафой) освободить монастырь от пошлин, а также о переносе мощей св. краля Милутина из Софии в Хиландар¹¹. Таким образом, царь должен был вновь выступить в роли ктитора, ходатайствующего перед сувереном, на землях которого был расположен монастырь, об облегчении положения обители в отношении османского фиска.

⁸ Впрочем, московскому посланцу удалось сравнительно быстро вернуться назад, и он так и не отправился на Святую Гору для описания Хиландарского монастыря.

⁹ Копия грамоты Ивану IV [38. С. 46–48]. Переиздание текста этой копии по изданию Л. Стояновича было сделано (с многочисленными ошибками) в [41. С. 209–214].

¹⁰ По мнению А.Л. Хорошкевич, именно влияние контактов с Христианским Востоком дало начало утверждению идеи преемственности царской власти московского государя от «царя Константина», а также от византийских самодержцев и «сербских кралей». Валашские ктитории афонских монастырей, таким образом, также остаются «пропущенными», а на следующем после византийских и сербских «царей» месте оказывается московский суверен (см. [11. С. 95]).

¹¹ Впрочем, мощи святого краля не были перенесены на Афон и до сих пор почитаются в кафедральной церкви Софии. Не была ли эта просьба каким-то образом связана с тем, что в это время Хиландар населяли болгарские монахи? (см. [42]).

Видимо, отсутствие поддержки от валашских ктиторов заставило хиландарцев надеяться и на обращение царя к воеводе Молдавии Александру IV Лопушняну, которого надлежало просить о «деревенке» для устройства пасеки и конского завода. По указанию в грамоте, воевода, встретив возвращавшихся из Москвы хиландарцев, целовал катапетасму и грамоту царя Ивана Васильевича, дав незамедлительно «свою грамоту с красною печатю», в соответствии с которой Хиландару ежегодно выделялась руга в 33 рубля. Следы этого документа остались, впрочем, лишь в этом письме хиландарцев. В нем же было дано описание царской жалованной грамоты 1556 г.: она имела золотую печать, как и грамоты «прежних ктиторов», а также указание, что монастырь принят на «царское име», подобно тому, как это бывало при сербских правителях и покровителях Стефане Немане, Стефане Уроше Милутине, св. Симеоне и св. Савве. Весьма характерно и противопоставление «красной печати» Александра Лопушняну царским грамотам, уподобляемым подлинным императорским «хрисовулам» с золотой печатью¹².

Князь Георгий Васильевич, брат царя, получил адресованную ему грамоту от братии, в которой он сравнивался с императором Гонорием, сыном императора Феодосия I и братом Аркадия, а также отдельный дар – мощи св. мученика Луппа, воина и сотоварища св. Димитрия. Благопожелания выражались и его супруге Юлиании. В письме монахов-хиландарцев отдельно упомянута и необходимая реставрация пирга св. Георгия, соименного князю святого [21. Оп. 4. № 3; 39. С. 31–32. № 22].

В грамоте, обращенной царю, в число благословляемых хиландарцами членов семьи русского государя включены не только его супруга, дети и брат, но и знаменитый соперник Ивана Грозного – влиятельный князь Владимир Старицкий. В это время Владимир Андреевич, спустя несколько лет после неудавшегося государственного переворота 1553 г. и после рождения у царя сына Ивана, вынужден был принести присягу малолетнему наследнику и жил в Москве [11. С. 126–129]. Он считался претендентом на престол в случае смерти царевича Ивана Ивановича. Появление в послании хиландарцев имени Владимира как члена царской семьи явно указывает на его важное значение в то время при московском дворе.

Хиландарская копия грамоты царю имеет сильно поврежденное начало, но зато у нее полностью сохранилась часть текста, утраченного в настоящее время в подлинном письме, где дано описание царской катапетасмы, центральным образом которой был сюжет псалма «Предста царица одесную тебе». Это описание практически дословно скопировано с царской грамоты февраля 1657 г., отправленной в Хиландар вместе с пожалованиями [39. С. 29]. Сохранившаяся и поныне в Хиландаре катапетасма, имеющая надпись с датой ее создания – 20 ноября 1555 г., – утратила к настоящему времени свои драгоценные украшения: обнизку жемчугом, драгоценные привески и венцы. Вышитая дата свидетельствует о том, что изготовление катапетасмы было начато сразу после приезда хиландарцев в Москву (в декабре 1554 г.) [43. С. 53, 57], видимо, после того, как был окончательно решен вопрос о том, что русская царская династия начинает покровительствовать обители в качестве «ктиторов». «Принятие» монастыря под покровительство должно было быть отмечено заметными знаковыми пожалованиями, как это было принято у румынских господарей и грузинских ктиторов афонских монастырей.

В качестве наиболее зримого символа, посланного в «Хиландар монастырь сербский», и должна была стать великолепная завеса на алтарь, на которой сочетались изображения русских святых-покровителей династии и сербских святых Саввы и Симеона [20 S. 511–512; 35. С. 500]. В надписи подчеркивалось, что катапетасма изготовлена на девятый год «царства» Ивана IV: «Б(о)жіею м(и)лостію и пр(е)чистыа вл(а)дычици нашеа Б(огороди)ци помощію, повелѣніемъ бл(а)говѣрнаго

¹² О пожалованиях Александра Лопушняну см. [4. С. 204].

и х(рист)олюбиваго ц(а)ра г(о)с(оу)дара великаго кн(я)зя Ивана Василіевича самодръжца великіа Русіа, володимерскаго, московскаго, новградскаго, казанскаго, смоленскаго, югорскаго, пермьскаго, вятцкаго, болгарскаго и иных, здѣлана катапетасма сіа въ преименоватомъ градѣ Москвѣ в 22 лето г(осу)д(а)рства его, а въ 9 лето ц(а)рства его въ С(вя)тую Гору въ Хиландар монастыр сербскій при его бл(а)говѣрной ц(а)р(и)це великой кн(я)гине Анастасіи и при их с(ы)нѣ бл(а)-городном ц(а)р(е)вичѣ Иванѣ Ивановичѣ, в лѣто 7064 м(е)с(я)ца ноабра 20»¹³.

В грамоте дано подробное описание присланной в дар драгоценной утвари, облачений, окладных икон. В письме царице также имеется описание катапетасмы, хотя и более краткое, и особо оговорено, что палица (эпигонатион), которая «низана жемчугом, дробницею и каменіем», даруется архимандриту Хиландара. Возможно, что-то из этих даров еще сейчас можно будет обнаружить в монастырской ризнице. Особый интерес могла бы иметь переданная от имени царевича Ивана серебряная позолоченная панагия, подробно описанная в документах (с указанием веса – почти 300 г), украшенная восемью жемчужинами и рубином. Известны и представленные на ней иконографические сюжеты: Богородица – Спас и четыре Евангелиста, Троица – на обороте Распятие и два херувима [14. С. 225–226]. В ответ на письма и привезенные хиландарцами подарки царь своей грамотой подтвердил пожалование 300 рублей и пожелание, чтобы, «как писали наперед сего», братия молилась за покойных родителей и род царя.

Подтверждение привилегий хиландарцы получили в 1571 г., а затем при последующих царствованиях в 1584–1585 и в 1603 гг.¹⁴ Особо важным представляется проезд архимандрита Прохора в 1568–1569 гг. и получение им грамоты для Хиландарского монастыря в марте 1571 г. На 1568–1569 гг. приходится принятие султанским правительством закона об ограничении привилегий монастырей и конфискации земель афонских обителей [45–47; 4. С. 49–52]¹⁵. На этот раз в документе упомянут не только сам Иван IV, но и его сыновья Иван и Федор, от имени которых делалось пожалование. Они выступают, таким образом, представителями династии ктиторов, имевших право на осуществление «царских» пожалований Хиландару и оказывающих поддержку монастырю в связи с его притеснением со сторонних «богоотступных турок» в отсутствие каких-либо сербских «законных» ктиторов («все начальники сербские изведошася, и не бе им ниотколе никоея же помощи в престатии всего господства сербскаго»). Это упоминание явно должно было закреплять статус легитимности наследования царского титула и престола сыновьями царя¹⁶.

Отметим, что и в последующей грамоте царя Федора Ивановича (ноябрь 1585 г.) особо отмечалось отсутствие «сербских начальников», из-за чего монахи не имеют помощи. Речь идет о монастыре «государства сербскаго», «во многія лета бывши во благоденствии, ныне же за упремножение грех всего христіанства конечно смиренных» [21. Оп. 1. 1585 г. Л. 2–3, 6–7; 41. С. 479–480 (с ошибочными

¹³ Надпись издавалась в двух разных вариантах [44. № 6288. С. 55–56; 35. С. 495]. К сожалению, пока что царская катапетасма остается недостаточно изученной, а имеющиеся на ней надписи нуждаются в издании по подлиннику. Любопытно, что побывавший в Москве Сильвестр, ставший впоследствии митрополитом Рашским, в одной из рукописей в качестве важного события своей биографии до поставления на кафедру отметил тот факт, что, будучи архимандритом Хиландарского монастыря, «в лѣто 7063 посланъ ва велику Русію ка благочастивому царю Іо(а)ну и светому Макарію митрополиту Московьскому, и тамо принесох много добро и црковну красоту у Хиландарь» [44. № 6289. С. 56].

¹⁴ Издание грамоты 1571 г. [40. С. 582–584; 29. С. 280–282]. Издание копий [39. № 24. С. 32–33; 14. С. 365–372, № 13] (здесь же список предыдущих изданий документа). Фотовоспроизведение подлинных грамот 1571 и 1603 г. [24. Р. 96–97] (см. также [29. С. 286–296]).

¹⁵ Конфискации, видимо, особенно сильно затронули «сербские» монастыри: они были среди крупнейших по численности монашествующих (см. [48; 16. Р. 85–87, 92–93]).

¹⁶ О борьбе за утверждение династического принципа передачи власти (см. [49]).

датами)]. Тогда же, когда монахи получили подтвердившую первое пожалование грамоту 1571 г., как удалось выяснить С.Н. Кистереву, посланцам сербского монастыря была преподнесена рукопись важного «идеологического» содержания: в нее входил текст «Сказания о Мамаевом побоище», в котором рассказывалось о победе над татарами одного из основателей Московского царства – великого князя Дмитрия Донского [50. С. 26–35]¹⁷. Иван Грозный, таким образом, продолжал наполнять монастырь материально-зримыми символами своего ктитинства и свидетельствами величия Московского царства.

Важное значение утверждения царя и московской династии в роли ктиторов Хиландара, сербской «царской» лавры, определялось в процессе борьбы за признание царского титула, став, наравне с иными атрибутами царской власти, одним из признаков царского достоинства русского государя¹⁸. Первая попытка пожалования Афонского монастыря владением в Москве, передача рукописей и великолепных литургических облачений, алтарная завеса, называющая имя нового ктитора, утверждали русских государей в качестве непосредственных преемников «сербских царей», демонстративно (в том числе и визуально благодаря украшению монастыря предметами московского производства) оттеснив от почетного ктитинства столь много пожертвовавших Хиландару валашских господарей. Не случайно покровительство со стороны московских царей в отношении представителей сербской династии и Хиландарского монастыря уже с начала XVI ст. проявлялся в те моменты, когда это диктовалось необходимостью принятия мер к укреплению «царского» престижа: особое внимание обители начал уделять еще отец Ивана IV Василий III¹⁹.

Все это позволяет увидеть в пожалованиях монастырю не только «влечение к небесному», надежды на предстательство сербских святых и унаследованную от византийских времен идею «царского» покровительства афонским монастырям и православной церкви, но и вполне практическую задачу: получить право на ктиторство «царской сербской лавры», став наследником сербских царей в обход валашских господарей. Этот аспект «борьбы» за ктиторство представляется более важным, чем поддержание «семейной традиции» преемственности от сербских династий. По мнению М.Н. Тихомирова и С.М. Каштанова, покровительство Ивана Грозного и его наследников Хиландарскому монастырю было связано с утверждением при Московском дворе «сербской идеи» через мать государя, Елену Глинскую, и его бабушку, византийскую царевну Софью Палеолог. Сестра Софьи, Елена, была замужем за деспотом Лазарем Бранковичем, а Елена Глинская по материнской линии происходила из сербского рода Якшичей, состоявшего в свойстве с Бранковичами [54. С. 157–160; 13. С. 126; 14. С. 28–30]. Однако эти весьма отдаленные семейные связи, при всей их несомненной значимости, не могли, как представляется, быть определяющим фактором стремления Ивана IV обрести право ктиторства над Хиландарским монастырем. Пожалования Хиландару стали

¹⁷ Рукопись, переданная хиландарцами, частями которой в настоящее время являются Хиланд. 281 и РНБ. ОСРК. Q.IV.342, содержала списки Истории Иосифа Флавия, повествования об основании Константинополя и взятии его турками в 1453 г. и «Сказание о Мамаеве побоище».

¹⁸ См., например, об иных важных атрибутах царской власти в борьбе за признание царского достоинства русского самодержца [49; 51–52].

¹⁹ Сразу после смерти в заключении великого князя и претендента на московский престол Дмитрия Ивановича (февраль 1509 г.), сына царевича Ивана и молдавской княжны Елены Стефановны, московский великий князь Василий III начал проявлять особую заботу в отношении сербской церкви. Так, он послал грамоты и щедрую милостыню белградскому митрополиту Феофану, братии Преображенского Сысоева монастыря и бывшей сербской деспотиче Ангелине, вдове некоторого время правившего Сербией Стефана Бранковича. Видимо, справедливым было бы увидеть здесь элементы «соперничества» за право быть ктитором и претендовать на «сербское» наследие наравне с византийским. В это же время на Руси начинает распространяться и почитание св. Саввы Сербского [53].

прежде всего одним из путей закрепления Иваном Грозным и его окружением нового царского титула и династического принципа его передачи, становились символическим воплощением нового, более высокого статуса московского государя, повышали престиж династии. Со стороны же сербской лавры интерес перейти под покровительство Москвы мог быть связан и с попытками сопротивления тому постепенному оттеснению сербов от занимавшегося ими некогда господствующего положения в ряде афонских монастырей греками, которым в большей степени покровительствовали османские власти²⁰.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dujčev I.* Le Mont Athos et les Slaves au Moyen âge // Le Millénaire du Mont Athos. 963–1963. Chevetogne, 1963. Т. 1.
2. Actes de Chilandar. Paris, 1998. Т. 1. Des origines à 1319 (Archives de l’Athos, XX).
3. *Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание сербской царской лавры Хиландаря и ее отношений к царствам Сербскому и Русскому // ЧОИДР. 1867. Ч. 4 (3).
4. *Фотић А.* Света Гора и Хиландар у Османском царству, XV–XVII век. Београд, 2000.
5. *Năsturel P.Ş.* Le Mont Athos et les Roumains. Recherches sur leurs relations du milieu du XIV^e siècle à 1654. Rome, 1986 (Orientalia Christiana Analecta, 227).
6. *Fotić A.* Despina Mara Branković and Chilandar: between the desired and the possible // Међународни научни скуп «Осам векова Хиландара: историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура». Београд, 2000.
7. *Bojović B.I., Năsturel P.Ş.* Les fondations dynastiques du Mont Athos. Des dynastes serbes et de la sultane Mara aux princes roumains // Revue des études sud-est européennes. 2003. Т. 41 (1–4).
8. *Bojović B.I.* Chilandar et les pays roumains (XV^e–XVII^e siècle). Les actes des princes roumains des archives de Chilandar (Mont Athos). (Textes, documents, études sur le monde byzantin, néohellénique et balkanique, 10). Paris, 2010.
9. *Păun R.* Quelques notes sur le commencement des rapports entre la Valachie et le monastère de Chilandar au Mont Athos // Revue des études sud-est européennes. 2008. Т. 46.
10. *Popović M.* Mara Branković – eine Frau zwischen dem christlichen und dem islamischen Kulturkreis im 15. Jahrhundert. Wiesbaden, 2010.
11. *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003.
12. *Трепавлов В.В.* «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007.
13. *Каутанов С.М.* Эволюция великокняжеского и царского титула в грамотах афонским монастырям XVI в. // Россия и Христианский Восток. М., 1997. Вып. 1.
14. *Каутанов С.М., Столярова Л.В.* Россия и греческий мир в XVI веке. М., 2004. Т. 1.
15. *Lemerle P.* Chronologie de Saint-Pantéléémôn des origines à 1500 // Actes de Saint-Pantéléémôn. Paris, 1982 (Archives de l’Athos, XII).
16. *Mureşan D.* Le Mont Athos aux XV^e–XVI^e siècles. Autour de quelques descriptions d’époque // The Romanian principalities and the Holy Places. Papers of the Symposium held in Bucharest, 15–18 October 2006. Bucarest, 2007.
17. *Smolitsch I.* Le Mont Athos et la Russie // Le Millénaire du Mont Athos. 963–1963. Chevetogne, 1963. Т. 1.
18. *Τσιοράν Γ.* Σχέσεις των ρουμανικών χωρών μετά του Άθω και δι των μονών Κουτλουμουσίου, Λαύρας, Δοχειαρίου και Αγίου Παντελεήμονος ή των Ρώσων. Αθήνα, 1938.
19. *Moldoveanu I.* Contribuții la istoria relațiilor Țărilor Române cu Muntele Athos (1650–1863). București, 2002.
20. *Kämpfer F.* Ivan Groznyj und Hilandar // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1971. Bd 19. Hf. 4.
21. Российский государственный архив древних актов. Фонд 52. Сношения России с Грецией.
22. *Miller D.B.* The Coronation of Ivan IV of Moscow // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1967. Bd 15. Hf. 4.
23. *Djurić Sr.* Icons from the 12th to the 17th centuries // Hilandar monastery. Belgrade, 1998.
24. *Fotić A.* Adaptation and survival: Hilandar in the Ottoman Empire (15th–17th centuries) // Hilandar monastery. Belgrade, 1998.
25. *Фонкич Б.Л.* Из истории утверждения царского титула Ивана IV // *Фонкич Б.Л.* Греческие рукописи и документы в России в XIV – начале XVIII в. М., 2003.
26. *Pitsakis C.G.* À propos des actes du Patriarcat de Constantinople concernant la proclamation de l’Empire en Russie (XVI^e siècle): survivances et souvenirs de la terminologie et de l’idéologie

²⁰ О греко-сербском соперничестве см. [4. С. 104–106].

- impériale constantinopolitaines // Da Roma alla Terza Roma. IX Seminario internazionale di studi storici. Campidoglio, 21–22 aprile, 1989. L'idea di Roma a Mosca, secoli XV–XVI. Roma, 1989.
27. *Năsturel P.Ş., Mureşan D.I.* Denys II de Constantinople (1546–1556) et les débuts de la politique européenne du Patriarcat œcuménique // Le Patriarcat œcuménique de Constantinople aux XIV^e–XVI^e siècles: rupture et continuité. Actes du colloque international. Rome, 5–7 décembre 2005. Paris, 2007 (Dossiers byzantins, 7).
 28. *Mureşan D.* De la Nouvelle Rome à la Troisième: la part des Principautés roumaines dans la transmission de l'idée impériale // L'eredità di Traiano. La tradizione istituzionale romano-imperiale nella storia dello spazio romeno. Atti del Convegno internazionale di Studi. Bucarest, 6–7 giugno 2007. Istituto Italiano di cultura – Accademia Romana Bucarest, 2008.
 29. *Kämpfer F.* Die Russischen Urkunden im Archiv des Klosters Hilandar // Хиландарски зборник. Београд, 1986. Т. 6.
 30. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1857. Отдел 2. Писания святых отцев. Ч. 1. Толкование Священного Писания.
 31. *Богуславский В.В.* Славянская энциклопедия. Киевская Русь – Московия. М., 2005. Т. 2.
 32. *Шахова А.Д.* Греки в Москве в XVI–XVII вв. // Россия и Христианский Восток. М., 2004. Вып. 2–3.
 33. Странствования Василья Григоровича-Барсаго по святым местам Востока с 1723 по 1747 г. СПб., 1887. Ч. 3.
 34. Рассказы о чудотворных иконах монастыря Хиландар в русской записи XVI века // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
 35. *Смирнова Э.С.* Катапетасма 1555 г. К иконографической программе окаймления // Межународни научни скуп «Осам векова Хиландара: историја, духовни живот, књижевност, уметност и архитектура». Београд, 2000.
 36. *Миљковић Б.* Повест о чудотворним иконама манастира Хиландара // Зограф. 2007. Т. 31.
 37. *Димитријевић Ст.М.* Документи хиландарске архиве до XVIII века // Споменик. Српска краљевска академија наука и уметности. Други разред. Београд, 1922. Т. 55. № 47.
 38. *Стојановић Љ.* Стари српски хрисовули, акти, биографије, летописи, типиси, поменици, записи и др. // Споменик. Српска краљевска академија наука и уметности. Београд, 1890. Т. 3.
 39. *Димитријевић Ст.* Документи који се тичу односа између српске цркве и Русије у XVI. веку // Споменик. Српска краљевска академија наука и уметности. Други разред. Београд, 1903. Т. 39. № 35.
 40. Actes de Chilandar. Pt. 2: Actes slaves. Saint-Petersbourg, 1915 (Actes de l'Athos, V).
 41. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Общественно-политические связи XVI–XVIII вв. М., 2009. Т. 1.
 42. *Džurova A., Vêlinova V.* Le culte de Saint Stefan Milutin (St. Kral) aux XV^e–XVI^e siècle et sa réactualisation en Bulgarie de l'Ouest à l'époque de la renaissance nationale // The Heroes of the Orthodox Church. The New Saints, 8th–16th c. Athens, 2004.
 43. *Кустерев С.Н.* Документы русско-греческих связей в царствование Ивана IV в Описи Посольского приказа 1673 г. // Социально-политическая история России: проблемы изучения и преподавания. Материалы региональной научно-практической конференции. Тверь, 31 марта – 1 апреля 2004 г. Тверь, 2004.
 44. *Стојановић Љ.* Стари српски записи и натписи. Београд, 1986. Књ. IV.
 45. *Lemerle P., Wittek P.* Recherches sur l'histoire et le statut des monasteres athonites sous la domination turque // Archives d'histoire du droit oriental. 1948. Т. III.
 46. *Alexander J.C.* The Lord giveth and the Lord taketh away: Athos and the confiscation affair of 1568–1569 // Mount Athos in the 14th–16th centuries. Athens, 1997 (Athonika Symmeikta, 4).
 47. *Fotić A.* The Official explanation for the confiscation and sale of monasteries (churches) and their estates at the time of Selim II // Turcica. 1994. Т. 26.
 48. *Lowry H.W.* A Note on the population and status of the Athonite monasteries under Ottoman rule (ca. 1520) // Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. 1981. Bd. 73.
 49. *Bogatyrev S.* Reinventing the Russian Monarchy in the 1550s: Ivan the Terrible, the Dynasty, and the Church // Slavonic and East European Review. 2007. Vol. 85 (2).
 50. *Кустерев С.Н.* Иван Грозный и хиландарский епископ Григорий // Каптеревские чтения. М., 2011. Вып. 9.
 51. *Горский А.А.* Представления о «царе» и «царстве» в средневековой Руси (до середины XVI века) // Мировосприятие и самосознание русского общества. М., 1999. Вып. 2. Царь и царство в русском общественном сознании.
 52. *Михайлова И.Б.* И здесь сошлись все царства...: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности». СПб., 2010.
 53. *Гаврюшина Л.К.* Святой Савва Сербский и Афон: взгляд из сербского и русского средневековья // Россия – Афон: тысячелетие духовного единства. Материалы международной научно-богословской конференции. Москва, 1–4 октября 2006. М., 2008.
 54. *Тихомиров М.Н.* Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.



© 2014 г. Б.Н. ФЛОРЯ

ФОРМИРОВАНИЕ НОВОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ
УКРАИНСКОГО ОБЩЕСТВА
(ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII ВЕКА)
И ДВА ЕЕ ИДЕОЛОГА

В статье рассматривается эволюция сознания социальной элиты украинского общества в условиях укрепления ее господствующих позиций в конце XVII – начале XVIII в. – от призыва к единству перед лицом недовольных низов к обоснованию права элиты на особое привилегированное положение, основанное на аргументах истории.

The article considers the evolution of consciousness of the social elite of the Ukrainian society under the strengthening of its leading positions in the late seventeenth – early eighteenth century from their call to be united in face of the dissatisfied lower strata to the substantiation of the elite's right to enjoy their privileged status, based arguments borrowed from historical past.

Ключевые слова: Украина, социальная элита, казаки, старшина, чернь, запорожцы, хазары.

В середине XVII в. на территории Украины произошли важные события. Охватившее страну мощное народное восстание привело к гибели или изгнанию подавляющей части местной социальной элиты – шляхты. Немногие уцелевшие, сумевшие остаться на месте представители этого слоя влились в состав новой привилегированной социальной группы – казачества. Оно было освобождено от налогов и повинностей как особое сословие, обязанное только военной службой, казаки могли свободно распоряжаться переданной им землей. В рядах казачества, когда оно было только военной организацией, существовала своя верхушка в лице полковников, есаулов и сотников. После превращения казачества в привилегированный социальный слой и образования гетманства военная власть стала одновременно судебной-административной властью, распространявшейся на разные общественные слои, но прежде всего на массы сельского населения – «посполитых», которые во время восстания не вошли в ряды казачества. Постепенно именно на собраниях представителей этой верхушки – старшинских радах – стали решаться вопросы, связанные с положением разных социальных слоев населения гетманства.

Эта казачья верхушка уже в 50-х годах XVII в. проявила желание подобно шляхте обзавестись собственными земельными владениями. Богдан Хмельницкий раздавал представителям этой верхушки земли, заселенные «посполитыми», и эти пожалования в ряде случаев подтверждались царской властью. Однако в

середине XVII в. таких пожалований было сравнительно немного, а главное, как признавался один из таких землевладельцев – Павел Тетеря, они хранят полученные грамоты, но «ничем не владеют, опасаясь от Войска Запорожского» [1. С. 60–62].

Само обладание властью сосредотачивало в руках казацкой администрации немалые ресурсы, собиравшиеся с городского и сельского населения, и их можно было использовать для собственного обогащения и скупки земли у казаков и «посполитых», однако на этой почве возникал антагонизм между старшиной и массой «показаченных людей», добивавшихся материальной поддержки и обвинявших власти гетманства в присвоении собранных средств [1. С. 83]. Волнения, начавшиеся на этой почве в конце правления Богдана Хмельницкого, усилились в правление его преемника, непопулярного в казацкой среде Ивана Выговского. Начавшееся в 1658 г. восстание «черни» во главе с полтавским полковником Мартыном Пушкарем сопровождалось убийствами старшины и разорением ее имений [2. Т. X. С. 154–155, 162–163, 194]. Восстание, как известно, было подавлено с помощью татарского войска, но в дальнейшем положение на Левобережной Украине серьезно осложнилось из-за борьбы между сторонниками разных политических ориентаций. Эта борьба сопровождалась частыми сменами на постах полковников и выступлениями социальных низов, искавших поддержки на Запорожье. В условиях постоянной нестабильности элита не могла в полной мере использовать преимущества своего положения, а во время переговоров неоднократно становилась жертвой низов. Так, значительная часть левобережной старшины была истреблена во время «черной рады» 1663 г. (о раде см. [3. С. 309–320]).

С начала 70-х годов XVII в. в положении украинской социальной элиты на Левобережье наступили благоприятные перемены. Прекратились конфликты внутри правящего слоя, ориентирующегося на сотрудничество с Россией, и обладание военно-административными должностями начало стабилизироваться. Вместе с тем в отношениях с социальными низами лояльная по отношению к России казацкая верхушка могла рассчитывать на поддержку и русских властей и русских войск.

Новая украинская элита формировалась из представителей разных социальных групп. Наиболее многочисленную группу среди них составляли люди, которые в реестре Войска Запорожского 1649 г. были еще простыми казаками, но во время бурных событий 50–60-х годов XVII в. сумели стать полковниками и обеспечить себе и своим потомкам место в рядах правящего слоя. В ряде случаев сами должности полковников стали фактически наследственной собственностью отдельных семей, что способствовало и обогащению, и социальному возвышению [4. С. 5–6] (см. также [5. С. 189]). В состав этого слоя вошли в конце XVII – начале XVIII в. некоторые представители богатого мещанства и дети духовных лиц благодаря службе в гетманской канцелярии [4. С. 12–13; 5. С. 189–190].

Самым главным изменением в положении этого слоя стало формирование в последние десятилетия XVII – первые десятилетия XVIII в. крупного землевладения казацкой старшины. В ряде работ украинских исследователей были обстоятельно изучены пути формирования этого землевладения. Не последнюю роль здесь сыграли пожалования гетманов, обладавших верховным правом распоряжения государственным земельным фондом. Такие систематические пожалования начались в гетманство И. Самойловича, а затем становились все более многочисленными. Так, на территории Черниговского полка И. Самойлович раздал 27 владений, а его преемник Мазепа – 48 [6. С. 57]. Мазепа выдал ок. 1000 универсалов на принадлежавшие старшине владения. Особенно значительные раздачи происходили в годы правления гетмана Скоропадского, когда было роздано 722 села с 3703 дворами [7. С. 33]. На более низком уровне такие пожалования делали не только гетманы, но и полковники [6. С. 47].

Формы пожалований были различными. Часть земель давалась в «зуполное владение», «в вечистую посессию». Как указывалось в грамоте Петра I Григорию Грабянке на село Максимовское 1721 г., ему даровалось «данним селцем Максимовским владети во веки неподвижно» (цит. по [7. С. 22]). Другие пожалования давались на время «ку вспартю дома» и по другим поводам, но срок владения не устанавливался как-либо определенно – «до ласки нашей рейментарской и войсковой». В результате с течением времени различие между двумя видами владений постепенно стиралось и они превращались в полную собственность [6. С. 47; 7. С. 34].

Первоначально в землевладении старшины значительное место занимали «ранговые» владения, выделявшиеся генеральным старшинам, полковникам и более низким лицам (в их числе и представителям низшего звена власти – сотникам) в связи с занятием соответствующим лицом должности. Появление таких владений относится еще к 50-м годам XVII в., но широкое распространение они получили, начиная с гетманства Самойловича. Обладатели этих владений стремились превратить их в собственность, что в значительной мере и удавалось благодаря наследованию должностей в старшинских семьях. В результате к 1730 г. «ранговые» владения составляли сравнительно небольшую часть владений казацкой верхушки. Так, в Черниговском полку было в это время 501 «ранговый» двор и 7242 частновладельческих [4. С. 49; 6. С. 49–50; 7. С. 24–27].

Помимо пожалований существовали и другие пути для увеличения земельных владений, которые активно использовали представители казацкой верхушки. Таких путей в источниках отмечается два. Один из них – это занятие пустующих земель и поселение на них зависимых людей. Другой – скупка земель у крестьян и казаков, впавших в долги зажиточному соседу [7. С. 35–36]. Такое положение дел хорошо обрисовывает расписка, выданная казаками с. Дегтяри полковнику Галагану: «До крайнего убожества и скудости пришедше, и не могучи впредь службы казацкой отбувати, продалисмо [...] месце земле дворовое, на котором хати наши построени, где ми жиючи, меем посполито, а не казачко служачи, всякие повинности отбувати и в предние часи неповинны уж будем до казацкого чину отзываться» [7. С. 43]. Таким образом, полковник становился собственником земли, ранее принадлежавшей казакам, а сами казаки превращались в его подданных.

Одним из важных результатов деятельности новой украинской знати стало резкое сокращение размеров фонда государственных земель – «вольных войсковых» сел. Так, к 1730 г. в Черниговском полку было 750 вольных войсковых дворов и 7242 частновладельческих [4. С. 49].

Менялся и статус владений старшины. Если до 80-х годов XVII в. освобожденные владения от налогов давалось редко, то Коломацкие статьи 1687 г. устанавливали: «А Генеральной бы старшины и знатных и заслуженных особ маетностям от всяких войск и поборов быти свободным» (цит. по [5. С. 192]). Утверждалась и власть землевладельца над подданными. Если первоначально в универсалах гетманов и пожаловании владений не говорилось о «послушенстве» крестьян по отношению к владельцу [4. С. 18], то уже по Глуховским статьям 1669 г. землевладельцы получили право суда над подданными [5. С. 193]. В северной части Левобережья при регулировании властью крестьянских повинностей было санкционировано установление двухдневной барщины в неделю [6. С. 69]. Власть активно препятствовала попыткам «посполитых» перейти в ряды казачества. В 1710 г. гетман Скоропадский предписал «посполитых», которые попытаются вписаться в казаки, «таковых грабити и до належитых посполитых роботизн потягати и принужати» [8. С. 100].

Происходившие перемены сопровождались увеличением размеров правящего слоя и усложнением его структуры.

Уже при Богдане Хмельницком из среды казачества выделилась группа «войсковых товарищей», выполнявших различные поручения. В начале XVIII в. из этой группы выделились «знатные войсковые товарищи» – выходцы из старшинских семей, из их числа выбирали полковников [4. С. 67]. При Мазепе из этого слоя выделился особый чин «бунчуковых товарищей» – члены старшинских семей, выполнявшие поручения гетмана, сопровождавшие его в походах и подчинявшиеся только его власти. Для них выделялись «ранговые» дворы. В Черниговском полку в 1729–1730 гг. были 24 бунчуковых товарища, владения некоторых из них не уступали владениям полковников [4. С. 57–62].

На более низком уровне, в пределах сотен выделилась группа «значковых товарищей» – выходцы из семей полковой и сотенной старшины, выполнявшие поручения сотника и выступавшие как его помощники. Они назначались Генеральной войсковой канцелярией по рекомендации полковника [4. С. 72–73]. Тем самым в первой половине XVIII в. привилегированный социальный слой уже не ограничивался достаточно узким кругом носителей военно-административной власти, их окружал обширный круг лиц, тесно связанных с ними, людей, на поддержку которых они могли опираться.

Происходившие перемены отразились и на положении казачества. Дело не ограничилось тем, что часть казачьих земель стала собственностью старшины, а живущие на них казаки превратились в ее подданных. Серьезное расслоение обнаружилось в среде самого казачества, материальное положение его значительных слоев ухудшилось, большое количество казаков оказалось не в состоянии нести военную службу. Уже в грамоте гетмана Мазепы 1698 г. ставился вопрос о том, чтобы «казаки, которые никогда не несут военной службы, были бы помощниками тяглым людям в кормлении компанейцев и пехотного товарищества» (цит. по [7. С. 90]), т.е. был поставлен вопрос о том, чтобы казаки, неспособные нести военную службу, участвовали в снабжении войска. Принятое в 1701 г. решение оказалось несколько иным. Гетман предписывал выделить в сотнях «выборное и переборное товариство», которое будет нести военную службу, а «подлейшее товариство» должно было оставаться дома и «всякое до подъему належитое чинити вспомогательство», т.е. снабжать «выборных» конями, продовольствием, фуражом и обрабатывать их землю [6. С. 66]. Так произошло разделение казачества на зажиточную верхушку («выборные»), несущую военную службу, и более бедные слои («подпомощников»), от этой службы отстраненные. В 1751 г. на территории гетманства насчитывалось 36,6 тыс. домов «выборных» и 53,7 тыс. «подпомощников» [8. С. 106]. Так как притязания казачества на особое место в обществе, его особые права были связаны с принадлежностью к военному сословию, то отстранение большого слоя казаков от несения военной службы неизбежно вело к ухудшению их социального статуса. Их стали облагать налогами, правда, наполовину меньшими, чем налоги, взимавшиеся с «посполитых».

Неудивительно, что с конца 80-х годов XVII в. земли тех или иных полков неоднократно охватывали волнения, в которых участвовали не только «посполитые», но и казаки. Волнения сопровождались нападениями на старшин. О намерениях недовольных сообщали, что они «хотят клейноты (знаки власти. – *Б.Ф.*) войсковые отобрать [...], а отобрав клейноты, всю генеральную старшину отставить». В ответ на это власти обращали казаков – участников волнений «в тяглое послушество» [6. С. 94–97].

Все это показывает, что Левобережная Украина сделала большой шаг на пути к созданию здесь обычного феодального общества, разделенного на дворянство и зависимых крестьян. Вместе с тем процесс этот еще оставался незавершенным. Хотя некоторые члены старшины имели полученные от царя дворянские звания, но это никак не выделяло их из рядов правящего слоя [4. С. 113]. Старшинская верхушка и, по крайней мере, тот слой казаков, который, как и ранее, нес военную

службу, образовывали единое сословие, занимавшее особое положение в обществе. Именно как часть этого сословия, обладавшая особыми заслугами, старшинская верхушка могла претендовать на особые права и привилегии.

Сложные перипетии исторического развития, перемены в положении правящей элиты налагали отпечаток на сознание ее идеологов и на содержание создаваемых ими исторических сочинений.

По общему мнению исследователей истории Украины второй половины XVII в., сознание формирующейся новой элиты украинского общества, ее восприятие и своего положения, и происходящих событий нашли отражение в таком памятнике, как «Летопись Самовидца». В исследованиях В. Модзалевского и М. Петровского было установлено, что это повествование принадлежит такому достаточно видному представителю казацкой элиты 50–60-х годов XVII в., как Роман Ракушка Романовский [9]. Происходивший из среды православной шляхты Брацлавского воеводства, он начал службу в Нежине в 1649 г. как казак первой сотни Нежинского полка. Но скоро успешно началась его служебная карьера – в 1654–1655 гг. он «ревизор скарбу війскового» в Нежинском полку, в 1659 г. – полковой судья, позднее – нежинский наказной полковник. Тем самым автор «Летописи» стал представителем казацкой верхушки в одном из крупных центров Левобережной Украины. Такая успешная карьера оказалась возможной благодаря его тесным контактам с нежинским полковником Василием Золотаренко. Как его доверенное лицо Роман Ракушка посетил в декабре 1660 г. кн. Г.Г. Ромодановского с просьбой прислать в Нежин русские войска [10. С. 610]. В.Н. Золотаренко был убит на «черной раде» в 1663 г., но карьера его «клиента» на этом не оборвалась. Напротив, захвативший власть на Левобережье гетман И.М. Брюховецкий сделал его «войсковым подскарбием», т.е. передал в его управление финансы всего гетманства. Тем самым он вошел в состав казацкой верхушки, стоявшей во главе левобережного гетманства. Карьера Романа Ракушки закончилась с убийством И.М. Брюховецкого в 1668 г. Вскоре после этого подскарбий переехал на Правобережье и стал протопопом в Браславе. Он сразу занял видное место в рядах православного духовенства. В 1670 г. митрополит Иосиф Тукальский отправил его послом в Константинополь хлопотать о подтверждении его в сане. На Левобережье в Стародуб он вернулся в 1676 г. после падения Правобережного гетманства.

По-видимому, после отстранения от активного участия в политической жизни у Романа Ракушки возник замысел создать историческое повествование о событиях, происходивших на Украине с начала восстания Хмельницкого. Исследования написанного текста не выявили влияние на автора каких-либо современных ему нарративных источников. Перед нами непосредственный, хотя и написанный с временной дистанции, рассказ о событиях на Украине видного представителя новой формирующейся элиты украинского общества.

Общество на территории гетманства изображается в «Летописи Самовидца» как находящееся в постоянном брожении, для которого характерны высокая активность социальных низов и непрочное положение формирующейся элиты.

Рассказ о восстании, охватившем всю восточную Украину после поражения коронной армии в 1648 г., начинается словами, что «народ посполитый» стал собираться в полки – «не только тіе, которіе козаками бивали, але хто и нігди козацтва не знал» [11. С. 51]. Автор, принадлежавший к казачеству как привилегированной социальной группе, не радуется тому, что во время восстания в ряды казаков входят простые люди. Его отрицательную реакцию вызывают не только насилия этих людей, избивающих шляхту, ксендзов, евреев и захватывающих их имущество. Еще больше его не устраивало, что от этих людей низкого звания («будников, наймитов, пастухов») «туга великая людем всякого стану значним была и наругання», и они были вынуждены «приставать» к образовавшемуся войску [11. С. 52]. Здесь мы видим одновременно свидетельство и существования определенной соци-

альной элиты («людей значных») и явной непрочности их положения. Поднятая тема получила продолжение в рассказе о событиях 1649 г., когда все население, по словам Самовидца, пошло в войско, так что «трудно было о наймита». Тогда и бурмистры, и члены советов в городах с магдебургским правом были вынуждены пойти в это войско. «Так дьявол, – пишет автор, – учинил себи сміх з людей статечних» [11. С. 57]. Общество, таким образом, еще не знает четких сословных различий. Оно делится на людей зажиточных («статечных») и простых, принуждающих «зажиточных» к нежелательным для них действиям.

Напряженность в отношениях между разными слоями общества сохранялась. Так, из того же источника можно узнать, что в 1655 г. в казацком войске, осаждавшем Старый Быхов, «на своїх старших чернь повстала была, хотячи старшину побити», но старшина, собрав своих сторонников, противников «выстнали, а приводцов повішали» [11. С. 71]. Здесь разделение общества приобретает другой характер – казацкое войско в походе делится на «старшину» – казацкую верхушку, сложившуюся уже в особый круг людей, в руках которых находится военно-административная власть, и рядовых казаков, которые для Самовидца являются «чернью». Повествование о событиях, происходивших после смерти Хмельницкого, позволяет раскрыть точнее содержание обоих понятий. Когда казацкое войско собралось после смерти Богдана Хмельницкого, оно делилось на полковников, сотников и «чернь», а на раду в Переяславе, когда был провозглашен гетманом Иван Выговский, «полковники з сотниками и з іншою старшиною зіхалися оприч черні» [11. С. 76–77]. Таким образом, четко различаются казацкая верхушка и рядовое казачество. Наименование последнего «чернью» отражает отношение этой верхушки к нижестоящим.

Положение формирующейся социальной элиты было особенно уязвимым на Левобережье, где автор «Летописи» находился в 50–60-х годах XVII в. Полки южной части региона, такие как Полтавский, были тесно связаны с Запорожьем – противником новых порядков, а в северной части отсутствовал социальный слой, аналогичный «реестровому» казачеству, служившему опорой власти элиты на Правобережье.

На страницах «Летописи» запорожцы выступают, как сила, опасная для самого существования такой элиты. Они хотят «выбити» «старшину городовую», «як то у оных звичай давній» [11. С. 88]. Автор «Летописи» резко осуждает соперничество, борьбу за власть в кругу правящей элиты, готовность участников искать поддержки запорожцев [11. С. 88], так как видит в таких действиях серьезную опасность для своего социального слоя. Он упоминает собрания «полковников и сотников и казаков значних», но их участники не смогли предотвратить опасность, которую несло соединение запорожцев с недовольными низами.

Особенно подробно в «Летописи» описаны события 1663 г., когда по требованиям казаков «зо всіх полков» была созвана для выбора гетмана «черная рада», то есть собрание с участием рядового казачества. Собрание закончилось кровавым конфликтом, который начался разграблением имущества старшин, а завершился их убийствами. Как читаем в «Летописи», при этом «много казаков значних чернь позабивала», так что «старшина козаки значніе, яко змогучи, крилися, иде хто могл, жупани кармазиновіе на сермяги миняли» [11. С. 91]. Эти высказывания показывают, что объектом ненависти становились не только носители власти, но вообще люди, выделявшиеся из окружающей среды своей зажиточностью.

Новыми полковниками стали люди, пришедшие с новым гетманом Брюховецким из Запорожья, которые «людем незносную кривду чинили, а звлаща значним». Некоторые из них были ранее слугами на богатых дворах и теперь мстили хозяевам за нанесенные им ранее обиды [11. С. 92]. «Барзо притуга великая на людей значних была» [11. С. 93].

Все это наглядно показывает, как неустойчиво было положение казацкой верхушки – социальной элиты украинского общества и как эта неустойчивость отражалась в сознании одного из ее представителей.

Известные факты биографии Ракушки в сопоставлении с его повествованием позволяют выявить важные особенности его взглядов. Карьерой, как уже отмечалось, он был обязан нежинскому полковнику Василию Золотаренко, который в начале 1660-х годов претендовал на гетманскую булаву, оспаривал ее у перемышлянского полковника и наказного гетмана Якима Сомка. В борьбе с Сомком он искал поддержки у запорожцев. Роман Ракушка, бывший «клиент» нежинского полковника, резко осуждает его действия, считая явной глупостью надежды на запорожцев [11. С. 87]. В рассказе упоминаются люди, которые Золотаренка «от злого отводили, жеби не удавал Сомка и mezi собою гетмана настановили» и предостерегали против запорожцев, которые «не зовсім добрим на старшину городовую жичут» [11. С. 88].

Нежинский полковник не стал слушать предостережений и даже хотел «тих людей вигубити», но ход последующих событий показал их справедливость. В этих высказываниях проступает понимание того, что элита общества при общем неустойчивом положении не должна допускать в своей среде конфликтов, которыми могут воспользоваться недовольные социальные низы.

События 1663 г. повторились несколько лет спустя, в 1668 г., когда после убийства «голотой» гетмана Брюховецкого «много людей значних казаков [...] позабивали» [11. С. 105].

После событий 1668 г. автор «Летописи» поселился на Правобережье и вернулся на Левобережье, в Стародуб, лишь в 1676 г. Последующая часть его повествования заполнена известиями о военно-политических событиях не только в Восточной Европе, но и на Балканах. На этом фоне выделяется пространная характеристика гетмана Ивана Самойловича, помещенная в «Летописи» после рассказа о его низложении в 1687 г. [11. С. 144–145]. Говорится о его высокомерии – из старшины в его присутствии «ніхто не сиділ», «казаки собі городского так посполитих, яко и значних, ні защо важили и в двори не пускали». Порицается и корыстолюбие, когда гетман и его сыновья «вимишляли [...] аренди, стаціе великіе». Особо отмечено, что гетман хотел опираться при осуществлении своей власти «на люд грошовий зтяговий», т.е. на наемное войско, образовавшее его постоянную охрану.

Вместе с тем в тексте недвусмысленно сказано, что гетман был смещен не в результате народного недовольства, а по инициативе «старшины казацкой», ходатайствовавшей об этом перед русскими властями. Все приведенные выше обвинения говорят о том, что к концу XVII в. произошло значительное усиление власти гетмана в разных сферах общественной жизни, и это явление не вызвало новых взрывов народного недовольства. Хотя самовластное поведение гетмана не нравилось правящей верхушке, очевидно, что усиление власти гетмана означало и усиление ее власти и влияния. Стоит отметить в этой связи характеристику, которую дал «Самовидец» преемнику Самойловича – Ивану Мазепе. Это был человек «роду шляхетского, повіту Білоцерковського, старожитной шляхти української и у войску значний» [11. С. 146]. Таким образом, приветствовался приход к власти в гетманстве вместо «поповича» – Самойловича – человека из «старожитной шляхты украинской», с которой явно отождествляла себя казацкая верхушка.

Вместе с тем рассказ о событиях, следовавших за смещением Самойловича, показывает, что до установления социальной стабильности в гетманстве было еще далеко.

Так, «Самовидец» рассказывает, что начались волнения в войске, а затем и в городах, где «многі двори пограбовали, арендаров и иних людей значних и приятелей гетмана бывшего» [11. С. 144]. Принятое вскоре решение об отмене

аренд [11. С. 146] показывает, каким опасным было положение с точки зрения казацкой верхушки.

Под 1692 г. «Самовидец» отметил выступление Петрика с запорожцами «на старшину украинскую», когда к нему «купа немалая зобралась з розних городов» [11. С. 153].

Автора «Летописи Самовидца» волновала непрочность положения украинской элиты, и он живо реагировал на проявления недовольства этой элитой со стороны социальных низов. Вместе с тем в его «Летописи» не обнаруживается каких-либо попыток обосновать право этой элиты на власть над украинским обществом. Признаки такого рода не обнаруживаются даже в начальной части повествования, где речь идет о переломных событиях в истории Украины, которые привели эту элиту к власти.

Задача легитимации элиты не была легкой. Особенность положения в гетманстве состояла в том, что привилегированным социальным слоем было казачество в целом, а казацкая верхушка, понемногу превращавшаяся в местное дворянство, была отделена от основной массы казаков служебным положением, а не особым сословным статусом. В таких условиях речь должна была идти прежде всего об историческом обосновании особой роли казачества.

В этом случае, как и в ряде других, в поисках модели для построения такого исторического обоснования образованная элита украинского общества обращалась к получившим широкое распространение на Украине памятникам польской историографии эпохи Возрождения. В них читался рассказ о приходе предков поляков на Вислу и Одер. Наибольшее распространение и популярность приобрела та версия рассказа, которая читалась в «Хронике всего света» Мартина Бельского. В ней предки поляков отождествлялись с сарматами – племенами иранского происхождения, которые по свидетельствам античных авторов заселяли юг Восточной Европы в последние века старой и первые века новой эры. Для Бельского сарматы были славянами, которые пришли на земли Восточной Европы вместе с Гомером, сыном Иафета. Здесь «сарматы» создали огромное государство, простиравшееся от Дона до Рейна. Именно «сарматам» была адресована хорошо известная в XVI в. грамота Александра Македонского. Сарматов Бельский характеризовал как «страшных людей, так как перед этими людьми вся земля дрожала». Из среды сарматов вышли вандалы, герулы, лангобарды, гунны, которые «всю Европу и Африку завоевали». Никто не мог им противостоять, они уничтожали только самих себя во время внутренних раздоров¹. О широком распространении таких представлений в среде польской шляхты говорят сочинения шляхетских политиков 70-х годов XVI в. В одном из них читается, что сарматы не подчинялись ни Александру Македонскому, ни Римской империи, и из-за «Sarmatów państwo rżymskie upadło» [12. S. 109]. В соответствии с этим сарматы характеризовались как «могущественные и ужасные» [12. S. 112]. Потомками сарматов провозглашалась шляхта, в то время как остальное население рассматривалось как местное, подчиненное сарматами в древние времена своей власти [13. S. 25–27].

Важно, что эта версия событий древней истории была хорошо известна образованным слоям украинского общества, стремившимся найти для украинской православной шляхты место среди сарматов. Она связывала себя с одним из сарматских племен, а именно с «роксоланами»². В сочинениях, написанных на украинских землях в ранние годы XVII в., именно украинские земли провозглашаются Сарматией [14. С. 168]. Выступая в 1641 г. на сейме лидер православной шляхты Адам Кисель говорил, обращаясь к польским участникам: «Наши предки, русские сарматы, добровольно пришли к вашим милостям, польским сарматам» [15. Р. 106].

¹ Характеристику взглядов М. Бельского см. в [12. S. 87–88].

² Версия эта принималась обществом Польского королевства (см. [12. S. 97]).

Для верхушки казачества, выгнавшего из своей земли и польских, и «русских» сарматов, такая версия происхождения не годилась, от поляков следовало принципиально отделиться, но она могла быть использована как модель, образец для построения нужного прошлого.

Первые такие попытки были предприняты уже в 70-е годы XVII в., когда наметилась определенная стабилизация положения социальной элиты.

В 1676 г. увидело свет в Новгород-Северском сочинение православного проповедника Иоанникия Галятковского «Скарбница» – рассказ о судьбах Елецкого монастыря в Чернигове и находившейся в нем чудотворной иконы Богоматери. Во вступительной части, обращенной к патрону монастыря гетману Самойловичу, Галятковский поместил повествование о судьбах и заслугах казачества. Как сообщает читателю автор, король Сигизмунд I разрешил казакам селиться на Днепре, «жебы отчизну от поганов боронити». Галятковский хвалит военные подвиги казаков в защите христианского мира от опасности со стороны мусульман. Здесь он особенно выделяет подвиги Войска Запорожского во главе с Сагайдачным во время Хотинской войны. Если бы не это войско, «певне бы турки махометане в России почали з церквей християнских мечеты свои магометанскіи альбо стайне для своих коней махометанских чинити» [16. С. 345]. Поэтому «мает войско Запорозкое [...] славу великую [...] для великой одваги рыцерской» [16. С. 346]. В знак признания казацких подвигов король Стефан Баторий дал Войску Запорожскому «за герб на печати рицера, самопал на раме, у бока шаблю [...] маючого, поневаж рицере запорозкии не только в поле, але и на море з неприятелями воюют» [16. С. 345]. Так под пером Иоанникия Галятковского казаки становятся сообществом «рицарей», которым их военные подвиги принесли важное, почетное место в обществе.

Но «славу» казаки заслуживают благодаря не только храбрости и военному искусству, но и их преданности православной вере, которую они защищают, сражаясь «з махометанами неверными, з поганами и з геретиками». «Для тоеи славы войска запорозкого и для его веры благочестивои» принял его под свое покровительство царь Алексей Михайлович [16. С. 348].

Одно место в сочинении Галятковского позволяет полагать, что обоснование особого положения казачества этими доводами не ограничивалось. Здесь читаем, что «ведлуг зданя мудрых людей некоторых названы суть от козаров», а это «люди народу руского», которые воевали со Святославом Игоревичем [16. С. 347]. Сам Иоанникий Галятковский с этим не был согласен, но его высказывания показывают, что уже в 70-е годы XVII в. появилось представление, что в отличие от остального населения Украины казаки являются потомками особого, хотя и славянского, народа «хазар». Можно высказать предположение о том, почему «хазары» привлекли к себе внимание. Они жили на территории, которая к тому времени рассматривалась, как прародина славян, играли заметную роль в истории Восточной Европы и никак не пересекались с «сарматами».

Сдержанная реакция Иоанникия Галятковского говорит о том, что такое представление лишь формировалось и не имело общего признания. Есть основания полагать, что к началу XVIII в. оно стало общепринятым, по крайней мере, в кругу лиц, близких к гетману Мазепе.

В преамбуле конституции Филиппа Орлика (1710) казаки снова провозглашались потомками хазар, при этом подчеркивалось, что они – славяне и православные, принявшие христианскую веру из Константинополя «за владение еще каганов козарских» [17. С. 77].

Вслед за тем появились и исторические сочинения, где тема связи между хазарами и казаками получила освещение. В дневнике генерального подскарбия Якова Марковича за 1 июня 1725 г. отмечено, что, посетив знакомых, он взял у них на чтение «книжку писанную літописную о козаках». В ней подскарбий прочел, что

«козаки от річки прозиваемої Козара, називались первей козарами» и что «князи их козарстїи обладали кїевскої и другими странами» [18. С. 241].

Такие утверждения обнаруживаются в украинском историческом сочинении, известном, как «Летопись Грабянки». Сложная история формирования этого памятника прояснилась в сравнительно недавнее время. Е. Апанович, изучая его списки, выделила краткую и полную редакцию этого произведения [19. С. 98]. Детальное сопоставление списков обеих редакций осуществил украинский исследователь А.М. Бовгиря [20]. В результате этого сопоставления исследователь пришел к обоснованному выводу, что неизданная краткая редакция предшествовала созданию пространной. Церковно-славянский язык этого текста, ряд его особенностей (пространные рассуждения о кознях дьявола в рассказе о заключении Брестской унии, выдержанные в духе православной полемической литературы, повышенное внимание к фактам церковной истории, рассказы о знамениях, предвещавших победу казаков, и др.) указывают на его составление лицом, принадлежавшим к православному духовенству Киевской митрополии. Подобный текст в 1725 г. взял читать в семье Горленков генеральный подскарбий Яков Маркович [20. С. 77, 85]. Чем-то, однако, текст этот не удовлетворял читателей, и появилась его переработка, представленная полной редакцией.

В полной редакции появилось обращение к читателю, в нем автор перечислил труды, в которых описывались славные деяния казаков во главе с Хмельницким, – «Анналы» польского историка второй половины XVII в. Веспасиана Коховского, изданную по приказу Петра I «Историю Европы» С. Пуфендорфа и некоторые другие – и заявил о намерении изложить свой взгляд на события прошлого, перечисляя известные ему источники [21. С. I]. Такое предисловие характеризует его автора как образованного светского человека, стремящегося создать труд, который занял бы свое место в ряду других научных трудов, созданных в разных странах. Такое заключение подтверждает ряд наблюдений Бовгиря. Исследователь показал, что составитель полной редакции освободил текст от характерных для православной полемической литературы рассуждений, опустил ряд фактов, касавшихся церковной истории, старался приблизить язык текста к языку украинской прозы XVIII в. Уже определение этой редакции, как полной, говорит о том, что текст краткой редакции был существенно расширен. Сопоставляя начальную часть обеих редакций, Бовгиря показал, что в текст был введен ряд новых сюжетов [20. С. 79–80], очевидно, почерпнутых из прочитанной автором европейской литературы. Введение ряда новых сюжетов отмечает исследователь и в повествовании о Хмельницком [20. С. 82]. Все эти наблюдения показывают, что имела место серьезная переработка первоначального текста, осуществленная представителем образованной светской социальной элиты украинского общества.

Разумеется, при создании и краткой, и полной редакции использовались местные украинские источники. Издатели памятника в 1854 г. отметили сходство многих его известий с «Летописью Самовидца», но не могли определить соотношение текстов [21. С. XVIII]. Однако уже во второй половине XIX в. М.А. Максимович определенно установил, что «Летопись Самовидца» являлась одним из основных источников «Летописи Грабянки» [22. С. 219]. Признание того, что полной редакции предшествовал более краткий текст, ставит перед исследователем вопрос, кто же использовал «Летопись Самовидца». Здесь заслуживает внимания наблюдение Бовгиря, что в полной редакции имеются заимствования из «Летописи Самовидца», отсутствовавшие в краткой [20. С. 82]. Таким образом, составителю полной редакции «Летопись Самовидца» была хорошо известна, и он ее использовал, перерабатывая более ранний текст. Тем самым характер заимствования в «Летописи Грабянки» «Летописи Самовидца» (какие известия составитель полной редакции опустил, какие подверглись изменениям, а какие сохранились в прежнем виде) позволяет судить, как изменился в сознании представителя украинской соци-

альной элиты взгляд на историческое прошлое и под воздействием каких факторов это происходило, какие цели ставил автор, изменяя традиционную картину прошлого.

Один из списков полной редакции (тот, что лег в основу издания 1854 г.) собственноручно переписал Г.А. Полетика [23. С. 296], известный лидер украинского дворянства середины XVIII в. Очевидно, созданная в ней картина прошлого отвечала желаниям этого социального слоя.

Списки краткой редакции – анонимны, в двух списках полной редакции имеются указания на авторство Григория Грабянки [20. С. 76, 78]. Факты биографии Грабянки достаточно хорошо известны [24]. Он начал нести службу с 1686 г. и занял к 1710 г. должность гадяцкого полкового прапорщика. Его служебная карьера связана с Гадяцким полком и была достаточно успешной, несмотря на конфликты с гадяцким полковником Михаилом Милорадовичем – сначала сотник, затем полковой есаул, он был в 1717–1728 гг. полковым судьей Гадяцкого полка. Тем самым Грабянка занял достаточно заметное место в рядах казацкой старшины. Этому способствовал, очевидно, его брак с внучкой генерального обозного Евдокией Ивановной Забела. Представляется, что такая успешная карьера при неприязненных отношениях с полковником объясняется, вероятно, связями с центральными властями гетманства. Об этом говорит получение им от гетмана Ивана Скоропадского в 1710 г. села Максимовского. О связях с правящей верхушкой гетманства определенно говорит его участие в посольствах, направлявшихся в Москву, чтобы добиться там сохранения автономии гетманства. Он был участником такого посольства, отправленного в 1720 г. «о нуждах малороссийских», а в 1723 г. принял участие в прошении о восстановлении гетманства и в результате в ноябре 1723 г. был заключен вместе с рядом других старшин в Петропавловскую крепость, откуда освобожден после смерти Петра I. В мае 1730 г. Г. Грабянка стал гадяцким полковником и одновременно достаточно крупным землевладельцем (ок. 400 дворов).

Приведенные данные позволяют определенно говорить о связи Грабянки не только с казацкой верхушкой, характерным представителем которой он был, но и непосредственно с правящим слоем гетманства, в котором, вероятно, следовало бы видеть одного из главных адресатов его труда.

В заголовке написанного Грабянкой исторического сочинения говорится, что работа над ним была завершена «року 1710», однако уже в первых строках сочинения – «объявлении к читателю» – упоминается осуществленный по приказу Петра I перевод сочинения Пуфендорфа, который был напечатан в 1718 г. Ясно, что работа над историческим трудом завершалась в то время, когда казацкая старшина была обеспокоена своим положением, нуждалась в легитимации своей власти, как представляется, не только перед лицом нижестоящих, но и перед лицом российских властей.

Такое историческое обоснование и дал в своем труде Григорий Грабянка как идеолог украинской социальной элиты первой половины XVIII в. Сопоставление картины прошлого, нарисованной им, и картины прошлого, нарисованной в «Летописи Самовидца», позволяет выяснить, в какой именно картине прошлого нуждалась украинская политическая элита времени Петра I и его преемников для обоснования своего права на власть и особый социальный статус.

Если «Самовидец» начинал повествование с событий восстания Хмельницкого, то Грабянка предпослал описанию этих событий большое обширное введение. В центре этого введения были не исторические судьбы Руси или Малой Руси, а исторические судьбы «казачества», как особой общности, существовавшей уже в древние времена.

В соответствии с представлением, к началу XVIII в. достаточно распространенным, предками казаков Г. Грабянка считал хазар или «алано-хазар» [21. С. 3–5].

Этот народ происходил «от древнейшего рода Скифска», говорившего по-славянски – «язык бе Славянский, из Афета праотца изшедший» [21. С. 3]. Хазары жили на территории Восточной Европы – у Азовского моря, на Дону, в Крыму. Часть из них уходила из очага первоначального расселения на запад, в частности, в Паннонию, принимая другие имена – авары, гунны, болгары и др. [21. С. 4]. Это дало возможность приписывать предкам казаков крупные исторические деяния, совершенные представителями этих общностей: именно они осаждали в начале VII в. Константинополь, спасенный лишь чудесным вмешательством Богоматери [21. С. 10].

Жизнь хазар Г. Грабянка описывает как суровую, характерную для кочевого народа, – они жили в шатрах, пасли скот, их пищей служило «мясо невареное», «обычай бе грубий и свирепий, яко же нине у татар». При этом в такой характеристике летописец резко выделяет одну их особенность: они стремились «в бранех непрестанно обучатися, чесо ради зело бяху храбри и толь мужественни яко каган казарский, их царь всем окрестным землям был ужасен» [21. С. 5].

Предки казаков выступают под пером хрониста прежде всего как сообщество воинов, выдающихся своими боевыми качествами. Чтобы привлечь внимание читателя к этим дарованиям казаков, Г. Грабянка дополнительно сообщил, что хазары «многое время Римляном служили, от них же за свое мужество и знаменитую во бранех храбрость многими почестми, множайшими же дары обогащяеми бываху» [21. С. 5]. Таким образом, высокие боевые качества предков казаков получили признание в самом центре цивилизованного мира древности – Риме.

В этом повествовании судьбы «Руси» и хазар никак не соединены. Правда, говорится, что хазары «владели Киевом и иными Росийскими некими странами», но далее летописцу пришлось говорить об их освобождении от власти хазар и даже о поражении, которое нанес хазарам Святослав. Летописец, очевидно, понимал, что это сообщение противоречит его оценке высоких боевых качеств хазар, и поэтому сделал важную оговорку – Святослав победил тех хазар, которые жили на запад от Дона, «прочии же при прежней своей свободе остаща» [21. С. 13].

Исторические судьбы «Малой России» и хазар, которые теперь стали называться казаками, начинают соединяться после перехода земель Восточной Европы под власть польских королей. Впрочем, четкого ответа на вопрос, как и когда это произошло, повествование Грабянки не содержит.

Хотя в заголовке соответствующего раздела читается, что будет рассказано, как «Малая Росия подпаде лядскому игу», в последующем повествовании говорится о вхождении «Малой России» в Польское королевство на началах самой широкой автономии. На все административные должности король Казимир Великий назначил «Русинов» «и честию и волностию полским сановником сровни», а жителей «з Полскою шляхтою в еднаких правах и волностях соединил». И эти пожалования подтверждали своими «привилеями» его преемники. «Казаки» в этой связи никак не упоминаются [21. С. 15–17].

Последующий раздел повествования неожиданно для читателя начинается с упоминания о том, что поляки, подчинив себе «Киев и Малороссийские страны», хотели «в работе имети живущие в них люди» [21. С. 18]. Откуда взялись эти «поляки» и почему они распоряжаются на землях, где военно-административная власть находится в руках «русинов», автор не объясняет. Но именно после этих высказываний в повествовании снова появляется казацкая тема. Казаки, которые «издревле мечем упражняхуся», избежали «работного ига и дела», поселившись самовольно в районе Днепровских порогов «в диких полях», «кормящиеся рыбными и звериними ловлими и морским на бесурман розбоем». Автор хвалит их храбрость и силу, их искусство в обращении с оружием. Они всегда готовы вести войну и для этого им «не треба наиму обещевати». «В мире же жити никогда не хочут» и всегда готовы идти «на помощь ини царством». Подобно своим воин-

ственным предкам они ведут простую и суровую жизнь, довольствуясь скромной пищей и одеждой [21. С. 19–20].

Это сообщество воинов вступает затем в дружественные контакты с королевской властью. Сигизмунд I дает казакам земли по берегам Днепра в районе порогов «во владение вечное» [21. С. 21]. Затем Стефан Баторий, «видя у казаков мужество великое», дал их главе – гетману знаки власти и печать: «на печати герб, рыцарь з самопалом» [21. С. 22]. Эта деталь показывает, что описываемое сообщество воинов – это сообщество «рыцарей».

Существование этих «рыцарей» никак не пересекается с существованием населения «Малой России», живущего под работным игом. О пополнении рядов этих «рыцарей» людьми, бегущими от «работного ига», в «Летописи Грабянки» ничего не говорится.

Перемены наступили, согласно повествованию, с заключением Брестской унии и начавшимися гонениями на православных. Тогда гетман Косинский «разжегся ревностью благочестия» и выступил против ляхов «з войском Запорожским», его дело продолжил «яко сын православия» Наливайко, которого поляки сожгли «на медяному волу», «а от тоя вины война Казацкая з ляхами зачатся» [21. С. 24]. Поворот этот достаточно неожидан для читателя, ранее о благочестии казаков ничего не говорилось, автор даже не сообщил, когда они стали христианами.

Но очевидна их новая историческая роль. Они выступают как защитники «малороссийского народа» от гонений. Так между судьбами казаков и «малороссийского народа» в повествовании возникает связь – связь между защитником и подзащитным.

Связь эта сохраняется и в дальнейшем, когда характер отношений между казачеством и властью изменился и вместо жесткого конфликта пришло сотрудничество в годы Хотинской войны Речи Посполитой с Османской империей. Г. Грабянка высоко оценивает подвиги казацкого войска в этой войне. Если бы не казаки, «то би Турки в России и Польше з церквей и костелов для коней стойли поробили» [21. С. 27]. Благодаря этим подвигам глава казацкого войска гетман Сагайдачный «зъєднал милость и свободу великую народу Малороссийскому» [21. С. 27]. Таким образом, глава казацкого войска выступает как покровитель и защитник «малороссийского народа» – населения Украины. Когда в 1722 г. Сагайдачный умер, его хоронили «з великим плачем» не только «Запорожского Войска», но и «всех людей православных».

Такое благоприятное существование длилось, однако, недолго. Вскоре и казаки, и население Украины оказались в тяжелых, неблагоприятных условиях.

С этого времени повествование Грабянки уже можно сопоставлять с «Летописью Самовидца». Начнем с рассказа о причинах восстания Хмельницкого. Это сопоставление показывает, что Грабянка с большой полнотой воспроизводит рассказ о притеснениях казаков (прежде всего реестровых) со стороны старшин «лядской веры» (ср. [11. С. 45–46] с [21. С. 29–31]). Этот рассказ Грабянка сопроводил некоторыми рассуждениями. Так, повествование о притеснениях он завершил словами, что казакам не было «ни чести, ни славе, ни воле», а затем было помещено рассуждение, что худо, когда «земли доброволне поддание и завоеванные начинают озлобляти и права им природные ломати». Эти высказывания отражают представления автора XVIII в. о казачестве как давней привилегированной общности воинов со своей «честью», «славой» и «волей», своим особым статусом – правами, закрепленными в королевских привилегиях.

Королевская власть фигурирует в рассказе Грабянки, как сила, выступающая в защиту этих «прав» казачества и даже побуждающая их защищать. Автор цитирует слова королевской «епистолии» есаулу Барабашу – «аще есте Козаки воины храбрые, мечь и силу имате и что вам по себе встати возбраняет». Именно после знакомства с «епистолией» казаки во главе с Хмельницким уходят за пороги [21.

С. 40]. В последующем повествовании Грабянка помещает письмо Хмельницкого Владиславу IV [21. С. 49]. Хронист использовал подлинный текст письма, очевидно, по тексту Коховского, подвергнув его некоторым характерным изменениям. Так, слова письма, что казаков преследуют, как невольников, не признавая их за собственных слуг короля, изменены так, что речь в них идет о королевских воинах. В заключительной фразе письма пожеланию о сохранении королем «давних прав и вольностей» придана иная форма. По версии Грабянки речь шла о том, чтобы в целости сохранились «привилеи [...] Войску Запорожскому надание».

Очевидно стремление автора еще раз подчеркнуть традиционный привилегированный статус казачества и обосновать справедливость его выступления. Самовидец явно не уделял большого внимания этой стороне дела. Грабянка одновременно стремится связать повествование с начальными частями своего труда. Хмельницкий поднял восстание, «хотя обновити прежних казаков славу». В уста Хмельницкого он вкладывает обращенные к казакам слова: «Помянем преждебывших воинов Украинских, яже, аще неверни бяху, то мужеством своим все страну обношаху страхом» [21. С. 42]. Так подчеркивалась связь между казаками и их воинственными предками – хазарами, «извечное» существование сообщества воинов со своими правами.

При описании войны хронист тщательно подчеркивает превосходство казаков, как воинов, над поляками. После битвы на Желтых водах «ужасеся [...] все полководцы и все Лядское войско, и не оста в них силы» [21. С. 45]. В стычках с войском Речи Посполитой под Пилявцами казаки, «отважнее на самоборство выездючи, школу рыцерскую в подивлене и в последний страх ляхом отправовали» [21. С. 53]. Таких высказываний у Самовидца нет.

Сопоставление двух повествований позволяет сделать одно важное наблюдение. Г. Грабянка заимствует у Самовидца его сообщения о том, как паны на поданных «тяжкие и неслыханные дани наложиша» [21. С. 29] (ср. [11. С. 46–47]). В «Летописи Самовидца» эти высказывания объясняют, почему после поражения коронной армии под Корсунем вся Украина была охвачена массовым народным восстанием. В отличие от «Летописи Самовидца» в «Летописи» Г. Грабянки о таком восстании не говорится ничего. Отсутствуют в нем и сообщения Самовидца о вступлении в ряды казацкого войска представителей социальных низов, которые заставляли следовать своему примеру людей зажиточных. Освобождение страны от власти «ляхов» выступает как дело казачества – традиционного содружества воинов, ущемленного в правах. Хронист говорит, что Вишневецкий «мещан и священников, ничто же согрешивших, повеле на пале позбивати» [21. С. 52], но чем вызваны эти жестокости, из его повествования установить невозможно.

Такие же расхождения обнаруживаются при дальнейшем сопоставлении двух повествований. Рассказывая о возобновившейся войне, которая завершилась Зборовским миром, Григорий Грабянка снова опускает высказывания Самовидца, что «усе що живо поднялось в козацтво», что «статечные люди» были вынуждены войти в состав этого войска.

В создании таких картин прошлого, конечно, не были заинтересованы ни сам Григорий Грабянка, ни те, к кому он обращался своим трудом. Нужна и была создана такая картина прошлого, согласно которой местные «посполитые» лишь пассивно наблюдали происходившие события, когда казачество своими усилиями освободило «малороссийский народ» от «ляшского ига». Это героическое деяние стало обоснованием особого статуса казаков и их права жить за счет труда «посполитых».

Описание прошлого, когда казачество выступало как единственная сила, определявшая своими действиями развитие событий, поставило Грабянку перед решением важной проблемы, как, в силу каких причин на территории Украины произошла смена элит и на смену шляхте пришло как привилегированный со-

циальный слой казачество. В «Летописи Самовидца» истребление и изгнание шляхты было результатом массового народного движения и казачество просто заняло освободившееся место. У Грабянки перемены оказывались результатом деятельности самих казаков. В его «Летописи» помещен рассказ о событиях, происшедших в 1648 г. в Подолии, где казаки во главе с полковником Остапом взяли замок Нестервар. В нем «многое множество [...] затворися [...] шляхты». Казаки замок «взяша и всех до единого изсекоша» [21. С. 51]. Появилась необходимость объяснить такие действия казаков, тем более, что во вступительной части своего труда автор «Летописи» написал, что, подчинив русские земли, король Казимир Великий «из Русинов воеводи, каштеляни, старости, судии и прочие урядники уставил и честью и волностию полским сановникам соровнил» [21. С. 18]. Почему же казаки стали уничтожать свою «русскую» элиту? Грабянка предложил объяснение в разделе «Сказание о казацкой войне с ляхами под Переяславлем». По его словам, еще при жизни гетмана Сагайдачного «в Киеве и во украинских городех князи и воеводи и старости от благочестивии вери бяху, отнюдь пакости не творяху», но, когда они стали жениться на «ляховицах», приняли католическую веру, то стали «подданым своим неслыханние труди и дани налагати» и принуждать их принять унию [21. С. 28]. Казачество оказалось вынужденным устранить так ведущую себя элиту. Очевидно, если бы князья и воеводы не изменили своей вере и не стали бы отягощать своих подданных, они и дальше бы стояли во главе населения Украины.

В этой связи привлекают внимание помещенные в «Летописи» Грабянки высказывания о православном магнате брацлавском, а затем киевском воеводе Адаме Киселе. О Киселе с явной симпатией писал «Самовидец»: когда после Зборовского мира Кисель приехал в Киев, он «як благочестивый пан в згоді з Гетманом Хмельницким был» [11. С. 59]. В другом месте говорится, что, когда война возобновилась, Хмельницкий посоветовал ему уехать, так как «з ним, як з благочестивым паном мешкал згодне» [11. С. 64]. У Грабянки таких высказываний заметно больше. Так, здесь читаем, что король Ян Казимир послал на переговоры с Хмельницким Киселя, «яко веры Руской з ним едного и здавна у войсках зазнавагося» [21. С. 61–62]. Далее читаем, что, когда киевский митрополит Сильвестр Косов приехал в Варшаву, А. Кисель «от древних панов руских родом» советовал митрополиту уехать, так как иначе «ляхи [...] кое зло ему сотворят» [21. С. 82]. Затем Кисель добивался отмены унии и «Ляхи на Киселя вознегодовали, мнеша бо яко он благочестив по благочестию и по казаках поборает» [21. С. 88]. После приезда к Хмельницкому посла от султана Кисель послал к гетману брата Григория, призывая его «к Турскому царю да не предается» [21. С. 95]. Наконец, в «Летописи» отмечена смерть Адама Киселя и помещена его пространная характеристика: «Вере Греко-Руския великий бе побожник, во словесех бе сладок, приятен, от древнего и славного роду идяй Святолда, бывшаго в року 1128 Рускаго гетмана» [21. С. 118].

Обращает на себя внимание не только благожелательный тон этих высказываний, но и подчеркивание древности рода, к которому принадлежал Кисель, возведение его происхождения к эпохе Киевской Руси. Как представляется, этот пример говорит о том, что наряду с отталкиванием от прежней элиты – шляхты, на смену которой пришло казачество, начинают намечаться поиски преемственной связи с ней по мере того, как жизнь казацкой верхушки становилась подобной жизни шляхты, и она начинала использовать для укрепления своего положения в обществе памятники шляхетского законодательства. Таких взглядов к началу XVIII в. был не чужд и «Самовидец».

Сопоставление двух источников позволяет выявить в тексте Грабянки важную тему, отсутствующую у «Самовидца», – о конфликтах между «народом» и Хмельницким в связи с реализацией условий Зборовского и заключением Белоцерков-

ского договоров. Так, в «Летописи» говорится, что началась «молва и мятеж», когда не все казаки были вписаны в реестр. Обращаясь к Хмельницкому, казаки заявляли, что он должен их, «яко верних заступати и не издавати ляхом на мучение». Они даже угрожали Хмельницкому – «Аще тебе угодно под Лядскою волею быти, мы иного гетмана поставим». Хмельницкий «убоялся», отказался от составления реестра и «даде им свободу, хто хочет Козаком быти, тот будет» [21. С. 92–93]. Новый конфликт произошел перед заключением Белоцерковского мира в 1651 г., когда «воста ропот и клич между Казаками». Казаки снова кричали гетману: «Нас хочещи выдать Ляхом на муки, донеле то будет, сам первее наложиши головою, где купно и Ляхи погинут». Хмельницкий «едва возможе народ утолити» [21. С. 109]. Как представляется, введение таких эпизодов должно было показать читателю, что именно казачество было той главной силой, которая добивалась освобождения от власти «ляхов».

В этой части повествования Грабянки появляется и определенное противопоставление таких частей казачьего войска, как «старшина» и «чернь». Противопоставление это впервые упоминается в тексте, восходящем не к «Летописи Самовидца», а к польским источникам³. Речь идет о рассказе, описывающем тяжелое положение казачьего войска, окруженного после битвы под Берестечком. Старшина, обсуждая возможный выход из ситуации, «черни не в конец вероваша», опасаясь, чтобы «своего ради освобождения старшину не предали Ляхом в руки». В тайне от «черни» стали делать мосты через болото. Узнав о построенных мостах «чернь побежала» на них, мосты сломались и «многое множество потопа Козаков во благе» [21. С. 104–105] (ср. [2. Т. IV/1. С. 295–296]). Здесь единая ранее у Грабянки общность казаков делится на две разные части – «старшину» и «чернь». «Старшина» – явно часть более ценная. Стойкость «черни» вызывает сомнения, а ее неразумные действия приводят к гибели войска.

Эти особенности взглядов Грабянки, его отношение к разным слоям казачества прослеживаются в повествовании о болезни и смерти Хмельницкого и о последующих событиях⁴. Больной гетман велел «немедленно всем Енералам и Полковникам с их старшиною в Чигирин на совет приходити» [21. С. 149]. В речи, с которой гетман обратился к этому собранию представителей казачьей верхушки, он, перечисляя славные деяния, совершенные в недалеком прошлом, одновременно сказал: «Вся сия вашим совоинственным мужеством, моим же предводительством устроишася». «Вам, господозие и друзи, за искреннее мне во бранех послушание за верность неколеблему, напоследок и за самыи уряд гетманства моего благодарствую» [21. С. 150–151]. Таким образом, получалось, что сам «уряд» гетман Хмельницкий получил от представителей казачьей верхушки, которые совместно с ним совершили освобождение Украины от власти «ляхов».

Простые казаки в этом рассказе упоминаются. Они появляются в его повествовании о событиях, происходивших после смерти Хмельницкого. Подробный рассказ об этих событиях имеется в «Летописи Самовидца» [11. С. 75–76]. Он явился источником для соответствующего рассказа Грабянки.

В рассказе Романа Ракушки интриги главных старшин, стремившихся захватить «уряд» гетмана, противопоставлены поведению «посполитых» казаков и сотников, которые упорно настаивали на том, чтобы гетманом в соответствии с пожеланием Хмельницкого стал его сын Юрий. Несколько раз Юрий под воздействием старшин отказывался от булавы, и войско заставляло ее принять. Наконец, Иван Выговский предложил, чтобы во время походов его именовали «на тот час

³ Рассказ о волнениях в казачьем лагере под Белой Церковью восходит к свидетельствам польских участников событий (см. [2. Т. IX/1. С. 352–353]). Как видно из этих свидетельств, дело дошло до столкновений между старшиной и «чернью» и казней предводителей последней. Грабянка убирает эти подробности, так как не хочет говорить о конфликтах в казачестве.

⁴ В «Летописи Самовидца» такого рассказа нет.

гетман Войска Запорожского». «Чернь, яко прости людє», согласилась на это, и Выговский захватил власть.

В повествовании Грабянки этот рассказ сильно сокращен, читатель остается в неведении, как упорно рядовые казаки настаивали на выборе Хмельницкого. Зато подчеркнуто, что Выговский захватил власть «от простого и неразумного народа удобно одержавши» [21. С. 156–157]. «Народ» – рядовое казачество снова выступает как сила, неспособная без руководства совершать правильные действия.

Как известно, конец правления Богдана Хмельницкого ознаменовался волнениями в казацком войске, сопровождавшимися нападками на старшину. Конфликт обострился в правление Ивана Выговского и нашел свое выражение в восстании, которое возглавил полтавский полковник Мартын Пушкарь (см. [1. С. 84–90; 2. Т. X. С. 154–155]). Однако современник событий Самовидец ничего не говорит об этих конфликтах, ничего не знает о них и Грабянка. Связано это, по-видимому, с тем, что во второй половине XVII в. на Левобережье сложилась прочная традиция отрицательного отношения к Выговскому и соответственно положительного отношения к его противнику, выступавшему под флагом преданности царю против изменника – гетмана. Однако в положительном изображении Пушкаря, как предводителя недовольных низов, представители формирующейся новой украинской элиты не были заинтересованы. Поэтому конфликт Пушкаря и Выговского представлен в обоих текстах только как столкновение сторонников разных политических ориентаций.

Отрицательное отношение к действиям Выговского не помешало Грабянке дать высокую оценку заключенному им с Речью Посполитой Гадячскому договору. По его мнению, с заключением этого договора поляки признали «вольность» казаков, их право на обладание особым политическим устройством.

В этой связи Грабянка поместил в хронике рассуждение, вложенное им в уста «поляков». Оно представляет интерес для изучения и взглядов хрониста, и взглядов украинской элиты в целом. «Поляки» якобы восхваляли казаков за то, что те «о свободу свою никого не просили, но мужеством и храбростию тое приобретаюташа». Не имеет значения, что мы их называем «мужиками», ведь и римляне «за пастухов повстали» и сами поляки «не от веку бяху шляхтичами, но по времени чрез кров и мужество тое себе именованье стяжаша» [21. С. 164]. В этом тексте ярко отражается стремление новой украинской элиты обосновать свои притязания на равноправное положение с традиционными элитами соседних европейских обществ. Грабянка доказывал, что они якобы признали такое равенство, так как сами некогда завоевали свое высокое положение, как и казаки, «чрез кров и мужество». Поэтому для него так важно было показать, что казаки и их предки – хазары всегда были содружеством непобедимых воинов.

В повествовании Грабянки о последующих событиях казацкое войско снова делится на две разные части. Так, Юрия Хмельницкого выбрали гетманом «знатные казаки и чернь» [21. С. 169]. Впрочем, к тому времени, когда Грабянка писал свою хронику, такое деление казачества было официальным и общепринятым⁵. Совсем по-иному освещены события начала 60-х годов XVII в., завершившиеся «черной радой» 1663 г. и избиением старшин.

Подробный рассказ «Самовидца» [11. С. 87–93] послужил главным источником для Грабянки, что неудивительно, если учесть, что обоих хронистов объединяет враждебное отношение к социальным низам и запорожцам, выступившим против старшины. Вместе с тем сравнение выявляет появление в рассказе Грабянки ряда новых акцентов.

⁵ Так, в грамоте Г. Грабянке на село Максимовское указывалось, чтобы «нихто из старшины и черни» не мешал ему владеть имением.

Во-первых, обращает на себя внимание героизация образа наказного гетмана Якима Сомка – предводителя левобережной старшины. Неоднократно говорится о военных успехах Сомка, подчеркивается, что «малороссийское воинство», видя, что «Сомко вождь есть храбр и в делах воинских искусен», хотело именно его избрать гетманом [21. С. 177]. «Сомко бысть воин храбр и смелій, уроди, возраста и красоти зело дивной». О нем выражал сожаление татарин, выбранный для его казни: «Сего человека сам Бог роди на показание свету» [21. С. 182].

Этот идеальный герой – воплощение лучших черт идеального казака-воина становится жертвой враждебных действий со стороны запорожцев (особенно их «голоты»), казацкой «черни» и «посполства» – «мужиков». Так освещает события и Самовидец, но сравнение показывает, что Грабянка усиливает содержащиеся в тексте отрицательные высказывания о запорожцах. Сообщая о том, что запорожцы «самоволно» выбрали Брюховецкого гетманом, он уточняет, что они поступили так «по своему обикновению», это были «нравом их свойственная повождения» [21. С. 178]. Образ Запорожья начальной части хроники – обители живущих в суровых условиях храбрых, мужественных, пренебрегающих материальными благами воинов – здесь существенно меняется. Вслед за «Самовидцем» Грабянка перечисляет насилия и поборы запорожцев.

Неприязнь к запорожцам распространяется и на их предводителя – Брюховецкого, с их помощью захватившего власть. Грабянка говорит о «душегубном основании» его власти. Рассказ о поборах и насилиях запорожцев он завершает словами, как будто «не гетман их тамо постави, но некий ненасытный кривд людских тиранин» [21. С. 181–182]. Эта неприязнь хрониста к Брюховецкому и запорожцам проявляется и в его рассказе о событиях 1667–1668 гг.

В эти годы русское правительство проводило политику ограничения автономии гетманства, политику, которую Грабянка решительно осуждал. Поэтому значительная часть его рассказа об этих событиях была запрещена цензурой и не вошла в издание «Летописи» 1854 г. Вместе с тем Грабянка одновременно решительно осуждал Брюховецкого за его намерение выступить против царской власти в союзе с запорожцами. Для такого осведомленного современника, как Роман Ракушка, связи Брюховецкого с запорожцами в 1667–1668 гг. не имели большого значения. Выступить против русских властей Брюховецкого побудили правобережный гетман Дорошенко и митрополит Иосиф Тукальский [11. С. 102–103].

У Грабянки на первый план выступают окружающие Брюховецкого полковники «з гултяйства запорожского наставление», которые «яко самовольци имаяху всегда на мысли разграбление». Поэтому, когда началось восстание, «запорожци и народ посполитій, города разграбивше, в конец разорившее». Именно «за советом наведених за собою запорожцев» Брюховецкий стал искать покровительства Крыма и Турции [23. С. 298].

По разному описан у обоих авторов переворот, приведший к убийству Брюховецкого. Роман Ракушка определенно пишет, что переворот сопровождался волнениями, в которых главную роль играла «голота». Эти люди «замордовали Брюховецкого на полі и много людей значних козаков» [11. С. 105] (свидетельство очевидца!). По Грабянке, казацкое войско оставило Брюховецкого из-за его союза с запорожцами. Когда гетмана «чернь без всякого пощадения боем умертви», это было возмездием за пролитую кровь «полковников и знатного товариства», должности и имение которых он «голите запорожской раздаде». «А по его смерти множество запорожцов казаки поубивали» [23. С. 298–299; 21. С. 198]. Таким образом, имевшее место в действительности народное восстание превратилось под пером хрониста в отпор казачества грабителям – запорожцам.

Хронист решительно осуждает власть, которая ищет союза с запорожцами, и показывает бессмысленность попыток таким путем добиться какой-либо цели. Вместе с тем и образ Запорожья приобретает определенные краски. Это – очаг

анархии – «самовольства», обиталище людей, которые хотят только убивать и грабить.

Как противоположность Брюховецкому в «Летописи Грабянки» выступает избранный в 1672 г. гетман Иван Самойлович. Сообщив о его избрании, Грабянка поместил и краткую характеристику его деяний, представляющую большой интерес для темы данного исследования. Гетман, «усмиривши во всей Малой России всю своеволю [...] потом начал и заднепрских крови людской неситих властителей, вождей и своевольцов, ово ласканием перезываючи на тую сторону Днепра, даючи им начальство и определение к прожитию [...] ово силами монаршими угрожая» [21. С. 210]. В отличие от Брюховецкого Самойлович не только уничтожил «своеволие» на Левобережье, но и прилагал усилия, чтобы прекратить действия «своевольцев» на Правобережье.

Таким образом казацкая верхушка 30-х годов XVIII в. готова была видеть в гетмане Самойловиче деятеля, осуществлявшего ее чаяния. И действительно, приведенные выше свидетельства документальных источников ясно говорят о том, что именно в правление Самойловича началось укрепление позиций социальной элиты на Левобережье. При этом Самойловичу противопоставлялся не только Брюховецкий, но и правобережный гетман Петр Дорошенко, который «начал запорожцов дарами прельщати, такожде и под реиментом Самойловича гетмана старшину побуждал противу гетмана на бунты», чтобы созвать «черную раду» [21. С. 220], но эти планы также не реализовались. И снова попытки власти вступить в союз с запорожцами подвергаются явному осуждению.

Заключительную часть «Летописи» занимают по большей части краткие протокольные записи, часто о событиях, происходивших за пределами России (в Австрии, Польше, на Балканах). Характерно, что в отличие от Самовидца Грабянка ничего не пишет о волнениях в войске в 80–90-е годы XVII в. Очевидно, в среде старшины XVIII в. такие факты хотели скорее предать забвению. Все же можно выделить два повествования, анализ которых пополняет представление о взглядах хрониста. Несмотря на краткость этой части труда, хронист стремится поместить в нем записи о военных подвигах казаков, показать их храбрость и мужество, раскрыть их роль в крупных исторических событиях. Такие сообщения доказывали право украинской элиты на почетное место в обществе и на равноправные отношения с элитами соседних обществ. Так, при осаде Чигирина в 1678 г. «храбрости и дерзости козацкой зело турки удивлялися» [21. С. 226]. В 1697 г. турки осаждали казацкие «гарнизоны в Тавани и Казикермене, но, «видя непреодолимую сиделцов дерзость [...] принуждени з великим встидом во свояси возвратитися» [21. С. 254]. Особенно подробно рассказ о подвигах казаков при осаде Азова. Хронист утверждает, что турки капитулировали, «видя козаков охотено розжено непреодоление и свою крайнюю погибель» [21. С. 248]. В повествование включен и рассказ о наградах Петра I казацкому войску. Царь дал «черни» – 15 тыс. руб., на «знатнейших казаков и сотников» по 15 червонцев и, кроме того, богато одарил наказного гетмана и полковников [21. С. 248–249]. Если ранее в повествовании казацкое войско делилось на «старшину» и «чернь», то теперь четко выделяется связанный со старшиной слой зажиточного казачества. Так, повествование фиксирует размежевание в рядах казацкого сословия.

Особое место занимает большой рассказ «Откуда Палей повстал». В нем речь идет о событиях рубежа XVII–XVIII вв., но при их описании под пером хрониста воскресают образы начальной части «Летописи». Грабянка восхваляет «отважных юнаков, малороссийских» и «запорожских», которые своею «охотою» отравились на Дикое поле сражаться с татарами и освободить христиан. Они живут трудной и суровой жизнью – «аки бы дикие звери криючися по тернах и комишах». «Юнаков» возглавил Палей, который, победив татар, «осел был, яко удельный пан»,

войска распустив «по Полесю даже до Литовской границы». Автор с удовлетворением пишет и о победе Палея над польским войском, которое отправилось в поход «ради отбирания своих маетностей», занятых Палеем. Его карьера прервалась, когда Мазепа арестовал Палея «по намову лядской». Таким образом, отвергая какие-либо посягательства на порядок, установившийся на Левобережье, Грабянка предполагал возможность повторения событий середины XVII в. на Правобережье, где «юнаки» своей «кровью и мужеством» могли создать новую элиту, тем более, что «ляхи» были не в состоянии защитить эти земли от татар, а Палей «чрез [...] мужество и промысл военный» смог это сделать. Сам Палей изображался в тексте, как полководец и политик, который при благоприятных условиях мог бы сыграть роль Хмельницкого [21. С. 238–241].

Этот рассказ показывает, что для Грабянки в западной части Украины общественные отношения все еще находились в процессе становления, где сообщество живущих в степи воинов могло сыграть важную роль.

В заключение следует остановиться на высказываниях Грабянки, содержащих критику поведения правящей элиты. Ведь, если хронист последовательно отстаивал право казачества и его верхушки на особое привилегированное положение в обществе, это не означало, что он одобрял все действия этой верхушки. Выше уже отмечались высказывания хрониста, порицавшего тех, кто, «властолюбия недугом влекомы» выступали против передачи власти после смерти Богдана Хмельницкого его сыну Юрию. Резко порицает он вслед за «Самовидцем» нежинского полковника Васюту (В.Н. Золотаренко), который, желая захватить власть, «клеветал» в Москву на Якима Сомка.

Есть основания полагать, что его отрицательную реакцию вызывали споры в правящей среде, которые приводили к смене гетманов Левобережья. Показателен в этой связи его комментарий к сообщению о низложении в 1672 г. гетмана Демьяна Многогрешного. Если Роман Ракушка, принадлежавший к числу личных врагов гетмана, охотно повторял обвинения его в измене [11. С. 112–113], то комментарий Грабянки совершенно иной. «Сей гетман, – писал он, – Украину всю соединил и смирил [...] и статуты на вольности прежние потвердил [...] за что такову мзду от своих подручных восприял» [21. С. 206]. Гетмана, объединившего Левобережье и сохранившего «вольности», следовало поддерживать, а не обвинять в измене. Имеет значение тот факт, что как глава заговорщиков у Грабянки выступает писарь Карп Мокриевич, а не Иван Самойлович.

Краткая запись об аресте старшиной Самойловича в 1687 г. не сопровождается каким-либо комментарием, но хронист нашел способы довести свое мнение до читателя. Так, уже цитировавшаяся характеристика деяний Самойловича открывалась словами, что гетман стал «царскому величеству верно и радетельно служити» [21. С. 210]. Он отмечал не только заслуги гетмана в установлении порядка, но и его военные способности. Во время боев под Чигирином в 1678 г., как записал хронист, «искусного вожда – запорожского гетмана наставлением [...] не точию безчисленное множество турков побиенно, но и под самим вейзером коней двух убито» [21. С. 229]⁶. В этом ряду заслуживает внимания рассказ о казни сына Самойловича Григория, Грабянка нашел нужным отметить, что он только что одержал победу над татарами [21. С. 235].

При оценке этих высказываний следует учесть, что одной из важных задач, стоявших перед новой украинской элитой, было сохранение «вольностей» – того статуса гетманства, которое гарантировало ей почетное, привилегированное место и власть над населением. Это было важной задачей в отношениях с верховным патроном гетманства – царем.

⁶Текст заимствован у Самовидца, но там слов об «искусном наставлении» гетмана –нет [11. С. 131].

В «Летописи» Грабянки содержится резкая критика действий русских властей, нарушивших в 1666–1667 гг. этот статус. В тексте, который цензура в 1854 г. отказалась печатать, автор писал, что «прежних веков нашему народу российскому того не бывало». Ни литовские, ни польские правители «насилием старейшин своих от себе не насилали людям» [23. С. 298].

Такие высказывания приобретали актуальность, когда Петр после измены Мазепы стал изменять выгодный для украинской элиты статус гетманства. Чтобы как-то противодействовать этим шагам, необходимо было единство действий в рядах старшины. Это, как представляется, и хотел внушить своему читателю Грабянка, осуждая конфликты, которые вели к низложению традиционных руководителей общества – гетманов.

Сопоставление двух источников – «Летописи Самовидца» и «Летописи Грабянки» позволяет проследить путь, пройденный идеологами новой социальной элиты украинского общества при выработке идеологии, которая обосновывала бы ее особый социальный статус. Если во второй половине XVII в. идеолог элиты терзался опасениями за ее судьбу и призывал к объединению перед лицом недовольных низов, то к 30-м годам XVIII в. другой идеолог этой элиты излагает целую систему взглядов, включающую в себя всестороннее (основанное не в последнюю очередь на аргументах «от истории») право казачества на особое положение в украинском обществе и право казацкой верхушки руководить действиями этого казачества. Появление такого обоснования было закономерным в условиях тех успехов, которых достигла казацкая верхушка в деле социального возвышения и подчинения своей власти различных слоев украинского общества. В «Летописи Грабянки» она еще не выступает, как особое сословие, но уже подготовлены определенные предпосылки для притязаний на равноправное положение с элитой соседних европейских обществ.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРИ

1. Яковлева Т. Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок руїни. Київ, 1998.
2. Грушевський М.С. Історія України Руси. Київ, 1993. Т. IV; Київ, 1996. Т. IX; Київ, 1998. Т. X.
3. Яковлева Т. Руїна Гетьманщини. Від Переяславської ради-2 до Андрусівської угоди (1659–1667 рр.). Київ, 2003.
4. Панащенко В.В. Соціальна еліта Гетьманщини (друга половина XVII–XVIII ст.). Київ, 1995.
5. Борисенко В.И. Соціально-економічний розвиток Лівобережної України в другій половині XVII ст. Київ, 1986.
6. Дядиченко В. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. Київ, 1959.
7. Гуржій А.И. Эволюция феодальных отношений на Левобережной Украине в первой половине XVIII в. Киев, 1986.
8. Гуржій О.І., Чухліб Т.В. Гетьманська Україна. Київ, 1999.
9. Модзалевський В. Перший військовий подскарбій (1663–1669) Роман Ракушка Романовський // Записки історико-філологічного відділу Укр. Академії Наук 1919. Київ, 1920–1922. Кн. I–II; Петровський М. До питання про певність відомостей літопису Самовидця й про автора літопису (Романа Ракушку-Романовського) // Записки Ніжинського інституту народної освіти. Ніжин, 1926. Кн. VI.
10. Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010.
11. Літопис Самовидця. Київ, 1971.
12. Ulwicz T. Sarmacja. Studium z problematyki słowiańskiej XV i XVI w. Kraków, 1950.
13. Tazbir J. Świadomość narodowa // Tazbir J. Rzeczpospolita i świat. Wrocław, etc., 1971.
14. Яковенко Н. Паралельний світ. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI– XVII ст. Київ, 2002.
15. Sysyn F. Between Poland and the Ukraine. The Dilemma of Adam Kysil. 1600–1653. Camb. Massachusetts, 1985.
16. Іоаннікій Галятовський. Ключ розуміння. Київ, 1985.
17. Пилип Орлик. Конституція, маніфести та літературна спадщина. Київ, 2006.
18. Дневник генерального подскарбія Якова Марковича (1717–1767 гг.) / Под ред. Ал. Лазаревского. Киев, 1983. Ч. I (1717–1725 гг.).

19. *Апанович Е.* Рукописная светская книга XVIII в. на Украине. Киев, 1983.
20. *Бовгиря А.М.* «Літопис Грабянки»: питання першооснови // Український історичний журнал. 2003. № 4.
21. *Летопись Грабянки.* Киев, 1854.
22. *Максимович М.А.* Известие о летописи Григория Грабянки, изданной 1854 года Киевской Временною Комиссией // *Максимович М.А.* Собрание сочинений. Киев, 1876. Т. I.
23. *А.Л.* Опушенная в печати страница из летописи Грабянки // Киевская старина. 1894 г. Т. 47. № 11.
24. *Русский биографический словарь.* М., 1997. Т. Гоголь – Гюне. С. 387–389; *Модзалевский В.Л.* Малороссийский родословник. Киев, 1908. Т. I. С. 328–329.



© 2014 г. К.А. КОЧЕГАРОВ

СВИДЕТЕЛЬСТВА ПОЛЬСКИХ ДИПЛОМАТОВ О РОССИИ В 80-е ГОДЫ XVII ВЕКА: ПОСОЛЬСКИЙ ОБЫЧАЙ, ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА, БЫТОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ

В статье суммируются наблюдения посещавших Россию в 80-е годы XVII в. польских дипломатов, касающиеся внутривнутриполитических событий, посольского церемониала, удивлявших их особенностях повседневной жизни русского народа. Источниками служат в основном официальные и неофициальные реляции польских дипломатов, многие из которых ранее не публиковались.

The article summarises observations made by the Polish diplomats, who visited Russia in the 1680s and commented on the inner-political events, diplomatic ceremonial, peculiar features of morals and manners of Russians. The sources used are mainly official and inofficial reports of the Polish diplomats, some of these documents have never been published.

Ключевые слова: Россия, Речь Посполитая, посольский церемониал, история дипломатии.

Рассматривая внешнюю политику России 80-х годов XVII в., нельзя обойти вниманием русско-польские отношения. С Речью Посполитой была связана не только политика правительства Софьи и канцлера В.В. Голицына, направленная на заключение Вечного мира, но и курс на вступление в антиосманскую коалицию европейских держав (подробнее см. [1]). Однако в данной статье мне бы хотелось затронуть те аспекты визитов в Москву дипломатов Речи Посполитой в указанный период, которые выходили за рамки русско-польских политических взаимоотношений. В отличие от давно введенных историками в оборот свидетельств о России 80-х годов XVII в. голландских, датских, чешских, французских и других дипломатов и путешественников, польские источники – реляции польских дипломатов о переговорах в России, корреспонденция польских послов из Москвы – остаются мало востребованными исследователями в силу труднодоступности.

Касательно 1680-х годов известны несколько подобных источников – это официальные реляции посольства Константина Томицкого («Relacyja poselstwa wielkiego od całej Rzeczypospolitej za szczęśliwego panowania króla Jmści Jana Trzeciego do Cara Jemści Moskiewskiego przez jaśnie wielmożnego Jmści Pana Konstantego z Tomic Tomickiego kasztelana ziemie wielunskiej odprawującego się na stolicę moskiewskiej o koniunkcję armorum przeciw Turkom») [2. S. 243–250] и Кшиштофа Гжимултовского («Zdanie sprawy przed królem Janem III z poselstwa do Moskwy, zaczętego w roku 1685, a skończonego dnia trzeciego maja 1686 prez Krzysztofa Grzymułtowskiego, wojewodę poznańskiego») [3], дневник неизвестного

Кочегаров Кирилл Александрович – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН.

члена польско-литовского посольства в Россию 1686 г. («Wjazd jaśnie wielmożnych: Krzysztofa Grzmułowskiego, wojewody poznańskiego [...]; Marciana Aleksandra z Kozielska Ogińskiego kanclerza w. ks. lit. [...]; Aleksandra Przyjemskiego, podstolego koronnego [...]; Jana na Potoku Potockiego kasztelanica kamienieckiego [...] posłów pełnomocnych [...] do Jana Aleksiejewicza i Piotra Aleksiejewicza [...] carów rosyjskich, roku 1686, d. 19 lutego») [3], отчет о миссии польского гонца Станислава Бентковского [4. Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1712. S. 1–4] и др. Все они содержат интересные сведения о русском посольском церемониале, повседневной и политической жизни Московской Руси. Вместе с тем, информация, приводимая ниже, в ряде случаев не носит уникального характера, а некоторые данные, несомненно, требуют верификации на основе других источников (как русских, так и иностранных). В целом данная статья преследует цель скорее представить содержание неизвестных или малоизвестных современным российским исследователям источников, нежели делать какие-то обобщения в сфере избранной тематики.

Церемониал приема в России иностранных посольств имеет обширную отечественную источниковую базу. Книги и столбцы фондов Российского государственного архива древних актов, посвященные сношениям с соответствующими странами, содержат огромное количество документов, посвященных подготовке к встрече на границе и на подъезде к столице, к торжественной аудиенции иностранных дипломатов (организация церемоний встречи, торжественного эскорта, различных эффектов, в том числе «многолюдства» на улицах городов, через которые проезжали послы¹, подготовка Посольского двора или других мест постоя и т.д.). Однако весь этот материал, даже учитывая его относительную единообразность, до сих пор едва ли введен в научный оборот в той степени, которая бы обеспечила необходимую репрезентативность в исследовании проблематики эволюции русского посольского церемониала XVI–XVII вв. (задача эта, впрочем, тесно связана с проблемой публикации посольских книг). В связи с этим, думается, описания иностранных дипломатов, в силу своей «компактности» как источника, имеют большое значение для изучения истории русского посольского обычая.

Велюньский каштелян Константин Томицкий побывал в России в августе – сентябре 1680 г. Его посольство было не самым важным этапом в напряженных и интенсивных дипломатических контактах России и Речи Посполитой в конце 1670-х – начале 1680-х годов. Однако в отчете о его миссии содержится немало интересных наблюдений.

Церемония встречи произвела на Томицкого, никогда не бывавшего в России, впечатление. Он преувеличенно отмечал, что ни одного посла еще так не принимали как его. 1 сентября н.ст. 1680 г. на расстоянии более 20 миль от русской столицы польского посла встретил присланный руководителем посольских дел – думным дьяком Ларионом Ивановым – подьячий Никита Алексеев, по свидетельству реляции – человек расторопный и в «путешествиях славный». В последнем случае ввиду имелись, несомненно, его дипломатические миссии в Речь Посполитую и Персию (об Алексееве см. [6. С. 18; 7. С. 183]). Подьячий попросил посла задержаться на три дня в дороге, пока в Москве не закончится некий «праздник». Возможно речь шла о праздновании в честь Донской иконы Божией матери, которое совершалось 19 августа по ст. ст. Томицкого препроводили в Одинцово (в документе – *Odziszew*) – бывшее имение боярина А.С. Матвеева, конфискованное на имя царя, куда ему были прислано со стряпчими царское жалованье – рыбные блюда, напитки и другие яства. На следующий день уже с утра у дво-

¹ Так, в 1685 г., по городам, через которые предстояло следовать польско-литовскому посольству, был разослан царский указ воеводам создать впечатление «многолюдства» на улицах [5. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 113–115].

ра польского посланника показались встречавшие его многочисленные группы московской знати, гарцевавшие перед посольской резиденцией до полудня, когда пристав получил приказ двигаться к столице. По пути к Москве посол наблюдал «добрые» московские хоругви со знаменами (насчитав их 24), помимо конных групп знати и двух хоругвей «военных стольников», каждая из которых имела особой масти коней, форму и вооружение. Среди встречавших польского посла при въезде в город войск особенно выделялись «царские конюхи», которые были вооружены по образцу польских гусар – «в кирасах и с крыльями на конях восседали», держа в руках копыя, похожие на польские джиды (копыя средней длины, короче гусарских), только прапорцы на них были значительно длиннее, нежели чем это было принято в Польше. Речь идет о так называемой крылатой сотне, состоявшей из царских конюхов и сокольников, которые подобным образом принимали участие во встречах иностранных посольств². О ней упоминает также чешский путешественник Бернард Таннер, прибывший в Россию в свите посольства Речи Посполитой в 1679 г. «Казалось, что это войско – отряд ангелов, – писал Таннер. – Тот, кто бы не восхитился этим изысканным видом, в равной степени не заметил бы и прекрасный цветущий сад с красивейшими разноцветными цветами» [8. S. 164]³. В русских источниках есть свидетельства об участии «крылатой сотни» в церемониях встречи шведских [5. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 327–327об.] и польских [10. С. 154] послов соответственно в 1684 и 1686 гг. При этом, когда, например шведы спросили «бывают ли в войне» крылатые всадники, им отвечали, что «те люди служилые и [...] в войне бывают в таком же строю крылатом». Шведы якобы сказали: «Знато, что будучи в войне те крылатые люди неприятелю страшны, потому что на таких добрых лошадях власно яко пернатые неприятеля вспирати и гнати могут, потому что те крыла в той брани неприятелю страх; подобием летающих птиц в поле покажутца» [5. Ф. 96. Оп. 1. Д. 116. Л. 327–327об.].

Стрелецкие отряды, встречавшие посольскую кавалькаду, были одеты в «кирпичного» цвета кафтаны, отороченные белым мехом. Отметил автор реляции и хоругвь черкас, одетых в зеленые цвета и в «полированных шишаках», конные отряды похожие на польские «панцерные» (легкая кавалерия, имеющая защитное вооружение) и «пятигорские» (легкая кавалерия с длинными копиями без защитного вооружения) хоругви⁴, а также рейтар, которых было более всего. На самом подъезде к городу посла встретила царская карета, которую окружала большая «свита» «стольников», одетых «нарядно и богато», восседавших на отличных конях. В карете послов сопровождали два пристава – стольник Семен Алмазов (для посла) и дьяк Василий Постников (для секретаря посольства Е.Д. Довмонта, будущего резидента в России). Возле кареты ехали два богато одетых «полковника» на прекрасных, роскошно убранных турецких скакунах, надзираая за порядком движения кавалькады. Перед въездом процессии в городские ворота вперед было выслано более десятка всадников, чтобы сдерживать и оттеснять толпы людей, заполонивших улицы.

По свидетельству реляции посольства Томицкого делалось это в том числе и для того, чтобы за въездом польско-литовских дипломатов в Москву мог «инкогнито» наблюдать сам царь, который располагался в специальном помещении недавно перестроенных Воскресенских воротах Китай-города (о перестройке ворот см. [11. С. 528]) вместе с супругой – царицей Агафьей Семеновной (в девичестве

² За консультацию в данном вопросе приношу благодарность А.В. Малову.

³ Публикация, выполненная А. Стройным, представляет собой факсимильное воспроизведение латинского издания 1689 г. и его перевод на современный польский язык, к которому приложена гравюра с изображением «крылатой сотни». На факт присутствия при въезде польско-литовского посольства «крылатой сотни» обратил внимание польский историк Иероним Граля [9. S. 71].

⁴ Приношу благодарность доктору К. Коссажецкому, любезно проконсультировавшему меня по отдельным вопросам польской военной истории.

Грушецкой)⁵. Чтобы царственная чета могла хорошо разглядеть членов польского посольства, русским всадникам было запрещено смешиваться с ними, а карету, в которой сидели Томицкий и Довмонт, было приказано ненадолго задержать на въезде. Посольство Речи Посполитой встречали военной музыкой, которая, однако, по мнению автора реляции, была безыскусной и невыразительной⁶, тогда как игру приехавших с посольством польских трубачей «московиты» оценили очень высоко и «слушали их без устали». По городу посольство проследовало на Посольский двор, где его уже ожидал царский стол.

В реляции польского дипломата также сообщается, что царица Агафья была во время русско-польской войны взята в плен под Полонкой (скорее всего, имеется в виду село в Белоруссии, где в 1660 г. произошла известная битва между русскими и польско-литовскими войсками) и вместе с родителями вывезена в Россию. Отец ее умер несколько лет назад, и Агафью взял на воспитание ее родственник («дядя») – боярин С.И. Заборовский, который и организовал ее свадьбу с царем [2. S. 243–244] (о царице Агафье Семеновне см. [11. С. 350 и след.]).

6 сентября⁷ состоялась торжественная аудиенция польского посольства, на которую посол и секретарь ехали в карете в сопровождении кавалькады нескольких десятков всадников на богато убранных конях. На пути польско-литовских дипломатов располагались отряды пехоты (Томицкий и Довмонт насчитали их 30, а численность оценили в 10 тыс. чел.) с мушкетами (в реляции отмечено, что они напоминали «янычарки» – так в Польше называли длинноствольные ружья, которые использовали турки), одетые в различные цвета.

На торжественной аудиенции царь Федор Алексеевич был со скипетром и в короне. С правой стороны от трона располагался «убеленный сединами Сенат» – бояре и думные дьяки. После произнесенной Томицким речи он и Довмонт были пожалованы к царской руке, которую во время целования держал боярин князь Василий Федорович Одоевский. Затем послам был дан торжественный обед на Посольском дворе. В роли распорядителя выступал стольник князь Юрий Данилович Велико-Гагин (см. о нем [11. С. 234]) – «человек, богатствами, честью и лаской царской знаменитый». Напитки: достаточно популярная в России «романия» (польско-литовские дипломаты называли ее «petersyment» – испанское вино, разновидность малаги), рейнское, «испанское», «алькант» (также сорт испанского вина), «красное» и другие вина, меды малиновые и вишневые, а также пиво, водку и квас подносили в золотых кубках и в первую очередь – послам. Пили здоровье польского короля и королевы, царя и царицы, королевичей и царевен. На пиру вновь преобладали рыбные блюда, так как банкет пришелся на пятницу – постный день. К столу подавалась осетровая и белужья икра, белужьи языки, осетры, паштеты с рисом, моченые яблоки, груши, вишни и другие блюда. Особенно польско-литовских дипломатов заинтересовала стерлядь – рыба по их описанию похожая на осетра, но с особым вкусом, которая очень ценилась в России. В реляции также отмечено, что все блюда были «не перчеными и не солеными».

7 сентября Томицкий и Довмонт вновь предстали перед государевыми очами. Все было так же, как и в первый раз, только теперь царь сидел на троне в «тройственной короне» (скорее всего, таким образом описан трехъярусный венец царя Федора, использовавшийся во время его венчания на царство [13. С. 425–426]) и не с жезлом, а с посохом, украшенным драгоценными камнями. Поблагодарив

⁵ О традиции наблюдения царей за въездами посольств с Воскресенских ворот см. [12. С. 151–158]. Автор констатирует, что цари ходили наблюдать только за въездами в Москву «великих слов» и без сопровождения семьи, однако это свидетельство противоречит данному.

⁶ Б. Таннер также отмечал, что в музыке московитов трудно найти хоть какую-то гармонию [8. S. 167].

⁷ Здесь и далее даты приводятся по новому стилю, если иное не оговорено особо.

за «царский стол», польско-литовские дипломаты прошли в ответную палату для переговоров с русской делегацией [2. S. 244–248].

Томицкому и Довмонтю посчастливилось наблюдать празднование наступления нового года, начинавшегося по русскому календарю 1 сентября⁸. Приставы проводили их на специально приготовленное «место на крыльце» (возможно, имеется в виду паперть Архангельского собора, откуда праздничное действо обычно наблюдали иностранные послы [14. С. 382]). С этого места открывался хороший обзор для наблюдения за происходившей на Соборной площади церемонией. Автор реляции подробно описывает необычное для него зрелище. Место, где все происходило – такой же ширины как площадь Варшавского замка – было устлано шелковыми коврами и со всех сторон окружено специальными решетками. Чтобы не дать толпе напирать на решетки, вдоль них стояли стрельцы в красных кафтанах с золотыми «палицами». Народу, по свидетельству польского наблюдателя, было «не счастье», люди заполнили не только площадь, но забирались на ближайшие чердаки и водостоки.

Следует отметить, что описывавший праздник польский автор не был лишен иронии в отношении незнакомых ему обычаев. Приготовленные для царя и патриарха на площади «места» напомнили ему погребальные катаfalки. На покрытом золотыми коврами царском «месте», которое особенно поразило польского автора богатством отделки, располагался по его выражению «складной стульчик», с лежавшей на нем подушкой. Патриаршее «место» было покрыто материей вишневого цвета. Такого же цвета был и «стульчик», предназначенный для главы Русской церкви. Вскоре на площади появился царь Федор в окружении бояр, в наряде, украшенном жемчугом и в бармах (автор реляции описал их как некое подобие воротника), украшенных драгоценными камнями, а также в «короне» с единственным остроконечным верхом (так причудливо описана шапка Мономаха или другой царский венец, сделанный по ее подобию). Одновременно навстречу царю вышел патриарх Иоаким «в большой округлой короне» (т.е. митре), окруженный «владыками» – архиепископами, епископами, митрополитами (патриарх выходил из западных ворот Успенского собора). Перед ним несли два креста – золотой и хрустальный, а также хоругвь. Сопровождавшие патриарха владыки были в «богатых ризах». Дипломат Речи Посполитой отметил, что патриарший посох по форме напоминал костьль (видимо из-за характерного навершия), а сам патриарх – «очень старый человек» был похож на сандомирского воеводу Яна Тарло (был им в 1667–1679 гг. [15. S. 125]). Встретившись в центре Соборной площади, патриарх и царь поприветствовали друг друга, при этом Федор Алексеевич поцеловал предложенный ему предстоятелем Русской церкви крест, после чего оба уселись на свои «места». В тот же момент раздался колокольный звон и церковные песнопения, исполнявшиеся хором «молодых юношей». Затем Иоаким и Федор Алексеевич поцеловали Евангелие, патриарх с кадилом обошел царское место и повернулся к монарху. Тот сошел со своего «места», поклонился и получил патриаршее благословение. Иоаким произнес длинную речь («здравицу царю»), читая ее по бумаге, тогда как царь ответил ему коротко «по памяти».

Патриарх Иоаким окропил окружающих святой водой, после чего к царскому «месту» приблизились около 40 бояр в «богатых ферязях», поздравляя государя с праздником и кланяясь до самой земли. Затем они подошли на благословение к патриарху. Под конец церемонии царь и патриарх поцеловались, и каждый пошел в свою сторону. Где-то в это время к польско-литовским дипломатам подошел

⁸ Сам праздник во всех подробностях описан еще И.Е. Забелиным [14. С. 380–383] и польская реляция вносит тут немного нового. В то же время несомненный интерес представляет восприятие этого события польским дипломатом.

Ларион Иванов, спросив их от государственного имени «о здоровье». Они поблагодарили, передав для царя свои поздравления с Новым годом.

Автора реляции удивило то, что никто не заботился о сохранности драгоценных убранств площади, которые намокли от дождя, то усиливавшегося, то затихавшего.

Польско-литовские дипломаты также обратили внимание на то, что за церемонией через окно наблюдали царица Агафья и вдовствующая, «еще не старая» царица Наталья Кирилловна – обе со своим окружением [2. S. 248–250].

Описывая царя, автор реляции отмечал, что у него только начали пробиваться усы, сам он «чернявой» внешности и очень похож на витовского аббата [2. S. 249] – Ежи Альбрехта Денгофа (1640–1702), будущего краковского епископа и коронного канцлера [16. S. 113–114; 17. S. 57].

Стоит отметить, что для реляции Томицкого особенно характерно описание тех или иных событий и людей с использованием образов и символов, доступных восприятию польского «читателя». Так, православных владык польский автор описывает, используя термины, обозначающие те или иные предметы убранства католического епископа, хорошо знакомые жителям Речи Посполитой.

Польский посланник Станислав Невестинский, несмотря на скромный дипломатический ранг, прибыл в Москву в декабре 1681 г. с важной миссией заключения антиосманского союза. В польских архивах пока не найдено официальной реляции данной миссии (если она вообще сохранилась), однако описание приема в русской столице содержится в его письмах польскому королю Яну III Собескому и коронному канцлеру Яну Велёпольскому. С. Невестинский сетовал, что его намеренно задерживали в пути от Смоленска до Москвы. «Как только я въехал в здешние ворота, – образно жаловался посланник, – уже не спешил, так как мне хотелось, или как диктовала необходимость». Ночлеги устраивались каждые три–четыре мили и в результате путь от Смоленска до Москвы занял две с половиной недели. В столицу Невестинский въехал на санях, запряженных одним конем, сопровождаемый приставом и кавалькадой из полторасот всадников. На следующий день, 9 декабря польский посланник получил аудиенцию у царя Федора Алексеевича. Царь, по свидетельству Невестинского, был «целиком в польском платье»: в аксамитном кунтуше, отороченном соболями, и шапке на польский манер, отделанной мехом черно-бурой лисы (о распространении при царском дворе польской моды при царе Федоре см. [11. С. 516–519]). Федор Алексеевич сидел на троне, держа «огромный» посох, а вокруг расположилась «небольшая свита избранных бояр». В тот же день посланнику прислали на двор «банкет» или царский стол. По приезде в Москву Невестинскому на несколько дней пришлось остановиться «в пустом доме господина Артемона» – палатах, где ранее жил сосланный боярин А.С. Матвеев [4. Archiwum Publiczne Potockich. Rekoris 47. T. 1. S. 68–72, 93–95, 88]⁹.

Выдержки из реляции еще одного польского посланника – С. Бентковского в довольно вольном пересказе на украинский язык опубликовал украинский историк Ю.А. Мыщык [18. С. 13–14]. Некоторые фрагменты исследователь привел с неточностями и ошибками. Так, в реляции сообщается, что Бентковский был поселен в доме, где ранее останавливался посещавший Москву «великий посол», коронный подканцер. Ввиду, несомненно, имелся опытный польский дипломат Ян Гнинский (см. его биографию [19. S. 149–151]). Однако Ю.А. Мыщык видимо, понял это так, как будто в реляции и описывается приезд «великого посла», и на этой основе сделал совершенно ошибочный вывод, что этим послом являлся варминский епископ Августин Михал Радзеёвский [18. С. 12–13], который в России

⁹ Палаты А.С. Матвеева, располагавшиеся на Покровке, были переданы в ведение Посольского приказа ок. 1677 г. [11. С. 266. Примечание 378].

никогда не был (см. его подробную биографию [20. С. 66–76])¹⁰. Или, например, окольный Кирилл Хлопов – посол в Османскую империю, под пером украинского историка превратился в «хлопца» [18. С. 14].

Польский гонец Станислав Бентковский прибыл в Москву в воскресенье 21 февраля 1683 г., накануне масленичной недели (подробней о его миссии см. [1. Глава 2])¹¹. У самого въезда в Москву, недалеко от Москвы-реки он наблюдал «потешный деревянный двор», сооруженный видимо для царя Петра, и как представлялось гонцу, с большими затратами.

Проезжая по Москве польский гонец обратил внимание на роскошный «дворец» Долгоруких и недавно отремонтированные Никольские ворота и башню Кремля. Он был поселен в каменном доме некоего «Николая-немца» на Покровке¹², где также располагались приехавшие в Москву украинские казаки и монахи. Руководство Посольского приказа стремилось воспрепятствовать контактам польских дипломатов и представителей Украины, и вскоре последние были переведены на другой двор. На следующий день Бентковскому принесли царское угощение (романию или «petersyment», рыбу и пироги) – сначала от царя Ивана, а потом отдельно – от Петра. В тот же день гонец имел торжественную аудиенцию в Кремле. Польскую свиту из 20 человек сопровождали 30 конохов и пристав. Улицы, по которым проезжала кавалькада, были запружены народом, «интересующимся, не с войной ли приехал гонец». Перед царским дворцом Бентковского встречали четыре «хоругви» стрельцов. На крыльце выстроилось около сотни стреленных стрельцов в красном платье с мушкетами, перед сенями толпились дворяне и стольники. Цари приняли гонца в Ответной палате («не там, где принимают великих послов», – отмечено в реляции). Перед Бентковским предстали оба царя – справа Иван, слева – Петр, оба в красных платьях и шапках на польский манер, сидели на троне, держа в руках длинные посохи. В реляции отмечено, что над тронном обоим монархов вместо балдахинов возвышались два орла с распростертыми крыльями. С обеих сторон расположились на длинных лавках бояре, из которых поляк особенно выделил сидевшего дальше всех от него, справа от царя Ивана, боярина, князя Никиту Ивановича Одоевского, его сына Якова, расположившегося возле Петра, а также дядек Ивана – Петра Ивановича Прозоровского и Бориса Гавриловича Юшкова. Присутствовал и дядька Петра – Родион Матвеевич Стрешнев. Посольство принимал Василий Васильевич Голицын, приветствовал посла – думный дьяк Емельян Игнатович Украинцев. Польско-литовских дипломатов задело то, что «каждый как из бояр, так и из дворян, которых собралось множество, имел на боку саблю, только нам не позволили по установившемуся обычаю».

В пятницу, 26 февраля С. Бентковский вместе с дворянами его посольства был приглашен на банкет во дворец В.В. Голицына. Хозяин лично встретил гостей и повел в покои, где уже находились его ближайшие приближенные – Е.И. Украинцев, окольный В.А. Змеев и некий Федор Прокопович. Завязался разговор, в ходе которого Голицын интересовался политическими новостями из Польши (и в частности расспрашивал польско-литовских дипломатов об открывшемся сейме), а вскоре попросил гостей в столовую. В реляции польского дипломата сообщает-

¹⁰ Ю.А. Мыщык называет его коронным канцлером [18. С. 12], хотя М. Радзеёвский никогда не занимал этот пост. В 1685–1689 гг. он был коронным подканцлером (занял должность после смерти Я. Гнинского), а с 1687 г. – гнезненским архиепископом и примасом Польши.

¹¹ Здесь же приводится ряд свидетельств польского дипломата о политических событиях в России в 1682–1683 гг., поэтому мы, за некоторым исключением, их повторять не будем.

¹² Строение это в 1680-е годы неоднократно использовалось Посольским приказом для размещения прибывавших в Москву иностранных дипломатов и других важных лиц. В 1684 г. на «Давыдовском дворе Николаева, что на Покровке, в двух палатах», где ранее располагался шведский посол, было указано стоять прибывшим в столицу грузинским царевичам Александру и Матвею [21. Ч. 1. С. 292, 317, 330, 366], а в 1685 г. – их отцу, царю Арчилу [21. Ч. 2. С. 38].

ся, что стол, несмотря на пятницу – постный день, был роскошный (что вполне могло объясняться продолжавшейся масленицей), включал и скоромные блюда (одних только сыров Бентковский насчитал 60 видов), а также фрукты и сладости (*confecta*). Во время ужина В.В. Голицын пил за здоровье царей и польского короля, коронных и литовских сенаторов, называя последних своими братьями, вспоминал о своем родстве с князьями Корецкими.

Приехавший в Москву польский гонец застал празднование русской масленицы. В реляции подчеркивается его размах, а также то, что в это время осуществлялись казни приговоренных к смерти преступников (так нужно, видимо, понимать выражение о «зарезанных мучениках») ¹³. Под предлогом наступавшего поста, Бентковскому назначили прощальную аудиенцию на 28 февраля, заявляя, что цари в пост не принимают никаких послов.

В реляции С. Бентковского сообщается немало интересных подробностей о продолжавшихся стрельецких волнениях в Москве и мерах правительства по их успокоению. Эта информация почти дословно повторяет сведения, изложенные в «Дневнике зверского избиения московских бояр...», который использовал в исследовании В.И. Буганов и который ранее считался анонимным [22. С. 347] (об авторстве «Дневника...» см. [1. С. 105]).

Много «своевольных», согласно реляции, находилось в стрельецком полку Ильи Дурова, присланном в Смоленск. Не успев вступить в город, они тут же зарезали старшего слугу местного митрополита. Поэтому полк Дурова не пустили в город, поставив на посаде, откуда множество стрельцов ударились в бег, направившись обратно в Москву. По слухам, в Смоленск русское правительство планировало выслать еще пять приказов под предлогом наступавших русско-польских переговоров в пограничной деревне Андрусово.

Автор реляции сообщает также о встрече со своим давним знакомым – графом Давидом Виланом (*Dawid Wilan*) ¹⁴ – иностранцем на русской службе, который получил назначение командовать в Смоленске гвардией в звании генерала. Вилан, по словам поляка – красивый молодой человек, католик, оставивший некогда службу у императора, бросивший жену и затем уехавший в Речь Посполитую, где поступил на службу к литовскому кравчому Леону Сапеге. Дипломат Речи Посполитой навестил Вилана в Кукуе (Немецкой слободе), и тот говорил ему, что жалеет о своем приезде в Россию и не желает отправляться служить на русско-литовское пограничье. Кроме того, в реляции отмечено, что католическую мессу, которую служил находившийся в его свите ксендз, посещало множество немцев-католиков из Немецкой слободы [4. *Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1712. S. 1–4*].

К реляции был приложен рисунок кометы, которую автор видел днем в Москве и которая «нагнала на московитов страха» [4. *Archiwum Radziwiłłów. Dział 2. Rękopis 1712. S. 4*] ¹⁵.

В обобщающей литературе, посвященной русскому посольскому обычаю, церемониал посольских съездов на границе описан пока еще достаточно скупо и в основном на материале второй половины XVI – первой половины XVII вв. [23. С. 70–74], между тем в дипломатических отношениях России с Речью Посполитой во второй половине XVII столетия они играли важную роль.

¹³ «Tej maślnej niedzeli Moskwa bez przestanku dzień i noc dla proszczenia i picia wozila się, było też niemało i męczenników rzniętych» («В эту масленичную неделю московиты без конца ездили [к друг другу в гости] чтобы попросить прощения и помянствовать, немало также и приговоренных к смерти было казнено»). Ю.А. Мыщык перевел это предложение довольно курьезным образом: «Ціей масляної неділі московіти безнастанно пили день і ніч для прощення (?), було також багато і пива» [18. С. 13].

¹⁴ У Ю.А. Мыщыка он почему-то назван греком [18. С. 13].

¹⁵ Рисунок, упоминаемый в реляции, в деле отсутствует.

В январе 1684 г. на русско-литовской границе – в селе Андрусово начались переговоры о заключении между Россией и Польшей Вечного мира и союза против Османской империи. Сохранился польский источник, описывающий торжественное прибытие русских дипломатов на первый съезд послов двух стран 17 января н. ст. («Zjazd pierwszy ichmmp. komisarzów w Andruszowie d. 17 januarii a(nn)o 1684 odprawiony») [4. Archiwum Zamojskich. Rękopis 3031. К. 136–137].

Когда польские комиссары приехали к съезжей избе, где должны были проходить переговоры, они увидели стоявшую стройными рядами русскую пехоту (ок. 300 чел.), как отмечалось «очень хорошую» – одетую в собольи шлыки, в двцветные кафтаны (яркокрасного и бледнорозового цветов) из добротного сукна с длинными петлицами, выполненными в виде серебряных позументов. Командовал стрельцами «вежливый и хорошо одетый москаль» – полковник Илья Дуров, извинявшийся перед польско-литовскими дипломатами за опоздание их российских коллег (предлогом было прибытие из Москвы срочной почты) [4. Archiwum Zamojskich. Rękopis 3031. К. 136]. В данном случае русская сторона использовала известную в дипломатии уловку – польские и литовские дипломаты должны были ожидать русских комиссаров на съезде месте, что для последних считалось «честнее» и престижней [23. С. 74].

Коротая время, поляки и литвины принялись разглядывать стрельцов, которые, кроме отличной формы имели и «неплохое» оружие – бердыши и пики, удивившие анонимного автора данного описания тем, что имели наконечники длиннее обычных в его понимании. Во время ожидания прибытия русской делегации не обошлось без конфуза – один из стрельцов оказался пьян. Его немедленно вывели из строя и высекли батогами. Наконец, более чем через час после прибытия поляков и литовцев показался отряд рейтар (на «не очень хороших» лошадях) возглавлявший кавалькаду русских послов. Находившиеся среди стрельцов музыканты немедленно ударили в тлумбасы, поляки и литовцы услышали «набожные религиозные» мелодии, исполнявшиеся на сиповках, а над отрядами русской пехоты была развернута «большая царская хоругвь».

Русская посольская кавалькада двигалась под звуки литавр и труб. Сами послы ехали в отдельных каретах один за другим, причем каждый имел собственный флажок («znaczek»), небольшой оркестр из трубачей и литаврщиков, свиту из слуг и челяди, перед каждым конюхи вели богато убранных коней, экипированных «по-гусарски», «по-казацки» и даже на восточный манер – «по-калмыцки». Первым двигался И.А. Желябужский. У следовавшего за ним И.И. Чадаева седла коней, убранных «по-гусарски», были покрыты тигровыми шкурами, а у другого посла – М.Г. Ромодановского – шкурами леопарда. Лошади литаврщиков свиты следующего посла – И.В. Бутурлина, имели пестрые попоны до самой земли. Самая богатая кавалькада была у ехавшего последним из послов князя Я.Н. Одоевского – главы русской посольской делегации. «Под конец ехал хорошо одетый конюший с буздыганом, конь которого имел богато украшенный чепрак, большие серебряные вожжи, сделанные в виде цепи со колокольчиками, за ним несли флажок и прямо перед ним литаврщик бил в серебряные литавры, конь его был покрыт богатой серебряной материей, [далее ехали] более десятка трубачей в светлорозовых кафтанах. [Затем] вели семь упряжных лошадей князя Одоевского, из них четыре были убраны по-гусарски, с леопардами, три же шли под богато украшенными польскими седлами, позванивая серебряными плоско кованными поводьями». За послами следовала полуторасотенная конная кавалькада дворян русского посольства, среди которых были и сыновья некоторых великих послов, а также сани. В первых, запряженных парой лошадей, ехал дьяк Василий Постников, во вторых, золоченых, покрытых цветастой персидской тканью, запряженных шестью гнедыми лошадьми – дьяк Иван Горохов вместе с еще одним Желябужским (вероятно, сыном посла). Видимо из-за того, что он пересел к И. Горохову,

следующие сани шли пустыми (в документе об их пассажире ничего не говорится). Они были запряжены шестью сивыми в яблоках конями, в гривах которых развивались ленты. Возницы последних саней были одеты в красные кафтаны, подбитые лисьим мехом. Замыкали процессию двое спальников.

Сохранилось описание и палаты («съезжей светлицы») в деревне Андрусово, в которой должны были проходить переговоры и проходили неоднократно ранее, начиная с 1667 г. Каждая из сторон обивала материей свою половину палаты. «Русская» часть была обита красивой разноцветной материей (которая по замечанию польского автора обычно шла на изготовление шатров), «польская» – парчой, специально привезенной по заказу одного из комиссаров – троцкого воеводы Марциана Огинского из Риги, при этом потолок – материалом, расписанным сюжетами из жизни библейского царя Давида. Стол был покрыт золотыми коврами. На столе стояли часы и небольшая серебряная чернильница, вокруг стола – шесть обитых аксамитом стульев [4. Archiwum Zamojskich. Rękopis 3031. К. 136–137].

Стоит отметить, что составитель описания съезда в Андрусове, подобно автору реляции посольства К. Томицкого, свидетельствовал, что немецкий марш, который играли сопровождавшие польско-литовскую делегацию два немецких трубача, а также игра шести польских военных музыкантов на корнетах, «файфрах» (пол. «fajfra», разновидность старинного духового инструмента) и на «шторте» (пол. «sztort», прототип современного фагота) вызывали особенно восхищение «москвитов», поскольку такая музыка была, по мнению польского автора, совершенно неизвестна на Руси [4. Archiwum Zamojskich. Rękopis 3031. К. 136].

Глава великого посольства, прибывший в Москву в 1686 г. – познанский воевода К. Гжимултовский отмечал, что польско-литовское посольство было встречено в русской столице со «всеми почестями какими только возможно». По его сведениям, это вызвало недоумение находившихся в Москве шведского дипломата и голландского резидента. Представитель Швеции был недоволен, что посольству из Речи Посполитой была оказана большая честь в сравнении с остальными послами и в частности с прибывшим в 1684 г. в Москву шведским посольством [3. S. 5]. Русские источники подтверждают, что к приему польско-литовских дипломатов в Москве готовились с особой тщательностью и впоследствии в ходе переговоров дипломатам Речи Посполитой постоянно напоминали, что посольству оказана «небывалая честь» [5. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223; 5. Ф. 79. Оп. 1. Д. 224. Л. 352, 407 об.].

Как сообщает польский «Diariusz drogi z granic WKsL. do stolicy moskiewskiej a(nn)o 1686 ichmppr posłów», утром 19 февраля на «подхожий стан» к послам прибыли двое стольников от царей. Они объявили о предстоящем торжественном въезде, но предупредили, что необходимо подождать, пока соберутся и построятся предназначенные для встречи послов люди [24. К. 3]. За этим общим заявлением русских представителей крылось стремление русской стороны создать у польско-литовских дипломатов впечатление многолюдства Москвы и мощи ее армии. Позднее, когда посольство двигалось с подхожего стана на «встречное место», послы Речи Посполитой интересовались у сопровождавших их подьячих, почему они двигаются «мешкотно» и часто останавливаются. В ответ они слышали, причиной этому то, что царские ратные люди идут из города «в поле», а другие наоборот – в город, и «от того многолюдства проезд впереди зело труден» [10. С. 155].

Во главе посольской процессии шел «караван» возов и телег с имуществом послов, за ним эскорт польско-литовского посольства из хоругви рейтар и конных отрядов помельче (челяди дипломатов Речи Посполитой, драбантов и т.д.) в сопровождении оркестра. Затем следовали сани (покрытые «прекрасными персидским коврами» и красным аксамитом с золотой бахромой) и две роскошных кареты, принадлежавшие литовскому канцлеру М. Огинскому (одна предназначалась в

подарок царевне Софье), а слуги, их сопровождавшие, были одеты на восточный манер, подобно турецким янычарам. Вслед за каретами вели скакунов дипломатов Речи Посполитой. Они также главным образом предназначались русским царям и вельможам в качестве подарков. Далее ехала карета с послами (все они разместились в карете познанского воеводы). Замыкали процессию ок. 150 чел. польских и литовских дворян посольства.

На подъезде к Москве поляков и литвинов встречали отряды русских войск со знаменами, военные музыканты, неустанно игравшие на литаврах, трубах и сиповках. По правую руку от ехавшего посольского каравана на целую милю растянулись отряды кавалерии – выстроенные ровными рядами, конь в конь (все-го по оценкам польских и литовских наблюдателей ок. 80 хоругвей, т.е. 8 тыс. чел.). По левую располагались отряды пехоты (около десяти приказов, каждый примерно 1 тыс. чел.), в «хорошем обмундировании», с пушками, которых один из очевидцев насчитал 70 штук, другой – 90. После того как посольство проехало три четверти мили, оно было задержано перед самым городом (на так называемом встречном месте) до сумерек, пока встречавшие послов войска не вошли в город. Затем прибыли царские кареты, каждая запряжена шестью лошадьми. В первую, большую карету, обитую кармазиновым аксамитом, были впряжены вороные кони, во вторую, поменьше, обитую пурпурным аксамитом – чубарые (сивые в яблоках). И те и другие были украшены серебряными цепями «по их (т.е. русских. – К.К.) обычаю». Автор одного из описаний особо отмечал, что возницы, одетые в шубы, обшитые аксамитом и подбитые рысьим мехом, были бородатыми, что для поляков, бривших бороды, было в диковинку.

Послы пересели в царские кареты. Главные из них – познанский воевода Кшиштоф Гжимултовский и литовский канцлер Марциан Огинский сели в большую карету, двое других – каменецкий каштелянич А. Потоцкий и коронный подстолий А. Пшиемский в карету поменьше. Процессия двинулась в том же порядке, только дорожные экипажи послов заняли место рядом с каретами М. Огинского. Кареты же с послами сопровождала кавалькада из молодых отпрысков аристократических родов (Хованские, Долгорукие, Одоевские, Ромодановские, Голицыны, Прозоровские, Шереметевы и др.), одетых в богато расшитые кафтаны, украшенные драгоценными камнями и жемчугами, на турецких скакунах. Среди них выделялся сын русского канцлера Василия Голицына – Алексей Васильевич, носивший на шее ожерелье из урянских жемчугов (В Речи Посполитой так называли жемчуга из Ост-Индии, считавшиеся самыми лучшими). Польский наблюдатель отметил, что кони их были плохо объезжены и для того, что бы они ровно ехали рядами по десять лошадей, позади каждого ряда шли «хлопцы с батожками». Русские аристократы попытались оттереть польских и литовских дворян от посольских карет, но безуспешно. Жалобы польским послам не помогли, и представителям русской знати осталось довольствоваться заявлениями, что они возьмут реванш при первой же okazji въезда русского посольства в Варшаву. Многие из них по мере приближения к городу пересаживались на свежих коней, убранных с каждым разом все более богато. Когда польско-литовские послы уже затемно въехали в Москву, их взору предстал город, наполненный как «рыцёрским людом», так и чернью, которая смотрела из окон, сидела на воротах, крышах, палисадах. Приветствуемые толпами людей, кареты с послами проследовали через Земляной город, затем Белый город и по Тверской улице въехали в Китай-город, через красивые, как отмечалось, Воскресенские ворота. Видимо, с них за въездом посольства в город наблюдали цари Иван и Петр. Несмотря на темное время суток, путь послов освещался горящими бочками со смолой и специально расположенными в разных местах фонарями. Проехав мимо Кремля, посольский караван прибыл на Посольский двор, где должны были стоять дипломаты Речи Посполитой. Литовские послы расположились неподалеку – на так называемом Монастырском

дворе [3. С. 5–6, 44; 24. К. 3–5]¹⁶, а точнее на подворьях Троице-Сергиева монастыря и Новгородского митрополита [1. С. 311]¹⁷. Каждый из польских послов получил в распоряжение по три комнаты – «прекрасно убранные и обставленные». В самом большом зале Посольского двора была устроена католическая часовня [4. Archiwum Publiczne Potockich. Rękopis 163a. Т. 13. С. 986].

Через день состоялась торжественная аудиенция у царей Ивана и Петра. Ко дворам послов были поданы кареты, на которых они въезжали в Москву, запряженные белыми лошадьми, и процессия торжественно двинулась в Кремль. За каретами следовал польский посольский эскорт из сотни королевских драбантов в кирасах, с фузеями и шпагами в ножнах (при торжественном въезде в Москву днем раньше они держали их наголо), а затем кавалькада всадников из польских и русских дворян. Возглавлял процессию конный шляхтич, который держал в руках грамоту польского короля Яна III Собеского. Перед царской резиденцией послы вышли из карет, оставив там и личное оружие. По пути в Грановитую палату, где польско-литовских дипломатов ожидали Иван и Петр, их трижды торжественно встречали и приветствовали знатные бояре и дворяне. При дверях в палату послов вновь встретили царские приближенные во главе с сыном В.В. Голицына – Алексеем, одежда которого поражала богатством и роскошью даже на фоне остальных. На аудиенции присутствовали шестеро рынд с обнаженными мечами – двое у дверей в палату и четверо (Петр и Иван Голицыны, В.П. Шереметев и В.Д. Долгорукий¹⁸) перед тронном. Один из авторов польского описания отметил, что ранее на посольских церемониях рынды у дверей не стояли. Информация о рындах, вооруженных мечами, противоречит наблюдениям Л. Юзефовича, отмечавшего, что после попыток Лжедмитрия I ввести в русский посольский церемониал рынду с обнаженным мечом, этот предмет, «никогда не входивший в число атрибутов власти русских государей, навсегда исчез из тронного зала». В XV – первой половине XVI в. традиционным оружием рынды был чекан [23. С. 163–165]. В 1683 г. двух рынд с посеребренными мечами на аудиенции у царя наблюдал и шведский дипломат Энгельберт Кемпфер [26. С. 338]. Более того, присутствие на аудиенциях рынд с мечами отмечается и в дворцовых разрядах этого времени. В 1684 г. на отпуске австрийского гонца Иоганна Курца были «рынды с мечи» [27. Стб. 350]. Рынды с мечами 1 июля того же года были и на приезде польского посланника Яна Зембоцкого [27. Стб. 356–357].

Польские и литовские шляхтичи заметили разительные различия между обоими царями. Один из них, оставивший нам данное описание, отмечал, что Иван был неприметен, во время аудиенции сидел, потупив глаза из-под «собольего колпака». Петр же – «очень привлекательный на вид юноша», белолицый, черноглазый и чернобровый, высокий, притягивал к себе взгляды «как магнитом».

После торжественных речей и вручения грамот настал черед целования царской руки. При этом произошел досадный конфуз. Лицо одного шляхтича из свиты великого посольства было поражено проказой. Думный дьяк Е.И. Украинцев подошел к нему и попросил не подходить к царской руке. Тот вынужден был отойти в сторону «публично опозоренный». Когда Петр спрашивал послов о здоровье польского короля Яна Собеского, послы не расслышали его слов, произне-

¹⁶ На основе русских источников церемонию въезда польских послов в Москву кратко описал Н.Г. Устрялов [10. С. 153–156].

¹⁷ Замечание Н.Г. Устрялова о подготовке для послов дворов бояр М.Г. Ромодановского, М.А. Голицына и Б.В. Бутурлина [10. С. 153] верно лишь отчасти. Они действительно были назначены на постой для литовских послов, но затем решение это было пересмотрено в связи с тем, что посланцу М. Огинского дворцы не понравились. В итоге на дворах Ромодановского и Голицына все же была размещена часть «посольских дворян» [5. Ф. 79. Оп. 1. Д. 223. Л. 301–304об., 389–390, 422, 428, 496об.].

¹⁸ О «запоздалом» местническом конфликте, связанном с назначением рынд в 1686 г. см. [25. С. 13–18].

сенных «слабым и низким голосом», и В.В. Голицын повторил церемониальный вопрос.

Вечером польско-литовских дипломатов ожидал роскошный пир на посольском дворе, данный от царского имени. Распорядитель – князь Я.Ф. Долгорукий «как только крикнул: “Подайте винца” – тут же случился великий шум и галдеж от несущих серебро, кувшины, подносы, кубки, миски, тарелки, ножи и ложки; перед каждым тотчас [на столе] поверх сукна постелили скатерти, мы все, от самых высокопоставленных до наименее знатных, уселись без рангов. Стряпчий или подचाший ходя [вдоль столов] с позолоченным кувшином в полтора гарнца и позолоченной чашой в полкварты, подавал вино, [требуя осушать чаши] под угрозой «наказания». На серебряных блюдах подавали холодное и постное – рыбу, в том числе и приготовленную в форме утки или индюка, а также лещей, карпов и другие рыбные блюда. И сразу же по очереди было выпито за здоровье монархов». Из подававшихся спиртных напитков полякам и литовцам особенно понравилось уже упоминавшаяся «романия» и темное пиво. Горячие же блюда, по мнению автора описания пира, были безвкусными и несолеными¹⁹. На пиру присутствовал и имеретинский царь Арчил II с двумя сыновьями – Матвеем и Александром, изгнанный из Имеретии одной из группировок местной знати при поддержке турок, и нашедший убежище в Москве. Пир продолжался около двух часов и закончился затемно [3. S. 44–49; 24. К. 5–5v.; 4. Archiwum Publiczne Potckich. Rękopis 47. T. 1. S. 382]²⁰.

Кроме того, польские источники содержат интересные ремарки, касающиеся религиозных традиций русского народа, торговли и цен. Например, польский дипломат К. Гжимултовский отметил, что по сравнению с Речью Посполитой венецианские и голландские шелка в Москве стоят дешевле. В одном из писем он хвалился, что приобрел материал для отделки комнат, а также другие ткани более чем в два раза дешевле по сравнению с Польшей. Польский дипломат не рекомендовал приезжать в Россию с талерами, поскольку можно много потерять на обмене и высоко оценивал русские серебряные копейки, на которые можно было выгодно приобрести червонные золотые или товары, чтобы затем продать их в Польше значительно дороже [4. Archiwum Publiczne Potockich. Rękopis 163a. T. 13. S. 559].

К. Гжимултовский оставил также интересное наблюдение о русских религиозных традициях: 23 февраля 1686 г. «окончилась их масленица, назавтра наступал наш запуст, а у них – первая неделя поста, который они блюдут с такой набожностью, что привыкли, отложив в сторону все дела, дни и ночи в церквях проводить, придерживаясь самого строго поста. Совершенное молчание тогда царило везде все это время» [3. S. 8]. Глава польско-литовского посольства дал весьма нелестную характеристику Алексею Васильевичу Голицыну – сыну русского канцлера, которого тот активно привлекал к государственному управлению и впоследствии, отправляясь в 1-й Крымский поход, поручил ему дела Посольского приказа. В 1686 г. В.В. Голицын планировал включить Алексея в состав посольства, которое должно было принять присягу короля Яна Собеского на договор о Вечном мире, но недоброжелатели канцлера из знатных боярских родов (Одоевские, Черкасские, Долгорукие), и в том числе Б.А. Голицын не допустили этого. В Алексее Голицыне «не то что способности к государственному управлению, но и вообще ничего толкового нет» – писал познанский воевода в одном из писем, считая, что даже Яков Беколь – крупный еврейский ростовщик и банкир, обслуживавший польский королевский дом и многих магнатов (см. его биографию в

¹⁹ Подобного же мнения о русской кухне польские дипломаты были в 1667 г. [28. С. 322–323], и в 1679 г. Б. Таннер также упоминает о рыбных яствах, приготовленных в форме птицы [8. S. 177–178].

²⁰ О пребывании в России Арчила II см. [21. Ч. 1–3].

[29. S. 387–388]), имеет «более способного сына». «Одно только наблюдал в нем достоинство, – продолжал К. Гжимуловский, – что самого быстрого коня умеет хорошо объездить» [4. Archiwum Publiczne Potockich. Rękopis 163a. T. 13. S. 555–556; Rękopis 47. T. 1. S. 364].

До польских дипломатов, несомненно, дошли известия о склонностях и способностях Петра к военному делу. К. Гжимуловский уже тогда считал, что молодой царь вполне мог бы сам возглавить поход на Крым, [4. Archiwum Publiczne Potockich. Rękopis 163a. T. 13. S. 555], прозорливо предугадав его руководство Азовскими походами. Подобным образом и некий «разумный человек», побывавший в Москве в конце 1687 г., сообщал коронному гетману С. Яблоновскому о ходивших по русской столице слухах, что в будущую военную кампанию (1688) войсками будет командовать «сам» царь Петр Алексеевич [4. Archiwum Radziwiłłów. Księga 25. S. 26(41) – 28(43)] (в деле двойная пагинация страниц).

Конец 1670-х – первая половина 1680-х годов были периодом интенсивных дипломатических контактов России и Речи Посполитой. Именно в это время визиты польско-литовских послов и посланников в Россию были особенно частыми. К сожалению, специфика формирования комплекса источников по истории Польши в Новое время обусловила рассеянность дипломатических документов указанного периода, в том числе и посольских реляций по разным собраниям, стала причиной того, что даже частый обмен посольствами между Россией и Речью Посполитой в указанное время оставил с польской стороны не так уж много свидетельств.

Нетрудно заметить, что на польско-литовских дипломатов (особенно которые приезжали в Россию первый раз) производила впечатление та помпезность, с которой в Москве встречали иностранные посольства. Любопытно также, что польско-литовские дипломаты оценивали русскую кухню, как использующую мало соли, перца и других приправ²¹, обращали внимание на преобладание рыбных блюд в посольском угощении, не забывали упомянуть о распространении при русском дворе польской моды.

Свидетельства дипломатов Речи Посполитой – послов и посланников, бывавших в Москве, как представителей страны, в течение столетий имевшей активные дипломатические контакты с Россией, несомненно, представляют интерес и имеют значение не только для изучения внешней политики, но и других областей отечественной истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кочегаров К.А. Речь Посполитая и Россия в 1680–1686 годах. Заключение договора о Вечном мире. М., 2008.
2. Biblioteka Uniwersytetu Warszawskiego. Gabinet Rękopisów. Rękopis 73.
3. Źródła do dziejów polskich. Wydane przez M. Malinowskiego i A. Przędzieckiego. Wilno, 1844. T. 2.
4. Archiwum Główne Akt Dawnych.
5. Российский государственный архив древних актов.
6. Веселовский С.Б. Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975.
7. Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
8. Poselstwo polsko-litewskie do Moskwy w roku 1678 szczęśliwie przedsięwzięte, opisane przez naocznego świadka Bernarda Tannera (Norymberga 1689). Kraków, 2002.
9. Grala H. Dyplomacja z upominkami na tle (Wokół ceremoniału poselskiego w stosunkach polsko-moskiewskich na przestrzeni XVI–XVII wieku) // Skarby Kremla. Dary Rzeczypospolitej obojga narodów. Wystawa ze zbiorów Państwowego Muzeum Historyczno-Kulturalnego «Moskiewski Kreml». Warszawa, 1998.

²¹ В связи с этим стоит отметить, что для приезжавших в Польшу дипломатов из западных стран местная кухня казалась чересчур соленой и острой (замечание это высказано профессором В. Криг-зайзенем в частной беседе со мной).

10. *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 1. Господство царевны Софьи.
11. *Седов П.В.* Закат Московского царства. Царский двор конца XVII века. СПб., 2008.
12. *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. М., 1997.
13. *Мареева О.В.* Генезис венца как регалии власти // Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М., 2006.
14. *Забелин И.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. М., 1895. Т. 1. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. Ч. 1.
15. *Urządnicy wojewódstwa sandomierskiego XVI–XVII wieku. Spisy.* Kórnik, 1993.
16. *Piwiński K.* Denhoff Jerzy Albrecht // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1939–1946. Т. 5.
17. *Urządnicy centralni i nadworni Polski XIV–XVIII wieku / Pod red. A. Gąsiorowskiego.* Kórnik 1992.
18. *Мицик Ю.А.* Фрагменти до біографії І. Мазепи // Сіверянський літопис. 2007. № 3.
19. *Przyboś A.* Gniński Jan // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1959–1960. Т. 8.
20. *Rachuba A.* Radziejowski Augustyn Michał // Polski słownik biograficzny. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1987. Т. 30.
21. Материалы по истории русско-грузинских отношений (80–90-е годы XVII века). Тбилиси, 1974. Ч. 1; Тбилиси, 1979. Ч. 2; Тбилиси, 1979. Ч. 3.
22. *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969.
23. *Юзефович Л.* Путь посла. СПб., 2007.
24. *Archiwum Polskiej akademii nauk w Warszawie. Teki J. Wolińskiego.* Teka 70.
25. Запоздалое местничество // Временник императорского Московского общества истории и древностей российских. М., 1850. Кн. 5. [Отд.] 3.
26. *Аделунг Ф.* Барон Мейерберг и путешествие его по России. СПб., 1827.
27. Дворцовые разряды. СПб., 1855. Т. 4.
28. Исторический рассказ о путешествии польских послов в Московию, ими предпринятый в 1667 году // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов). М., 1991.
29. *Piwiński K.* Becal Jakób // Polski słownik biograficzny. Kraków, 1935. Т. 1.



© 2014 г. А. А. СЕМЕНЧУК

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ХРОНИКИ МАЦЕЯ СТРЬЙКОВСКОГО

Статья посвящена изучению источников «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» Мацея Стрыйковского, а именно произведений Мацея Меховского и Мартина Кромера. Они были основными информаторами Стрыйковского наряду с Мартином Бельским, Сигизмундом Герберштейном, Йостом Людвиком Дэцием и др. В статье анализируется рукопись Эдмунда Пушинского, находящаяся в Библиотеке ПАН в Кракове.

The article is dedicated to the analysis of sources for Maciej Strykowski's «Chronicle of Polish, Lithuanian, Samogitian and the whole of Rus», namely the work of Maciej Miechowita and Marcin Kromer. They were principal informers of Strykowski along with Marcin Bielski, Sigismund von Herberstein, Jost Ludwig Dietz and others. The article considers the manuscript of Edmund Puszczyński, which is preserved in the Library of the Polish Academy of Sciences in Cracow.

Ключевые слова: польские хроники, белорусско-литовские летописи, исторические источники, Великое княжество Литовское, М. Стрыйковский.

О Мацее Стрыйковском написано много. Интерес к его личности и творчеству возник, кажется, сразу же после его смерти, которая наступила приблизительно в 1593 г. [1]. «Хронику польскую, литовскую, жмудскую и всей Руси» [2–4]¹ многочисленные историки начали компилировать после ее выхода в свет в 1582 г. в Королевце (Кенигсберг). Ранее был опубликован другой обширный труд М. Стрыйковского «Sarmatiae Europaeae descriptio» (Cracovia 1578) под фамилией его непосредственного начальника в витебском гарнизоне итальянца Александра Гванини (Gwagnin, Gvanini) [5]. Стрыйковский неоднократно публично обвинял своего командира в плагиате [3. С. XV, XXX, XXXIX, XLIII, 83, 245], однако историографическая традиция до сих пор приписывает вышеупомянутый труд перу итальянца. В соответствии с «Привилегией Его Милости Короля, на эти книги данной под вкладом 600 червонных золотых, кто бы их смел без воли автора до десяти лет во всех странах Королевства Польского и Великого Княжества Литовского печатать...» среди прочих произведений Стрыйковский закрепил за собой «авторские права» и на «Librum De Sarmatia Europea latine conscriptum...» [3. С. XXX]. Эта работа вместе с другими хрониками Стрыйковского [6], а также Бельского и Кромера послужила толчком к созданию многочисленных исторических компиляций и переводов на разные языки, в том числе на русский [7–11].

Семенчук Альбина Александровна – канд. ист. наук, доцент Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.

¹ Далее ссылки на издание «Польской хроники» Мацея Стрыйковского, подготовленное Николаем Малиновским в 1846 г. [3–4].

Личность и жизненный путь известного историка и авантюриста XVI в. Мацея Стрыйковского в данной статье затронуты лишь по необходимости, поскольку основные вехи его биографии содержатся в двух специальных монографиях [12–13] и нескольких статьях [14–28]. Значительно меньше внимания уделялось критическому анализу сообщений, изложенных в различных трудах Стрыйковского. Пожалуй, наиболее глубоко исследовали известия хроники Стрыйковского А.И. Рогов [29–32] и Н.Н. Улащик [33]. Хотелось бы обратить внимание на некоторые менее известные аспекты стрыйковианы.

Интерес к творческому наследию историка возрастает, несмотря на критическое отношение к нему исследователей XIX и XX в. Это связано не столько с проведением более глубокого анализа произведений, сколько с привлечением к изучению стрыйковианы более широкого круга исследователей из стран, считающих себя наследницами культуры и исторического прошлого Великого княжества Литовского (ВКЛ) и Речи Посполитой [25–26; 32–39].

Осмелюсь утверждать, что Стрыйковский был родоначальником научной традиции в историографии истории ВКЛ. Одновременно его труды являются важными источниками по истории Белоруссии, Украины, Литвы, России и других стран. Необходимо различать эти два аспекта в творческом наследии Стрыйковского.

Как современник событий, он запечатлел многие явления общественной жизни своего времени, в том числе открыл множество новых исторических источников. Ввел в научный оборот, «озвучил» важные идеи и мысли, волновавшие современников, тем самым сделав свои произведения источником знаний по истории, культуре, в том числе религии, этнологии и культурной антропологии. Заслуживают ли доверия сообщения Стрыйковского, мы можем понять лишь сопоставив их с информацией из других источников.

В 1574 г. в Кракове М. Стрыйковский опубликовал историко-морализаторское сочинение «*Goniec snoty do prawych szlachciców*» («Гонец добродетели»), в котором выработал свою историографическую концепцию, развитую впоследствии в работах «О началах...» и «Польская хроника». В двух словах квинтэссенцию его позиции можно определить как попытку примирить и собрать воедино историографические концепции ВКЛ и Польского королевства с целью создания нового образа исторического прошлого унифицированной Речи Посполитой.

Такой огромный проект, как написание и издание «Хроники польской, литовской, жмудской и всей Руси» можно было предпринять только заручившись поддержкой известных и влиятельных людей. Белорусские и литовские магнаты и паны (Ходкевичи, Омельковичи-Слуцкие, епископ Мельхиор Гедройць и др.), выступили в роли меценатов молодого историка [16]. Не исключено, что именно они вдохновили Стрыйковского на это сложное предприятие (сначала, по его словам, он просто собирался перевести на польский язык хронику М. Кромера [6. S. 589] или Я. Длугоша [3. S. XV]). Несмотря на то, что они принадлежали к разным «политическим партиям», влияние каждого из них на идеологию Стрыйковского, как подчеркивал Ю. Бардах, не было исключительным и абсолютным [16. S. 68–70]. Всем содержанием хроники Стрыйковский укреплял позиции литовских магнатов и шляхты, которые после Люблинской унии старались подчеркнуть свое важное значение в унифицированном государстве. Особенности формирования идеологии Стрыйковского следует учитывать при источниковедческом анализе трудов историка. Поверхностное их прочтение в XIX–XX вв. приводило к утверждениям, что он был фантазером и компилятором.

Труды Стрыйковского действительно можно использовать как источники только с большой осторожностью. Их источниковедческую информацию можно разделить на несколько категорий, исходя из оригинальности сообщений. 1) Будучи очевидцем важных событий, либо получая информацию о них из первых уст, Стрыйковский излагал ее в своих произведениях, что отчасти делает их аутен-

тичным источником. 2) Некоторые исторические источники сохранились лишь в пересказе либо дословном изложении Стрыйковского (хроника типа Быховца, другие летописные сообщения), иные, из известных сегодня, Стрыйковский впервые ввел в научный оборот («Хроника Прусской земли» Петра Дуйсбурга и др.), что также повышает рейтинг хроники среди подобных произведений. 3) В целом Стрыйковский строил свои произведения на информации восточнославянских летописцев и польских хронистов, поэтому необходимо проверять степень их достоверности и адекватность изложения. 4) В сочинениях Стрыйковского присутствует также огромный массив информации, относящийся к проблемам этногенеза различных народов, который следует рассматривать как научные теории того времени либо легендарные представления. Они, однако, также требуют глубокого историколингвистического анализа, поскольку несут в себе, как показал А.С. Мыльников [40–41], а затем его ученик Д. Карнаузов [42], реальную научную информацию XVI в.

Следует вспомнить, что в это время представляла собой историография ВКЛ. В основном это были летописи еще древнерусского происхождения, либо так называемые белорусско-литовские летописи (конец XIV–XVI вв.), которые в огромном количестве можно было найти при дворах магнатов, монастырях по всей стране в виде рукописных списков [43. С. 113–114, 116–124]. К этим источникам в первую очередь и обратился Стрыйковский в поисках исторической правды о прошлом ВКЛ, но вскоре понял, что ему не обойтись без польских и немецких хроник, а также иных источников, поскольку древние летописи либо очень сухо передавали информацию, либо вообще ее искажали. Намерения историка сначала были более скромными, как он сам писал, «однако случай распорядился иначе» [6. S. 589].

Остановимся на источниках, которыми пользовался Матея Стрыйковский.

Еще Д. Браун писал о «Польской хронике» Стрыйковского как о важном историческом источнике, сожалея, что она не переиздавалась [44. S. 36]. Задумаемся, что позволило ему так утверждать. Собственные наблюдения и исследования, подтвержденные другими источниками, документы, хроники, летописи, которые сохранились до наших дней исключительно в изложении Стрыйковского, свидетельствуют о нем как о правдивом информаторе. Но любая информация, содержащаяся в «Польской хронике», может быть признана достоверной при условии ясности вопроса об источниковой базе и способов анализа. Современный по тем временам метод работы хрониста с источниками облегчает поиски его конкретных информаторов: он использовал систему ссылок на полях. Но проблема состоит в том, что из 128 информаторов [3. S. II; 45. S. 112–126], которых он указывает в списке в начале «Польской хроники», работы некоторых он вообще не использовал, а иные не попали в его список.

Первым начал собирать и сравнивать источники Стрыйковского (белорусско-литовские летописи) Игнат Данилович [28]. Чем больше он их находил, тем более убеждался, что «прекрасная его работа тогда только будет важна для критического использования, когда все источники, из которых он черпал свои известия, будут проверены, их аутентичность доказана и с очевидностью показанные, они смогут служить поискам правды. Чем более подобных источников соберется, ближайших по времени, месту и событиям, проверенных в принципах и духе своем» [46. S. 5–6], тем полнее мы сможем использовать сочинения Стрыйковского.

Обратимся к такой важной категории исследований о творчестве Стрыйковского и, в частности, о его хронике, как критические анализы. Тут следует отметить, что традиция критических исследований сочинений древних авторов в польской историографии была заложена в XIX в. Так называемые *rozbiory krytyczne* сочинений Я. Длугоша [47], М. Меховского [48], М. Кромера [49], Б. Ваповского [50] и других составляют основу их историколингвистического анализа, а также ис-

торических реконструкций. Корректный научный анализ, скажем, «Истории» Я. Длугоша, проведенный редакторами последнего издания, позволил проверить каждую информацию «отца польской истории» на предмет ее происхождения и достоверности.

Источниками информации хроники Стрыйковского интересовался Юзеф Игнатиус Крашевский [51. S. 23–140]. В библиотеке Львовского университета находится рукопись под названием «Strykowski i jego Kronika, krytycznie obejrzana do roku 1316 przez J.I. Kraszewskiego», в которой Крашевский сетует, что хронику Стрыйковского «практически невозможно использовать, а также без крайней необходимости прочитать». В монографии «Wilno od początków jego do roku 1750» («Вильно от его начала до 1750 г.») он обещал сделать ее критический анализ и сдержал свое обещание, о чем проинформировал Е. Барвинский в статье «Из неопубликованных автографов Ю.И. Крашевского» [52]. «Он (критический анализ. – А.С.) имеет важное для науки значение» и «никто из исследователей истории Литвы, особенно занимающийся Стрыйковским, не может его обойти вниманием, обязан к нему обратиться», – считал Барвинский. Крашевский даже собирался издать свое исследование, о чем свидетельствует надпись на манускрипте «Lwów nakładem Kajetana Jabłońskiego 1845». Вводная часть о Стрыйковском и его хронике (с. 9–118 рукописи) известна из опубликованной монографии о Вильне [53. S. 417–477]. Крашевский сравнивал хронику Стрыйковского с сочинениями Длугоша, Ваповского, Бельского. Однако эта работа с научной точки зрения сегодня устарела, поскольку Крашевский еще не знал многих источников хроники, которые были открыты позже. Знаменитый писатель слишком рано взялся за такую фундаментальную работу, как критический анализ хроники Стрыйковского. Видимо, осознавая это, он воздержался от публикации исследования, поскольку в 1846 г. вышло новое издание хроники Стрыйковского с фундаментальными статьями Малиновского и Даниловича, и в этом же году Теодором Нарбутом была опубликована «Хроника Быховца».

В свое время А.И. Рогов, а также Н.Н. Улащик занимались анализом сообщений Стрыйковского, взятых из рукописных летописей. Рогов пришел к выводу, что историк располагал не только известными сегодня летописями, но и какими-то другими, «в составе которых были более подробные известия по истории западно-русской земли, летописи, основанные, очевидно, на каких-то записках, которые велись в городах Западной Руси» [29. С. 128–129]. Он доказал, что Стрыйковский имел несколько летописей типа Быховца, а также посвятил несколько работ проблематике распространения сочинений Стрыйковского в России и на Украине [30. С. 145–147; 32. С. 311–329].

По мнению Улащика, историю ВКЛ Стрыйковский писал главным образом основываясь на летописях. Галицко-литовская война 1252–1254 гг. была описана на основе Ипатьевской летописи, также как известия о Миндовге и Войшелке конца 50-х – начала 60-х годов XIII в. Безусловно, Стрыйковский критически сравнивал их с известиями Длугоша, Кромера, Меховского, Бельского, Ваповского. Например, о том, что Брячеслав Изяславович, племянник Ярослава Владимировича, восстал против дяди и взял Новгород Великий, Стрыйковский пишет в V книге, раздел II, отмечая, что «этого в русской летописи нет, только у Длугоша и Меховского folii 25». Передавая речь Святослава перед дружиной, уточняет: «Таковую речь Святослава Herberstein fol.5 de rebus Moschoviticis списал из старой московской хроники, которой и я имею экземпляр» [3. С. 122]. Как подсчитал Улащик, в тексте и на полях хроники Стрыйковский поместил около 200 ссылок на летописи, которые он использовал [33. С. 82–83].

Литовские исследователи Р. Батура, М. Ючас, А. Янинас, В. Заборскайте, Д. Куолис и другие также делали попытки исследовать источниковедческую базу хроники Стрыйковского [36–37; 73–75].

Отдельные источники Стрыйковского интересовали З. Войтковяка, Ю. Радзишевскую, а также московских исследователей Д. Александрова и Д. Володихина. Войтковяк в конце монографии поместил аннекс «Частота использования Стрыйковским летописных сводов», где он называет всех информаторов хрониста, а также анонимные источники. Ранее в статье «Стародавний историк, старый комментарий – забытые источники Стрыйковского» [76] Войтковяк проанализировал специфический источник его работы «О началах...» [6. S. 149], который касался вопроса этногенеза европейских народов. Войтковяк видел в этом произведении «неизвестные нам сочинения, возникшие, вероятно, в польской историографической среде после Кривской унии», связанные с Великой Хроникой, возможно, с работой Яна из Домбровки, создателя летописного сборника XV в. [76. S. 351, 356]. Исследователь обратил внимание на творческий и научный метод нашего хрониста, источниковедческие поиски которого иногда просто восхищают, как, например, в случае со «старым комментарием о Литве» некоего Иеронима [77. S. 353; 78], который Стрыйковский получил от «доктора Серпца» [6. S. 75].

Ю. Радзишевская в монографии «Мацей Стрыйковский – историк-поэт эпохи Возрождения» приводит авторов и произведения, названные в двух последних работах хрониста [12. S. 130–139], а также его заимствования из Меховиты и Кромера в работе «О началах...» [12. S. 158–161]. Автора интересовало также отношение сочинений Стрыйковского к Ольшевскому кодексу и «Хронике Быховца» (в ранней работе она даже приписывала последнюю перу Стрыйковского [78. S. 78–81]). Несмотря на отсутствие критического анализа работ Стрыйковского следует подчеркнуть огромную заслугу Радзишевской в исследовании творческого наследия Стрыйковского, поскольку именно она издала с научными комментариями обширное произведение хрониста «О началах...», а также монографию о нем, в которой указала направление будущих исследований.

В Москве была издана еще одна источниковедческая работа, относящаяся к исследованию наследия Мацея Стрыйковского. Это небольшая публикация Д. Александрова и Д. Володихина о «Кроничке русской», находящейся в четвертом разделе, пятой книги хроники 1582 г., посвященной междуусобицам сыновей Владимира Святого и периоду от поражения Болеслава Кривоустого под Галичем в 1139 г. [79. С. 70–74]. Авторы исследования предполагают, что среди источников хроники мог быть так называемый «Рогожский летописец», либо какой-то другой, содержащий смоленскую информацию.

Однако наиболее полно исследовал источники «Польской хроники» Мацей Стрыйковский в начале XX в. преподаватель гимназии во Львове Эдмунд Пушинский. Его работа «Kronika Macieja Stryjkowskiego. Rozbiór krytyczny» (рукопись Библиотеки ПАУ и ПАН в Кракове, № 7978) была выполнена под руководством профессора Зенона Александровича. Рукопись Пушинского – это дар ксендза Генриха Фросса, вероятно, краковского иезуита. Она представляет несколько тетрадей – черновики и чистовики, – написанных довольно небрежно, не всегда разборчивым почерком. Очевидно, следовало бы поискать машинописный вариант этой работы. Возможно, он находится во Львове. Некоторые тетради не пронумерованы, кроме того имеются отдельные листы, также не пронумерованные. Это обстоятельство усложняет цитирование и ссылки на рукопись. О цели исследования автор писал: «Данная работа должна показать, сколько в ней (“Польской хронике”. – А.С.) правды и определить значение хроники Стрыйковского как для истории, к которой она в первую очередь принадлежит, так и для литературы, к которой мы должны ее относить как памятник польской прозы XVI в.» [54. S. 9].

Пушинский исследовал генезис «Польской хроники», начиная от «Sarmatiae Europaeae descriptio» (на эту работу Стрыйковский получил королевскую грамоту) через «Гонец добродетели», заканчивая работой «О началах...», информацию о которой незадолго перед этим опубликовал С. Пташицкий [55. S. 220–246].

Пущинский, сравнивая раннюю работу Стрыйковского «О началах...» и «Польскую хронику», заметил, что «русская история» (т.е. история Древней Руси) в первой занимает меньше места, чем во второй. Здесь также отсутствует перевод «Прусской хроники» Дуйсбурга, которая в издании «Польской хроники» заняла практически всю седьмую книгу.

Начав сопоставлять известия Стрыйковского с его же собственными ссылками на источники, Пущинский обратил внимание, что несмотря на то, что Стрыйковский 25 раз упоминает имя Винцента, называемого Кадлубком, в качестве своего информатора, его сочинения не читал, по крайней мере не имел под рукой, когда писал свою хронику. Не знал он в точности и сочинений Галла Анонима и Межвы («Miarecius»), которым не был известен такой легендарный персонаж как Мосох. Стрыйковский же ссылался на них, упоминая о Мосохе [3. S. 91]. Чаще всего он цитирует их вслед за Мартином Кромером. Пущинский, демонстрируя компиляционный характер произведения Стрыйковского, утверждает: «Цитирует того, кого знает, либо того, о ком слышал» [5. S. 29].

Львовский исследователь рассмотрел отношение Стрыйковского к работам Длугоша, Меховского [56], Кромера [57] и Бельского [58], а также Дециуса [59] и Герберштейна [60] и пришел к выводу, что хронист не мог или не хотел опереться на первоисточник. Зная, что Кромер и Меховита использовали Длугоша, а Бельский – Ваповского (относительно чего, впрочем, заблуждался), он должен был обратиться к Длугошу и Ваповскому, а Кромера и Меховиту использовать там, где они дают собственную информацию. Но Стрыйковский этого не сделал. Он даже пользовался сочинением малоизвестного историка Гербурга [61], который признавался, что «имитирует» Кромера. Однако это еще отнюдь не свидетельствует о том, что наш историк искал легких путей. Важно разобраться в каждом конкретном случае, почему он это делал.

Пущинский считал, что Стрыйковский не пользовался непосредственно «Историей» Длугоша, поскольку, во-первых, это было слишком большое произведение; во-вторых, мог прочитать у Кромера не слишком лестное мнение о Длугоше [54. S. 35]. На самом деле огромное рукописное сочинение Длугоша, которое всего в нескольких списках находилось в разных книгохранилищах [62], все же было труднодоступно для находящегося в Литве историка. Однако, как показывает Пущинский, есть известия, которые взяты Стрыйковским непосредственно из «Истории» Длугоша. Возможно, он читал ее и делал выписки еще ранее, например, находясь в Кракове в 1574 г. Так, на с.114 первого издания «Польской хроники» Стрыйковский сообщает: «Пишет Длугош в хронике своей на листе 25, в первой книге, што Одоацер, русский князь, захватил Рим и держал его. То же самое я нашел у Волатерана, кн.2; но он называет этого князя именем Одоацер, немного изменив, однако не русином его называет, а итальянцем, и якобы с помощью готов Рим взял и правил в нем 14 лет. А по этому поводу пусть Длугош з Волатераном спорят, я в их дела не вмешиваюсь».

Другим следом Длугоша в хронике Стрыйковского можно считать информацию о том, что «есть письма [...] Данилы, русского короля, предка князей Острожских, к папе Иннокентию, широко описанные у Длугоша в хронике; а также которые (письма. – А.С.) папа к Даниле писал красивыми словами, напоминая, чтобы верно в своем христианстве и королевском состоянии пребывал» [3. S. 291]. Длугош несколько напутал с датами, сообщая под 1246 г. о том, что Данила умолял папского легата Опизо короновать его, а затем под 1249 г., что папа назначил Альберта архиепископом русским к князю Руси Данилу, но тот отказался подчиниться Иннокентию IV и выпроводил легата от себя [63. С. 295]. Стрыйковский позаимствовал у Длугоша информацию о событиях 1246 г., а также о коронации Данилы в 1253 г. в Дрогичине, причем сослался по своему обыкновению на Длугоша, Меховского и Кромера [3. S. 291].

Сообщения Стрыйковского о Миндовге носят как реальный, в целом исторический, так и легендарный характер. Источниками сообщений служили восточнославянские летописи и польские хроники. Под восточнославянскими следует понимать прежде всего галицко-волынские и белорусско-литовские летописи («Хроника Быховца»). Разумеется, что более близкие по времени – галицко-волынские – более точные и достоверные. Белорусско-литовские имеют искусственный характер, т.е. являются в сущности хрониками – произведениями, специально скомпонованными из сообщений «южнорусских» летописей и легендарной части так называемого второго летописного свода.

Историю Галицко-волынского княжества Стрыйковский широко освещает в соответствии с древнерусскими летописями на фоне истории Киевского княжества, Королевства Польского, борьбы с половцами и литовскими племенами. Он мастерски связал смерть Романа Галицкого под Завихостом 13 июня 1205 г. и наступивший разлад между русскими князьями с усилением литовских племен, которые якобы возглавляли легендарные князья Живибунд с Монвиллом [3. S. 215]. Интересно отметить тот факт, что начальные страницы собственно истории Литвы Стрыйковский описывает в стихотворной форме, что он обычно практиковал в случаях особо патетических, важных для исторической памяти. При этом добавляет на полях: «Великие государства гибнут, а малые и ничтожные процветают» [3. S. 216], под «великими государствами» понимая, по-видимому, Киевское княжество, а под малыми – Литву.

В подтверждение своих слов Стрыйковский призывает в свидетели Винченца Кадлубка, Длугоша и Меховиту. Однако ссылается только на Меховиту (fol. 114, lib. 3, cap. 29), ибо из трех названных читал и имел под рукой только последнего. Тут же он отмечает, что «около этого времени имя народа литовского, ранее не знакомое, впервые дало знать о себе, которые, когда невольниками русскими были, вместо податей веники, лыко и шкуры звериные каждый год платили» [3. S. 216] (легенда о вениках и лыке была знакома также Мартину Бельскому).

Сообщая об убийстве Романа Стрыйковский ссылается также на Кромера (in prima editione Cronicozum fol.183, in secunda vero 126, lib.7) [3. S. 216].

Выводя на рампу восточноевропейской истории Миндовга, Стрыйковский совершенно справедливо заметил, что «иные летописцы того Миндовга не упоминают, заканчивая царствованием Рынгольта» [3. S. 252–253]. Действительно, списки первого и второго летописного сводов не знают Миндовга, он появляется только в третьем своде – «Хронике Быховца». Так что источником сведений об основателе ВКЛ для Стрыйковского послужили прежде всего польские хроники.

Непосредственно из «Истории» Длугоша взята информация о Городельской унии 1413 г. и грамоте Витовта, по которой литовские роды приняли польские гербы, начиная со слов: «Praeterea Nos Alexander alias Witowdus de consensus Serenissimi etc.» [4. S. 148]. В конце этого отрывка Стрыйковский от себя прибавляет: «А тут каждый по гербе может найти своих предков» [4. S. 149].

Приводя «Длугошево и Кромерово мнение о Литве» [3. S. 48], Стрыйковский не видел никакого различия между ними («Длугош пишет в своей Хронике то же, что и Кромер lib.3 fol.61 primae, secundae vero editionis 24 folio, подтверждает»). А разница была принципиальная, например, в отношении Палемона (Публия Либона) – центральной фигуры белорусско-литовского летописания, «родоначальника» литовской знати. Длугош вообще его не знал, также как и Меховита. Впервые о нем в печатном издании упоминает Кромер, а уже от него, найдя это имя в летописях, в том числе летописи, подобной «Хронике Быховца», Либона (Публия Либона, Палемона) ввел Стрыйковский [64. S. 178–184]. Однако он не сравнивал не только Длугоша с Кромером, но и Длугоша с Меховским (Меховитой). Часто Стрыйковский отмечал ошибки Меховиты, не ведая, что это на самом

деле ошибки Длугоша, которые Меховита механически списал. Так, он сетовал, что Мацей Меховский пишет, будто «итальянцы самые первые построили город Вильно [...] а от имени князя Вилюса [...] назвали Вильно» [3. S. 49], не зная, что об этом писал Длугош. Или, например, ошибку Меховиты о смерти Гедимины в 1307 г. считает опечаткой или опиской писаря, не догадываясь, что виноват в этом Длугош [66. IX. S. 60]. Впрочем, далее Меховита пишет под 1329 г. о Гедимине как о вполне живом союзнике Владислава Локетка и Карла Венгерского в войне с крестоносцами.

Стрыйковский писал: «Первым литовским епископом был некий Витус, неизвестно немец или поляк» [3. S. 289]. Действительно, ни Кромер, ни Меховский не говорили о национальной принадлежности Вита, однако Длугош сообщал, что первого литовского епископа посвятил папский легат Опизо в деревне Козлово, и был он поляком-доминиканцем [65]. Тем не менее Стрыйковский всюду ссылался на свидетельства Длугоша, так как знал, что последний являлся информатором и Кромера, и Меховского. Но иногда ошибался, как, например, в эпизоде с бунтом смолян в 1440 г. и усмирением их Казимиром Ягеллончиком [4. S. 208–209], о чем Длугош не писал, а Кромер взял информацию непосредственно из белорусско-литовских летописей. Стрыйковский же ссылался на *Cromerus lib.21* и Длугоша.

При этом хронист сопоставлял между собой Кромера и Меховиту, и о Меховите писал, что «у него каждую вещь, как в лабиринте нужно искать, так как все *confuso* написал, а одну и ту же вещь в четырех и в пяти главах разместил, разделяя ее, а мог бы в одной разместить» [4. S. 245]. Стрыйковский не знал, что подобный хаотичный порядок был следствием того, что Меховита использовал иной, не хронологический, способ описания фактов. Стрыйковский же, очевидно, полагал, что невозможно писать историю иначе, как всем известным хронологическим способом. Пушкинский отмечает, что влияние Меховского и Кромера на Стрыйковского можно отделить, хотя оба они до 1480 г. использовали информацию Длугоша, однако не одну и ту же [54. S. 44]. Более критический Кромер гораздо тщательнее ее отбирал, главное внимание сосредоточивая на истории Польши, а о Литве и Руси сообщал преимущественно, когда события касались Польши. На счастье Стрыйковского, Меховита был менее избирателен и последователен. У него наш хронист позаимствовал множество известий о литовской и русской истории, когда ему не доставало информации, содержащейся в летописях. Начиная с четвертого раздела пятой книги хроники, т.е. с первого поражения «руссаков» от половцев в 1058 г. [3. S. 169], Стрыйковский постоянно придерживался хроники Меховского. Иногда он вынужден был сопоставлять информацию различных авторов, чтобы указать правильную дату, поскольку у Меховита она отсутствовала. Например, поход русских князей Владимира, Давида, Олега, Володаря и Ярослава 1101 г. (у Кромера «*roku drugiego*» [67. S. 211]) Стрыйковский из-за отсутствия даты у Меховиты ошибочно датирует на 20 лет раньше [3. S. 172–173; 54. S. 48].

Сухую информацию Меховиты он основательно разбавляет собственными замечаниями. В разделе «О поражении половцев» Стрыйковский пишет: «За половцами [...] прусы и язычники литовцы с ятвягами (как Длугош и Винцент Кадлубок, а также Меховиус свидетельствуют) на Русь в большом количестве пришли 28 августа лета Господня 1089, и вдоль и поперек русские княжества около Луцка, Владимира и Львова разорив, с огромной добычей вернулись восвояси» [3. S. 175]. Об этом походе прусов говорил Меховский, не упоминая, однако, литовцев, ятвягов и населенные пункты (Кадлубок, естественно, об этом молчал). А весь этот эпизод, взятый Меховским у Длугоша всего лишь курьезная ошибка: длугошовы «прузы», на самом деле – саранча [48. S. 138–139]. Стрыйковский же своим, одному ему характерным способом, придал в союзники этим мифическим прусам литовцев и ятвягов, в качестве «родственных народов», спеша вывести их на международную арену.

Э. Пущинский иногда защищает Стрыйковского. Так, он пишет, что времена Стрыйковский бывал более критичен, чем его предшественники, и приводит пример, как Длугош, а за ним Меховский два раза упоминали об одном и том же факте под разными датами. Описание похода Эльнера, коменданта Балги, на Подлясье и поджог замка Дорсунь комендантом из Инстербурга Меховский и Длугош повторяют дважды – под 1370 и 1371 г., а Стрыйковский пишет об этом только раз [4. S. 48–49].

Длугош сообщение построил на «Хронике» Виганда из Марбурга. По сведениям последнего, все происходило в 1370, возможно, в 1371–1372 гг. Длугош второй раз поместил эти события также под 1371 г. потому, что у Виганда подаются два похода Кейстута – в 1370 и 1371 г. На самом деле был только один поход в 1372 г., как свидетельствовал Герман Вартберг в «Хронике Ливонии», и с чем согласились А. Семкович и Т. Хирш [66. S. 33, 35].

Однако Пущинскому не удалось до конца разобраться в хитросплетениях рассказов Длугоша и Стрыйковского, поскольку для критического анализа он использовал только работы двух последних, а следовало также сравнить их с Вигандом и Вартбергом, чтобы окончательно прояснить картину.

А вот о смерти брата польского короля Владислава Локетка, ленчицкого князя Казимира, Стрыйковский пишет два раза (под 1294 и 1304 г.), от себя прибавляя: «Владислав Локеток, по словам Меховского, должен был иметь двух братьев Казимиров» [3. S. 344]. Для сравнения, ни одно из курьезных повторений Длугоша не попало в хронику Мартина Кромера, который был куда более критичным автором, чем Меховский и Стрыйковский [49. S. 49].

Кстати, Кромер был вторым по важности после Меховского историком, информацию которого заимствовал Стрыйковский, который из его хроники взял все сведения об истории Польши и отношениях Польши с Русью и Литвой. Пущинский предполагал, что начиная с раздела 13 Кромер стал главным источником для Стрыйковского [54. S. 63]. Базельские издания Кромера 1555 и 1568 г. он точно имел под рукой. Причем читал их внимательно и критически. Так, например, Кромер, на основании документа, который неправильно прочитал [49. S. 88], наперекор Длугошу утверждал, что во время похода Казимира Великого с Людвиком Венгерским на Литву в 1351 г. в польский плен попал князь Любарт, а не его брат Кейстут [67. S. 618–619]. Стрыйковский не пошел вслед за Кромером, а принял сторону Длугоша и Меховского, которые утверждали, что это был Кейстут, и привел свои доказательства: Любарту не надо было клясться, что примет христианскую веру, поскольку он уже был христианином [4. S. 29].

В этом же месте Кромер сообщил о том, что Любарт, освободившись из неволи, напал на Русь, занял и сжег Владимир. Он обратил внимание читателя, что Длугош вместо Владимира назвал Галич, а ошибку приписал писарю: слишком уж далеко от Литвы находится Галич, пограничный с Венгрией и Валахией. Это предположение, видимо, не убедило Стрыйковского. Он написал, что Любарт не только захватил и спалил Владимир, но также опустошил «галицкие волости, хотя они далеко от Литвы, на венгерских и валахских рубежах, находятся» [4. S. 29]. Венгрия владела некоторыми замками на Волини и Покутье. После смерти Людвика Венгерского ими владел луцкий князь Любарт. Между прочим, речь шла о Снятыне и Рогатине. Кромер предполагал [67. S. 682], что Длугош перепутал Снятынь с Рогатином, так как Снятынь находится далеко от Литвы. Стрыйковский же и Снятынь, и Рогатин отдал Любарту [4. S. 69].

Также произвольно, хотя и немного более критично, Стрыйковский сопоставлял документ, приведенный Кромером и известие Длугоша о договоре Скиргайлы и Витовта. Кромер под 1393 г. сообщает со ссылкой на Длугоша и Меховиту о стычках между Свидригайлом и Скиргайлом, с одной стороны, и Витовтом – с другой. Оба брата Ягайлы чувствовали себя обиженными королем, оттого что

тот возвысил Витовта, передав ему власть в ВКЛ. Поэтому король, желая сгладить внутренний конфликт, собрался с королевой Ядвигой в Литву, помирил Скиргайлу с Витовтом (Свидригайло сбежал к крестоносцам), дав Скиргайле Кременец, Стародуб и Старые Троки. Эту информацию повторяет Стрыйковский под 1393 г., цитируя по примеру Кромера Длугоша и Меховского. Кромер же кроме Длугоша, имел под рукой документ, о котором не преминул упомянуть: «Еще есть грамоты Витовта, в которых он подтверждает, что помирился со Скиргайлом и поклялся вместе помогать ему против любого неприятеля, кроме короля польского; при этом признается, что Киевскую державу, хотя ее с помощью оружия приобрел, однако должен ему и потомкам его уступить вечным правом. Кроме того, король Владислав с разрешения одного Кременец и Стоско ему даровал, поскольку он свою вотчину ради него уступил» [67. S. 736]. Стрыйковский относит этот документ к 1392 г., когда Витовт стал великим князем литовским.

Кромер два раза описал один и тот же поход Витовта против татар: под 1394 г. (на основе белорусско-литовской летописи) и под 1397 г. (на основе Длугоша). Причем пошел на этот шаг сознательно, о чем и проинформировал читателей [49. S. 49]. Первое сообщение на основе летописи было ошибочным, поскольку Кромер неправильно его понял. Он написал, что Витовт с помощью своего военачальника Ольгерда разбил татар, убив троих военачальников, которым Подолье платило дань [67. S. 738]. В списках Красинского и Ольшевском находим эпизод из истории Подолья: «Коли пак князь великий Витовт поехал з Литвы до великого Луцка, а князь великий Ольгирдь пошел в поле з Литовским войском и побил Татаровъ на Синей Воде, оубил трех братьов Татарских князей» [72. С. 170, 453]. (В Супрасльской летописи и в «Хронике Быховца» это звучит: «Коли господарь былъ на Литовской земли князь великий Олгирдь, и шед в поле з Литовскимъ войскомъ, побил Татаровъ на Синей воде трех братьовъ» [72. С. 81, 496]). Поскольку непосредственно перед сообщением о битве летопись, которой располагал Кромер, говорит о Витовте, то он, не разобравшись в чем дело, отнес приведенные здесь слова к Витовту, а из Ольгерда сделал его гетмана. В 1362 г. Ольгерд, победив татар под Синими Водами, присоединил Подолье к Литве [39]. Ошибка Кромера по-своему была исправлена Стрыйковским. Его фантазия разыгралась: он одну часть войска Витовта оставил под Смоленском, а другую отправил с Ольгердом на Дон: «Вторую же часть литовского и русского войска, поставив над ним гетмана Ольгерда, пана литовского, выправил Витовт в дикие поля, в Заволжскую и Задонскую орду, желая испытать татарскую силу и выведать их положение» [4. S. 111].

Если сравнить начало раздела «О разорении прусской земли Локетком» у Стрыйковского [3. S. 383] с описанием Кромера, то можно убедиться, что первый старается сократить текст второго. Так, он описывает поход Локетка с войсками венгров и литовцев в 1328 г. на крестоносцев. Объединенные войска ворвались в хелминский повет, опустошили его. До этого места текст Стрыйковского соответствует Кромеру. Но далее идет весьма свободный пересказ. Кромер писал, что король не решался брать замки из-за недостаточной подготовленности солдат к осадным операциям, распустил вспомогательные войска, а поляков вернул в Мазовию; и далее Кромер описывает стычки с крестоносцами, приход им на помощь короля Яна Чешского. Это происходило в 1328, 1329, 1330 г., когда Локеток с войсками поляков, венгров и литовцев под предводительством Гедимины, снова ворвался в хелминский повет. Стрыйковский эту информацию сокращает. При этом Гедимин, который участвовал в кампании 1330 г., у Стрыйковского погибает уже в 1328 г. (так в заголовке, в тексте – в 1329 г.), хотя у Меховиты он участвовал в походе 1330 г.

Аналогичным образом Стрыйковский описывал ситуацию после Грюнвальдской битвы в разделе «О возвращении замков и городов после победы, об осаде

Мариенбурга» [4. С. 139]. Он возвратил Витовта в Литву после захвата замка Радин, в то время как тот еще перед отступлением короля из-под Мальборка покинул лагерь. Стрыйковский не вдавался в причины, которые делали бесполезным захват Мальборка. Он коротко написал о том, как король отказался от осады, а на обратном пути взял замок Радин. Витовт с победой отправился в Литву, а сам Стрыйковский вернулся к описанию событий в Мальборке и рассказал о нападении магистра крестоносцев Германа на Пруссию, причем не понял всей важности тайных сговоров Витовта с Германом, умолчал также, что Витовт старался уехать из королевского лагеря, а в дополнение ко всему сделал ошибку, направив Германа с «500 рейтаров» в Мальборк.

Почему он прибег к такому приему, трудно сказать. Возможно, хотел представить осаду Мальборка в целостном виде, не прерывая описания деталями. Поэтому сразу объявил, что король Мальборка не взял и отступил, но потом вынужден был вернуться к событиям, которые произошли во время осады. Затем Стрыйковский должен был объяснить, что Герман «еще короля и польские войска» застал под Мальборком. Таким образом он, разрывая события, не представил их в логичном виде, а рассказал приблизительно и, как оказалось, невольно сфальсифицировал. Можно привести также несколько других мелких неточностей в тексте Стрыйковского, проистекавших от желания сократить при переводе латинский оригинал Кромера.

Кроме Меховиты и Кромера до 1506 г. Стрыйковский использовал «Хронику всего света» Мартина Бельского, а также он часто ссылается на Б. Ваповского [68], но в этом случае ситуация такая же, как и с Кадлубком. В «Хронике всего света» Стрыйковский увидел название раздела «Начинается Хроника Польская Берната Ваповского, когда-то прелата краковского костела» и подумал, что речь идет о переводе хроники Ваповского. Поэтому фактически это ссылки не на Ваповского, а на второе и третье издание «Хроники всего света» М. Бельского. Но последний закончил свое сочинение 1548 г., а Ваповский – 1535. Пользуясь хроникой Меховского, Стрыйковский должен был заметить, что до 1506 г. сообщения Бельского не отличаются от аналогичных у Меховского. Благодаря критическому анализу «Хроники всего света» и других произведений М. Бельского, сделанному Ю. Хшановским [69], мы можем с уверенностью сказать, что до 1506 г. главным информатором Бельского был Меховский. Когда однажды Кромер, говоря о дани в 100 тыс. червонных золотых, которую платил Литве Великий Новгород, сослался на Ваповского, то Стрыйковский сразу же сделал ссылку на Ваповского и Бельского, хотя последний этой детали не знал.

Зависимость хроники Стрыйковского от сообщений Бельского довольно значительна. Вслед за последним он описал правление Людвика Венгерского в Польше, принятие католичества в Литве, рождение четвертого сына Казимира Ягеллончика Александра и т.д. Архаичные польские выражения Бельского Стрыйковский заменил более современными. Он не ограничился только известиями Бельского, но также сравнил их с сообщениями Кромера, Меховского.

После написания раздела о событиях 1506 г. Стрыйковский не оставил хронику Бельского, как было в случае с Меховским и Кромером. Часто к ней обращался и далее. Но главным источником с этого времени на ближайшие десять лет (1506–1516) для него становится Й.Л. Дециус (Деций) [59]. Первое десятилетие правления Сигизмунда Старого на основе труда Деция описывал и Бельский, но Стрыйковский на этот раз обратился к первоисточнику. Работа Деция послужила основой для написания XXIII и значительной части XXIV книг «Польской хроники». Сначала Стрыйковский практически переводил Деция, затем начал сокращать. Таким образом он описал брак короля с Барбарой Запольяи, посольство Я. Лаского на Латеранский собор, знаменитый Венский съезд 1515 г. В случае с последним Стрыйковский имел и некоторую собственную информацию. Напри-

мер, поименно назвал «мазура Радзиминского», «Николая Радзивилла и Станислава Гаштольда, привезших из Польши более 100 музыкантов, по-московски, по-татарски и по-казацки одетых». Описание Оршанской битвы 1514 г. Стрыйковский заимствовал также у Деция [4. С. 378–384; 59. С. 29]. Позднее это место так понравилось Иоахиму Бельскому [70], что он отошел от текста отца из «Хроники всего света» и списал его со Стрыйковского, не подозревая, видимо, что первоисточником является Деций. Справедливости ради необходимо отметить, что Йост Людвик Деций пользовался материалами Мацея Меховского [71. С. 5–11]. Кароль Бучек предположил, что импульсом для написания хроники Меховским послужила блестящая победа литовско-польских войск под Оршей 8 сентября 1514 г. [71. С. 5].

Кроме Деция и Бельского после 1516 г. Стрыйковский использовал также сведения Герберштейна [60], которого ранее уже цитировал Бельский в разделе своей хроники о московском народе. Видимо, он имел базельское издание 1517 г. и пользовался им уже в «*Descriptio Sarmatiae*». В «Польской хронике» из Герберштейна взяты некоторые детали сюжета о Михаиле Глинском, описание положения Пскова, о приключении некоего Перстинского, о битве под Оршей.

До описания событий 1548 г. Стрыйковский еще часто использовал известия Бельского, иногда дополняя его информацией Герберштейна. Кое-где привел собственные данные, например, что под Стародубом в 1535 г. взято 60 000 московских пленных [4. С. 398]; о Елизавете – первой жене Сигизмунда Августа [4. С. 400]; о нападении татар в 1527 г., отбитом гетманом Константином Острожским (называет имена литовских панов, число войск и потерь) [4. С. 394] и т.д.

История Руси у Стрыйковского начинается только в IV книге «О Белой и Черной Руси». На самом деле она не ограничивается отдельными разделами, разнообразными «русские» сведения раскиданы по всему тексту. Под Русью историк понимал древнюю Киевскую Русь, т.е. территории современных Белоруссии и Литвы, а не Великого княжества Московского, граничившего с ВКЛ.

В этой же книге он поместил раздел под названием «О стародавних церемониях или скорее безумствах русских, польских, жмудских, литовских, ливонских и прусских обывателей-идолопоклонников», где описал языческие верования древних литовцев, пруссов и в значительно меньшей степени русинов и поляков. На мой взгляд, сам факт размещения этого раздела в книге, имеющей подзаголовков «Верные и доказательные выводы всех славенских народов», не случаен. Историческая концепция Стрыйковского еще далеко не изучена. Подбор фактов, их интерпретация, порядок изложения в главных исторических сочинениях хрониста не сводятся только к хронологическому принципу, но призваны показать общность традиций и верований населения ВКЛ. Для данного раздела источником послужила «Хроника Прусской земли» Петра Дусбурга, которую Стрыйковский ввел в научный оборот, опубликовав в сокращенном виде в первом издании своей хроники (но упоминал уже в работе «О началах...», что получил ее от «виленского пана» А. Ротундуса) [6. С. 203]. Однако большая часть известий о язычестве была почерпнута хронистом во время его путешествий по Литве и Белоруссии, где действительно были еще живы пережитки древних верований, легенды и предания, на основе которых Стрыйковский реконструировал пантеон языческих богов [27. С. 202].

До настоящего момента кроме несовершенных работ Ю.И. Крашевского и Э. Пущинского не существует фундаментального критического исследования «Польской хроники» 1582 г.. Да и вряд ли он необходим в том виде, как это было принято в польской историографии XIX – начала XX в. Бесспорной заслугой Пущинского стал анализ известий польских хроник в сочинении М. Стрыйковского, однако он практически не обратил внимания на рукописные источники Стрыйковского. Мы не найдем у Пущинского конкретных ссылок на XVII том ПСРЛ,

w котором были опубликованы белорусско-литовские летописи, как, впрочем, и на другие тома этого издания. Есть упоминания о «Несторе» и «более поздних копиях Нестора» [54. S. 84]. Он привел слова Кромера о его летописных источниках: «Многие мужественные поступки, которые поляки совершали на Руси, они (летописи. – А.С.) замалчивают», и уточнил, что летописи, «видимо, не сильно отличались между собой в смысле содержания, и, что важнее, содержание их было достаточно убогим» [54. S. 114]. То есть исследователь явно недооценил восточнославянские летописные источники хроники Стрыйковского.

Пожалуй, сегодня можно утверждать, что после выхода в свет 32-го и 35-го томов ПСРЛ, а также после глубокого анализа летописных и иных источников Стрыйковского, появились основания для издания хроники Мацея Стрыйковского на белорусском (или любом другом) языке с тщательным научным аппаратом. Одновременно необходимо провести критический анализ других его сочинений с учетом всех его источников. На сегодняшний день еще недостаточно глубоко были исследованы хроники Меховиты, Ваповского, Деция, Кромера, а также хроники с территории ВКЛ и другие восточнославянские летописи, которыми пользовались польские хронисты. Успеха можно добиться путем выявления летописных источников в сочинениях Стрыйковского и их корреляции с дошедшими до нас сообщениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Starowski S.* Scriptorum Polonicorum Hekatonias, seu centum illustrium Poloniae scriptorum elogia et vitae. Frankfurt, 1625.
2. *Strykowski M.* Która przedtym nigdy światła nie widziała Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi... Królewiec, 1582.
3. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Wydanie nowe, będące dokładnem powtórzeniem wydania pierwotnego królewieckiego z roku 1582, poprzedzone wiadomością o życiu i pismach Strykowskiego przez Mikołaja Malinowskiego, oraz Rozprawą o latopiscach Ruskich przez Daniłowicza, pomnożone przedrukiem dzieł pomniejszych Strykowskiego według pierwotnych wydań. Warszawa, 1846. T. 1.
4. *Strykowski M.* Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i Wszystkiej Rusi Macieja Strykowskiego. Warszawa, 1846. T. II.
5. *Gwagnin A.* Sarmatiae Europae Descriptio. Cracoviae, 1578.
6. *Strykowski M.* O początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, zemojdzkiego i ruskiego, przedtym nigdy od żadnego ani kuszone, ani opisane, z natchnienia Bożego a uprzejmie pilnego doświadczenia. Opracowała J. Radziszewska. Państwowy Instytut Wydawniczy. Warszawa, 1978.
7. Переводная литература Московской Руси XIV–XVII веков. Библиографические материалы Академика А.И. Соболевского. СПб, 1903.
8. *Казакова Н.А.* Полные списки русского перевода «Хроники всего света» Мартина Бельского // Археографический ежегодник за 1980 год. М., 1981.
9. *Казакова Н.А.* Западная Европа в русской письменности XV–XVI веков. Из истории международных культурных связей России. Л., 1980.
10. *Пташыcki S.* Ruskie przekłady kronik Bielskiego i Strykowskiego // Pamiętnik Literacki. 1933. T. 30. Z. 1–4.
11. *Рогов А.И.* Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского // Археографический ежегодник за 1962 год (к 70-летию академика М.Н.Тихомирова). М., 1963.
12. *Radziszewska J.* Maciej Strykowski – historyk-poeta z epoki Odrodzenia. Katowice, 1978.
13. *Wojtkowiak Z.* Maciej Strykowski – dziejopis Wielkiego Księstwa Litewskiego: Kalendarium życia i działalności. Poznań, 1990.
14. *Bardach J.* Kronika Macieja Strykowskiego i jej rozpowszechnienie w Rosji // Przegląd Historyczny. 1967. № 2.
15. *Bardach J.* «Ryskun» i szpieg. Z dziejów służby wywiadowczej w Wielkim Księstwie Litewskim XVI stolecia // Zeszyty Naukowe WAP. Seria historyczna. 1967. № 15(48).
16. *Bardach J.* Maciej Strykowski i jego twórczość w świetle najnowszych badań // Studia z ustroju i prawa Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV–XVIII wieku. Warszawa, 1970.
17. *Bardach J.* Rec.: J. Radziszewska. Maciej Strykowski poeta-historyk z epoki Odrodzenia // Kwartalnik Historyczny. 1979. № 86/1.
18. *Budka W.* Do życiorysu Macieja Strykowskiego. Sprostowania i uzupełnienia // Ruch Literacki. 1969. T. X.

19. *Kulisiewicz W.* Maciej Strykowski – renesansowy dziejopis Litwy // *Studia Zródłoznawcze*. T. XXV (1981).
20. *Jablonskis K.* Zinute apie Motiejū Strykoviškį // *Archyvyne smulkenos. Praeitis*. Kaunas, 1933. T. II.
21. *Ptaszycki S.* Wiadomości bibliograficzne o rękopisie nieswieskim «Kroniki» M. Strykowskiego // *Pamiętnik Literacki*. Warszawa, 1903. Pok II.
22. *Sajkowski A.* Czytając Strykowskiego // *Pamiętnik Literacki*. T. 60 (1969). № 4; *Sajkowski A.* Nowe stryjkoviana // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. T. XXV (1981).
23. *Wojtkowiak Z.* Strykowski chyba nadal zagadkowy (w związku z pracą Julii Radziszewskiej, Maciej Strykowski – historyk-poeta z epoki Odrodzenia) // *Przegląd Historyczny*. № 1 (1980).
24. *Zaborskaite V.* Renesanso kultūros apraiskos M. Strykoviškio «Kronikoje» // *Lietuvos TSR Mosklos Akademijos Darbai*, seria A-2 (12). Vilnius, 1965.
25. *Семянчук А.* Мацей Стрыйкоўскі ў Вялікім княстве Літоўскім // *Спадчына*. 1995. № 1.
26. *Семянчук А.* Удзел Мацея Стрыйкоўскага ў Інфлянцкай вайне // *Castrum, urbs et bellum*. Баранавічы: 2002.
27. *Семенчук А.* Фольклорные традиции Великого Княжества Литовского в польских хрониках XVI века // *Senosios rastijos ir tautosakos saveika: kulturine Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės patirtis / Senoji Lietuvos literatūra*. 6 knyga. Vilnius, 1998.
28. *Семянчук А.* Ігнат Даніловіч як даследчык беларуска-літоўскіх летапісаў // *Białoruskie Zeszyty Historyczne*. Białystok, 1999. № 11.
29. *Рогов А.И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения. (Стрыйковский и его «Хроника»). М., 1966.
30. *Рогов А.И.* Стрыйковский и русская историография первой половины XVIII в. // *Источники и историография славянского Средневековья*. Сборник статей и материалов. М., 1967.
31. *Рогов А.И.* Основные особенности развития русско-польских культурных связей в эпоху Возрождения // *Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения*. М., 1976.
32. *Rogov A.I.* Maciej Strykowski i historiografia ukraińska XVII wieku // *Slavia Orientalis*. Warszawa, 1965. Roczник XIV. № 3.
33. *Улащик Н.Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания. М., 1985.
34. *Borek P.* Ruś w Kronice Macieja Strykowskiego // *Szlakami dawnej Ukrainy*. Kraków, 2002.
35. *Goleman W.* Wielkie Księstwo Litewskie i jego mieszkańcy w oczach Macieja Strykowskiego // *Uniwersalizm i regionalizm w kronikarstwie Europy środkowo-wschodniej. Średniowiecze – początek czasów nowożytnych*. Lublin, 1996.
36. *Kiaupiene J.* Lietuvos Didziosios Kunigaikštystės riterio vaizdinys Motiejaus Strykoviškio tekstuose // *Kulturu Sankirtos*. Vilnius, 2000.
37. *Narbutas S.* History of the Grand Duchy of Lithuania in the works Motiejus Strijkovskis // *Martynas Mažvydas and Old Lithuania (collection of papers)*. Vilnius, 1998.
38. *Толочко О.* Український переклад «Хронікі...» Мацея Стрыйковського з колекції О. Лазаревського та історіографічні пам'ятки XVII століття (Український Хронограф і «Сінопсис») // *Записки Наукового Товариства імені Шевченка*. 1996. Т. 221.
39. *Шабульдо Ф.* Мацей Стрыйковский как историк Синеводской битвы // *Kulturu Sankirtos*. Vilnius, 2000.
40. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Этногенетические легенды, догадки, протогипотезы XVI – начало XVIII века. СПб., 1996.
41. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представления об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. СПб., 1999.
42. *Карнаухов Д.* Мифологема происхождения восточных славян в интерпретации польской просвещенной элиты XVI века // *Вестник Евразии*. 2000. № 3; *Карнаухов Д.* Польский историк XVI в. Мацей Стрыйковский о происхождении восточных славян // *Российско-польский исторический альманах*. Ставрополь; Волгоград, 2006. Вып. 1.
43. *Нікалаеў М.* Палата кнігапісная. Рукапісная кніга на Беларусі ў X–XVIII ст. Мінск, 1993.
44. *De Scriptorum Poloniae et Prussiae historicorum... typis impressorum ac manuscriptorum in Bibliotheca Brauniana collectorum virtutibus et vitiis catalogus et iudicium*. Coloniae, 1723.
45. *Krawczyk A.* Inwentarz bibliograficzny w Kronice Maciej Strykowskiego // *Wspólnota pamięci. Studia z dziejów kultury ziem wschodnich dawnej Rzeczypospolitej*. Katowice, 2006.
46. *Daniłowicz I.* Latopisiec Litwy i Kronika Ruska, Wilno 1827.
47. *Semkowicz A.* Krytyczny rozbiór Dziejów polskich Jana Długosza do roku 1384. Kraków, 1887.
48. *Borzemski A.* Kronika Miechowity. Rozbiór krytyczny. Rozprawy AU Wydział Historyczno-Filozoficzny. 1891. T. XXVI.
49. *Finkel L.* Marcin Kromer historyk polski XVI wieku. Rozbiór krytyczny. Kraków, 1883.
50. *Lukas S.* Rozbiór podługoszowej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. Kraków, 1880.
51. *Kraszewski J.I.* Maciej Strykowski i jego Kronika // *Wizerunki i Rozzrąsania Nauk*. Poczet nowy drugi. 1839. T. 10.
52. *Barwiński E.* Z nieogłoszonych autografów J.I. Kraszewskiego // *Nowe Słowo polskie*. № 101 (1902).

53. *Kraszewski J.I.* Wilno od początków jego do roku 1750. Wilno, 1840. T. 1.
54. Biblioteka PAU i PAN. № 7978.
55. *Ptaszycki S.* Wiadomości bibliograficzne o rękopisie nieswieskim «Kroniki» M. Strykowskiego // Pamiętnik Literacki. Warszawa, 1903. Rok II.
56. Maciej z Miechowa. *Chronica Polonorum.* Cracoviae, 1521.
57. *Kromer M.* De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX. Bazilea, 1555, 1558, 1568.
58. *Bielski M.* Kronika wszystkiego świata. Kraków, 1551, 1554, 1564.
59. *Decii J.L.* De Sigismundi regis temporibus. Krakow, 1521; *Decii J.L.* De Sigismundi regis temporibus liber. Kraków, 1901 (Biblioteka pisarzy polskich).
60. *Herberstein J.* Rerum Moscoviticarum commentarii. Basilea, 1517.
61. *Herburt.* Chronica sive historiae Polonicae...descriptio. Kraków, 1571.
62. *Dymmel P.* Tradycja rękopiśmienna Roczników Jana Długosza. Warszawa, 1992.
63. Галицко-Волынская летопись. Текст. Комментарий. Исследование. СПб., 2005.
64. *Семянчук А.* Роля рымскай легенды ў фармаванні дзяржаўнай ідэалогіі Вялікага Княства Літоўскага // Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 2002. T. 18.
65. *Jana Długosza.* Roczniki czyli kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1974. Ks. 7.
66. *Jana Długosza.* Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. Warszawa, 1975. Ks. IX; Warszawa, 2009. Ks. X (1370–1405).
67. Kronika Polska Marcina Kromera Biskupa Warmińskiego. Księg XXX. Dotąd w trzech językach, a mianowicie w Łacińskim, Polskim i Niemieckim wydana, na język polski z łacińskiego przełożona przez Marcina z Błażowa Błażowskiego i wydana w Krakowie w drukarni M. Łoba r.1611. Sanok, 1857.
68. *Wapowski B.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego księstwa Litewskiego od roku 1380 do 1535. Wilno, 1847. T. 1.
69. *Chrzanowski J.* Marcin Bielski. Studium historyczno-literackie. Lwów; Warszawa, 1926. Wyd. II.
70. Kronika Polska Marcina Bielskiego. Nowo przez Joach.Bielskiego syna iego wydana. Cum gratia et priuilegio S.R.M. W Krakowie, w Drukarni Jakuba Sibeneychera. Roku Pańskiego 1597.
71. *Buczek K.* Maciej Miechowita i pisma historyczne J.L. Decjusza. Małopolskie Studia Historyczne. I. 1958. № 2.
72. Полное собрание русских летописей. М., 1907. Т. 17.
73. *Batura R.* Lietuvos metraciu legendines dalies ir M.Strijkovskio «Kronikos» istoriskumo klausimu. Lietuvos TSR Mosklu Akademijos Darbai. Vilnius, 1966. Seria A. T. 2 (21).
74. *Jucas M.* Lietuvos metraciai. Vilnius, 1968.
75. *Kuolys D.* Asmuo, Tauta, Valstybe Lietuvos Didziosios Kunigaikštystes istorineje literaturoje. Vilnius, 1992.
76. *Wojtkowiak Z.* «Starodawny historyk», «stary komentarzyk» – dwa zapomniane źródła Strykowskiego // *Mente et litteris.* O kulturze i społeczeństwie wieków średnich. Poznań, 1984.
77. *Pawlikowska W.* Kanonik Wojciech Grabowski z Sierpca – zapoznana postać szesnastowiecznego Krakowa i Wilna // *Lituano-Slavica Posnaniensia.* 2005. T. 11.
78. *Radziszewska J.* Maciej Strykowski a latopis Bychowca // *Sprawozdania z posiedzeń naukowych PAN w Krakowie XII (1967).* Kraków, 1969.
79. «Русская хроника» Стрыйковского // *Вестник Московского Университета 2. М., 1993. Серия 8: История.*
80. Księga pamiątkowa Koła Historyków słuchaczy Uniwersytetu Stefana Batorego w Wilnie 1923–1933. Wilno, 1933.



© 2014 г. Л. И. САЗОНОВА

«ОРЕЛ РОССИЙСКИЙ» СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОЭМЫ

Впервые анализируется не известный ранее список государственно-панегирической поэмы «Орел Российский» (1667) Симеона Полоцкого, написанной по случаю официального объявления наследником престола царевича Алексея Алексеевича. Как показывает текстологическое сопоставление названного списка с подносной рукописью, он представляет собой первоначальный текст произведения, что определяет его особое значение для изучения истории создания поэмы.

The article is a pioneering analysis of a previously unknown manuscript copy of the state-panegyric poem «The Eagle of Russia» (1667) by Simeon Polockij, written on the occasion of the official proclamation of Tsarevitch Alexei Alexeyevich as a successor to the Russian throne. The textual comparison of three copies containing the poem testifies that the text of the found manuscript is initial. This fact determines particular importance of this manuscript under scrutiny for the study of the history of the poem.

Ключевые слова: подносная рукопись, текстология списков, конъюнктурная правка, придворный церемониал, придворная литература.

1 сентября 1667 г., в первый день «нового лета», в России состоялось событие государственной важности – сын царя Алексея Михайловича 13-летний царевич Алексей (1654–1670) был официально объявлен наследником престола. Сохранился документ (чин) с подробным описанием придворной церемонии, см. [1. С. 691–696. № 415]. К этому случаю придворный поэт Симеон Полоцкий написал государственно-панегирическую, геральдико-эмблематическую поэму «Орел Российский», опирающуюся на символику государственного герба – Двуглавого Орла.

До последнего времени исследователи оперировали только двумя ее списками, давно и хорошо известными в науке. Один из них – подносная рукопись произведения, хранящаяся в БАН, в книжном собрании Петра Великого [2]. Другой список находится в Историческом музее в составе «Рифмологиона» (1680) [3. Л. 439–465], куда «Орел Российский» включен наряду с другими произведениями придворно-церемониальной поэзии, связанными с разными аспектами жизни царского двора. Вопрос о соотношении названных списков никогда не ставился.

В процессе работы с рукописным наследием Симеона Полоцкого нам удалось выявить еще один – третий – список поэмы «Орел Российский», являющийся по отношению к подносной рукописи более ранним и представляющим по существу первоначальный текст произведения, что определяет его особое значение. Новонайденный список читается в сборнике РГАДА [4. Л. 56–89об.] наряду с другими

Сазонова Лидия Ивановна – д-р филол. наук, главный научный сотрудник Института мировой литературы РАН.

сочинениями Симеона, представленными в автографах и в списках на латинском, польском, старобелорусском и церковнославянском языках. Бумага рукописи датируется 1649–1653 гг. (водяной знак: Serpent [5. I № 926. P. 153; II. P. 187]). На л. I – запись круглящимся полууставом последней четверти XVII в.: «Книга вирши написаны на латинском языкѣ и по бѣлоруски»; на первом листе: «Liber miscellaneorum alias regum memorabilium» («Книга разных записей или памятных событий»). Первоначально сборник принадлежал Игнатию Иевлевичу [6. С. 130], затем – Симеону Полоцкому. В кратком обзоре содержания данной рукописи имеется лишь беглое упоминание: «тут змешчаны списы двух добра вядомых даследчыкам кніг Симяона Полацакага – “Книжица приветственная” и “Орел Российский”» [7. С. 66].

Текст «Орла Российского» написан в рукописи РГАДА аккуратной южнорусской скорописью. Полностью представлена многосоставная композиция произведения, объединяющего в стиле барокко искусство слова и изображения, текст и зрительный ряд живописных образов. Использована киноварь, подчеркивающая семантические связи внутри текста, ею написано стихотворение в форме сердца, имена адресатов, заглавия разделов и частей произведения, инициалы. Список, предназначавшийся, по-видимому, для того, чтобы послужить исходным материалом при подготовке подносной рукописи, можно было бы назвать беловым, если бы не внесенная в него в разное время правка Симеона, отразившаяся на нескольких этапах работы над произведением и учтенная впоследствии в «Рифмологионе». Будем называть список РГАДА *рабочей рукописью/оригиналом*, учитывая, что до сих пор автограф сочинения неизвестен. Здесь на титульном листе рукой Симеона вписана дата: «В лѣто 7176 месяца септемвриа в 1 день».

Если бы мы не располагали данной рукописью, то причины появления в подносном списке «Орла Российского» четырех вклеенных листов (7-го, 9-го, 22-го, 52-го), а также исправлений отдельных букв и слов (выполненных, впрочем, аккуратно и почти незаметных) оставались бы непонятны, и мы не получили бы возможность реконструировать историю создания произведения.

Обращает на себя внимание прежде всего важнейшая *конъюнктурная правка*, без которой было бы невозможно поднести царю Алексею Михайловичу парадный список «книги» «Орел Российский».

За несколько дней до государственного торжества, 27 августа, родился царевич Иван. Возникла в этой связи острая необходимость пополнить его именем перечень членов царской семьи, упоминаемых в произведении, что являлось обязательным элементом придворно-церемониальной поэзии. Всем поименованным здравствующим лицам царского рода поэт шлет благопожелания в концовке похвальной речи («Енкомион»), предваряющей текст поэмы. Сначала в рабочей рукописи появилось дополнение, написанное Симеоном латиницей между строк: «Włahowiernomu H̄dru Carewicziu j Welikomu Kniaziu Joannu Alexieiewicziu» [4. Л. 61]. Латиница, похоже, не представляла проблемы для образованного переписчика, и эта правка была перенесена в подносную рукопись уже кириллицей («...благовѣрному Государю нашему Царевичю и Великому Князю Иоанну Алексиевичю» [2. Л. 9 об.]). Однако для вставки дополнительных строк потребовалось заменить лист. Девятый лист рукописи с первоначальным перечнем царских имен был вырезан, а к оставшейся от него полоске бумаги подклеен новый. Переписчику пришлось более плотно сжать текст на предыдущей странице (л. 9), чтобы разместить добавленную автором фразу.

Сложнее оказалось внести необходимую конъюнктурную правку в стихотворение, извивающиеся строки которого образуют фигуру сердца. Здесь также упоминаются все члены царской семьи. Чтобы пополнить их перечень именем новорожденного царевича, пришлось подчистить прежний текст – убрать из первоначального варианта три слова («много лѣт щасте») и над зачеркнутым текстом

поэт вписал между строк: «Иоанну даждь». Было: «Дажд многа лѣта младу Алексию, / Дажд Феодору, дажд и Симеону / много лѣт шасте с горнего Сиону...»; стало: «Дажд многа лѣта младу Алексию... / Иоанну даждь с горнего Сиону...» [4. Л. 84об.]. Вставка «Иоанну даждь», написанная в рабочей рукописи чернилами, контрастно выделяется на фоне фигурного стихотворения, выполненного киноварью. В подносной рукописи слова «Дажд Иоанну» написаны поверх стертого текста [2. Л. 46] – явное свидетельство того, что правка внесена на последней стадии работы, накануне вручения «книги» царю.

Можно, таким образом, с точностью до одной недели локализовать время внесения в парадную рукопись отмеченных исправлений. Новорожденный царевич был крещен во имя Иоанна Предтечи, чей день памяти отмечается 29 августа, а 7 сентября в Грановитой палате был устроен праздничный обед по случаю всенародного провозглашения царевича Алексея наследником престола. Среди официальных лиц почетное место занимал и Симеон. В «Дневальных записках приказа Тайных дел» отмечено: «В Грановитой же от государева места по левую сторону сидел в особом столе учитель старец Симеон» [8. С. 253]. По-видимому, во время торжественного приема он поднес царю Алексею Михайловичу «книгу» «Орел Российский» и произнес орацию. В рабочей рукописи сохранилась специально подготовленная для этого случая «Рѣчь до пресвѣтлаго царскаго величества при вручении книги Орла Россійска» [4. Л. 56–56об.]. Прецедент уже имелся: двумя годами ранее, поздравляя царя Алексея Михайловича с рождением царевича Симеона, поэт подарил ему стихотворно-зрелищную композицию – «книжицу» «Благопривѣтствование» (1665), сопроводив процедуру ее подношения «Рѣчью при вручении книжицы сея привѣтственные...» [3. Л. 432–434].

Лично произнесенная Симеоном «Рѣчь... при вручении книги Орла Россійска» является частью придворной церемонии, но не самого произведения, поэтому она не вошла в подносной список. Уже 16 сентября Симеон «получил в награду атласную соболью шубу» за то, что «[...] во 176 году Сентября в 7 день был у великаго государя у стола в Грановитой Полате и великому государю говорил речь» [9. С. 187].

Наличие в подносной рукописи вклеенного 9-го листа и отмеченной правки в фигуре стихотворного сердца свидетельствует о том, что отдельно переплетенный и великолепно оформленный парадный список готовился для подарка царю заблаговременно, по-видимому, вскоре после того, как стало известно о предстоящем мероприятии, еще до рождения царевича Ивана. От момента крещения царского младенца до акта подношения «Орла Россійскаго» царю оставалась примерно одна неделя – слишком короткий срок, чтобы изготовить новую «книгу», представляющую собой сложную многосоставную, синтетическую композицию, объединившую текст, живописные изображения, фигурное стихотворение и стихи в жанре искусственной поэзии (*poesis artificiosa*). Поэтому в подносной рукописи пришлось ограничиться подчистками и внесением правки в уже готовый текст.

Есть и другие примеры, свидетельствующие о том, что Симеон Полоцкий продолжил *редактирование поэмы в рабочей рукописи уже и после создания подносной «книги»*, с чем связаны последующие исправления в последней. В обеих рукописях нашла отражение разного рода правка – смысловая, лексическая, грамматическая, стилистическая, синтаксическая.

Замена седьмого листа объясняется тем, что несколько чтений в оригинале Симеон изменил уже после того, как соответствующий фрагмент был переписан в подносную рукопись. В первоначальном варианте, развивая метафору Царь – солнце, он пишет о «безчисленном множествѣ добродѣяний» государя, превышающих число «каплѣ дождевных, пѣска воскраи моря лежаща, власов твари всея, листвя древнаго и трав селных множшее всея числительнаго хитрости художества». В результате правки вместо общих рассуждений появилась более определенная

характеристика монарха, щедро изливающего свои «благодѣтельства» на всякого сана и возраста людей не только своей державы, но и прибывающих из других стран. Есть и еще несколько мелких исправлений в оригинале, относящихся к тексту, зафиксированному в подносном списке на седьмом листе и его обороте. В результате правки объем текста увеличился примерно на 200 знаков. Чтобы его разместить, пришлось немного расширить обрамляющую текст линейную рамку и применить более мелкое письмо, при этом количество строк сократилось с 20 (как на других листах «Енкомиона») до 19. Последние две строки на обороте седьмого листа написаны более плотно, заметно, что они подгонялись под текст, расположенный на следующем листе.

Необходимость замены в подносной рукописи 22-го листа возникла вследствие того, что автор отредактировал в первоначальном списке строки: «З невѣстоу глагол дая, / в Пѣснех Пѣсней *востѣвая*»: Церковнославянские причастные формы «глаголюще», «воспоюще» [4. Л. 69об.] заменены на деепричастные, более свойственные разговорному языку: «глагол дая» и «востѣвая». Кроме того, в подносной рукописи вместо предлога «З» (белорусизм: «З невѣстоу») читается «С». Чтобы избежать в подарочном экземпляре помарок (подчисток), связанных подряд с тремя исправлениями, пришлось вклеить в рукопись набело переписанный лист.

О зависимости подносной рукописи от рабочей свидетельствуют и другие примеры лексико-грамматической правки. Так, в предложении «Днесь видя сына отцем проявленна» [2. Л. 15] на месте деепричастия «видя», написанного по стертому, читалось первоначально в соответствии с оригиналом причастие «зряще». Симеон, однако, зачеркнул в рабочей рукописи этот церковнославянизм и латиницей вписал над строкой свойственное разговорному языку деепричастие «widia» [4. Л. 64об.], которое было передано в подносном списке кириллицей.

Автор продолжил данную линию правки, направленной на замену церковнославянских форм причастия деепричастиями. Во фразе: «Ты, здѣ услышав глас, тому подобный» [2. Л. 15об.] последние буквы деепричастия «услышав» написаны по стертому, поскольку в рабочей рукописи «услышав» исправлено из «услышаще». Аналогично в обороте «Славословствуя величество Его» [2. Л. 46об.] – последние пять букв написаны поверх стертого окончания причастия «Славословяще», которое первоначально читалось в оригинале и затем было преобразовано в форму «Славословствуя». В предложении «Закон подая, Богом нам преданный» [2. Л. 43] деепричастие «подая» исправлено в подносной рукописи из «подаваше» после того, как эта правка появилась в рабочей рукописи [4. Л. 82об.]. Во фразе «И егда к Богу молитвы ты дѣя» словосочетание «молитвы ты дѣя» написано в подносной рукописи [2. Л. 44] на месте стертого причастия «творяще» – в согласии с правкой, внесенной автором в оригинал [4. Л. 83об.]. «Молити, да бы изволил щадити» [2. Л. 32об.] – глагол «Молити» исправлен из формы причастия «Моляще» сначала в оригинале [4. Л. 75об.], а затем в подносном списке; в строках: «... Тако ты сотворив, / Свѣте наш, душу чистую сохранив...» [2. Л. 37об.] деепричастия «сотворив» и «сохранив» исправлены из форм «сотворивше» и «сохранивше» [4. Л. 79].

На тесную связь подносного списка и рабочей рукописи указывает еще один слой авторской правки, относящейся к более раннему этапу работы над поэмой, – это *исправления, внесенные Симеоном в текст до создания подарочной книги* и потому отразившиеся в ней без каких-либо внешних примет редактирования (без подчисток и исправлений). Уже тогда началась проводимая Симеоном замена в ряде случаев причастных форм деепричастиями. В предложении «Вложив ты камень вѣры между ними» первые два слова написаны автором в рабочей рукописи над зачеркнутыми в строке вариантами «вложивше»/«вложивши» [4. Л. 77об.].

Аналогично: «Солнце истинну в себѣ образует, / равно всѣм свѣтя, лиц не приимствует» – «свѣтя» исправлено из «свѣтяще» [4. Л. 79об.].

В стихах, звучащих от лица Аполлона, о великой славе России, воспеть которую не под силу ни богам, ни мудрецам античного мира, Симеон исправил ошибку в строке, где первоначально читалось: «И Афродита едва здѣ довлѣет» [4. Л. 72]. Однако высокому героико-панегирическому пафосу контекста имя греческой богини любви и красоты не вполне соответствовало, и Симеон заменил Афродиту на Афину. Над зачеркнутым «И Афродита» он вписал: «Сама Афина». Дева-воительница, богиня мудрости, искусств, покровительница наук, ума, изобретательности оказалась здесь более уместной, ею открывается перечень великих имен античного мира, созерцающих «славу» второго Солнца России – царевича Алексея.

Рассуждая в «Енкомионе» о правителях, победенных страстями, Симеон привел примеры пагубного их поведения и после фрагмента, посвященного царю Навуходоносору («Покори древле преславный во скипетродержавцех премногия земли своей десници Навуходоносор Цар, но сам гордости и кичения страсти лютѣ подчинися и раб бѣ»), вычеркнул строки: «Побѣдил царствующий во пророцех[Давид] пирг он плотяный, прегордаго щуда, злохулна Голиафа. Цар же быв, многия одолѣ роды, но сам от прелюбодѣйных побѣжден бысть страстей» [4. Л. 59]. Соответственно этот текст не вошел в подносной список.

Во фразе «А Сампсон, на скимна сильный и на крѣпкия полки, бысть безсилен во борбѣ со страстьми» применена синтаксическая правка – цифрами обозначена перестановка слов [4. Л. 59об.], что учтено в подносной рукописи, стало: «А Сампсон на скимна и на крѣпкия полки сильный...» [2. Л. 6–6об.]. В предложении «Ты же сам един, яко Солнце, доволен явился еси предуставлению божественному [...]» слово «предуставлению» вписано в рабочей рукописи над строкой вместо зачеркнутого «предвидению» [4. Л. 60]. Заметной правке подверглись в рабочей рукописи заключительные строки поэмы, содержащие ключ к разгадке имени ее автора: «[...] третѣ на пред, чин букв соблюдая, / таит порекло, міру мертв ся зная». Односложное существительное «букв» вписано вместо зачеркнутого в строке двусложного «писмен», что сделано ради соблюдения стихотворного размера – 11-сложника; деепричастие «соблюдая» заменило собою причастие «соблюдуще». Далее наблюдается взаимообусловленная правка слов в строке, которая первоначально выглядела так: «таит порекло, мирови мертв суще»; Симеон добавил в конце ее деепричастие «зная» и поверх двусложного причастия «суще» написал частицу «ся», получилось трехсложное сочетание – «ся зная», соответственно для соблюдения необходимого размера потребовалось сократить строку на один слог, что и было достигнуто заменой трехсложного «мирови» двусложным «міру» [4. 89об.]. В парадную книгу текст был переписан с учетом исправлений, внесенных автором в рабочую рукопись.

Текстологическое сопоставление обнаруживает в подарочном экземпляре также *правку, отменяющую чтения оригинала*. Имя библейского героя, написанное в форме «Голоферна» [4. Л. 76об.], исправлено в подносном списке на «Олоферна»: «Но Бог, в любви сый, даде побѣдити / ей Олоферна и обезглавити» [2. Л. 33об.]. В строке «Убо на степень Близначов вступиши» [2. Л. 34] название знака зодиака сначала передано вслед за оригиналом – «Близначов» [4. Л. 75об.], затем в это существительное была вставлена буква «е», превратившая слово в трехсложное, что в свою очередь потребовало в целях восстановления изосиллабизма преобразования четырехсложного глагола «вступиши» в трехсложное «въступиши» [2. Л. 34]. В строке «Солнце истинну в себѣ образует, / равно всѣм свѣтя, лиц не приимствует» [2. Л. 46] употребление деепричастия «свѣтя» вместо причастия «свѣтяще» не только отвечало отмеченной редакторской тенденции к замене причастных форм деепричастиями, но и позволяло выдержать размер 11-сложника.

Кроме правки, перешедшей на разных этапах редактирования текста из рабочей рукописи в подносную, последняя содержит несколько *индивидуальных чтений*, возникших, по-видимому, в результате работы редактора-переписчика. Заметна тенденция к приведению текста к книжной норме. Проведена грамматическая правка: в предложении «Ногама скиптри царския держиши» форма двойственного числа «Ногама» [2. Л. 10об.], грамматически в данном случае более оправданная, исправлена из формы множественного «Ногами» [4. Л. 61об.]. В стихах «Ликуй, Россіо, сарматское племя» [2. Л. 16об.], вместо «Россіа», как в оригинале [4. Л. 65об.], употреблено обращение в звательной форме «Россіо». Внесены коррективы в синтаксическое согласование: «требѣ ти будут стрѣлы и мирскіе» [2. Л. 41об.], глагол «будут», как согласующийся с существительным во множественном числе «стрѣлы», исправлен из первоначально употребленной в оригинале формы «будет» [4. Л. 81об.]. В предложении «Звѣры ли хошет в звѣринцѣ стрѣляти» окончание местного падежа существительного «в звѣринцѣ» [2. Л. 41] написано по стертому слову «звѣринцу», представленному в оригинале [4. Л. 81об.].

Кроме отмеченного ранее перевода грамматических форм из церковнославянского регистра в русский, есть в подносной рукописи примеры обратного перехода – из разговорного языка в церковнославянский: вместо местоимения «Я», читающегося в оригинале [4. Л. 85], в подносной рукописи написано церковнославянское «Аз»: «Аз токмо сердце едино люблю» [2. Л. 47]; вместо глагольной формы «хочет» [4. Л. 66] – «хошет»: «[...] что Орел в солнцѣ хошет знаменати» [2. Л. 17об.]. Введены, таким образом, элементы, маркирующие высокий торжественный стиль.

Чтения, отличные от оригинала, наблюдаются в подносной рукописи также в рамках использования такого риторического средства, как «поэтические вольности», позволяющие восстановить некоторые стихотворные строки по норме изосиллабизма [10. С. 194–202]. Для соблюдения 11-сложного размера лишний слог был устранен путем замены четырехсложной формы прилагательного «чловѣчем» трехсложной «чловѣчем»: «В лицѣ чловѣчем лестцы ся являют» [2. Л. 40об.]. С той же целью в стихах «Что есть солнце небу, то скиптродержатель / царству и всяк стран своих обладатель» [2. Л. 19об.] предпочтение отдано двусложному существительному «царству» перед трехсложным существительным «царьствию», представленным в оригинале. В строке «Тѣм здравства ему цѣло усердствую» [2. Л. 46] после местоимения «Тѣм» опущена частица «же», что позволило восстановить 11-сложник. Недостающий для соблюдения изосиллабизма слог восполнен в стихе «Ты же, о Солнце проявленно ново» [2. Л. 21об.] добавлением приставки «про-» к первоначальному чтению «явленно», стало: «проявленно».

Примечательно расхождение чтений оригинала и подносной рукописи в тексте, где речь идет о том, что через почитание сына почитается и его отец: «Вси ся во сынѣ отцу покланяйте, / вѣроу рабство свое утвержайте» [2. Л. 15об.]; в рабочей рукописи вместо «рабство» написано «храбрство» [4. Л. 65], что явно не согласуется с контекстом. Автору или редактору-переписчику пришлось устранить смысловое несоответствие и найти другое слово, однако тоже двусложное, чтобы сохранить стихотворный размер, так появилось существительное «рабство», выступающее здесь в окказиональном значении покорности.

Описывая предстоящий царевичу Алексею путь через созвездие Льва, поэт, любящий обыгрывать разные понятия, имеющие, однако сходные именованья, упоминает и геральдического Льва, желая царскому сыну победить «Лва желтополска, вѣнцем увязенна, / твоим предѣлом при мори сближенна» [2. Л. 35об.]. Переписчик подносной рукописи допустил ошибку, написав «желтополска». В оригинале же – правильное чтение: «желтополна» [4. 77об.]. Под «Львом жел-

тополным» имеется в виду герб Швеции с изображением золотого коронованного льва. Царевич Алексей получает, таким образом, напутствие одержать победу над Швецией, с которой его отцом царем Алексеем Михайловичем велась война «при мори» – в Прибалтике. Переписчик, стремясь прояснить непонятное для него слово «желтополна», написал «желтополска», – определение, содержащее ассоциативную отсылку к Польше. Как раз к моменту создания «Орла Российского» завершился военный конфликт между Россией и Речью Посполитой за контроль над западнорусскими землями, и готовилось подписание перемирия. Преобразовано написание имени Аполлона: вместо «Апеллоне» [4. Л. 66] стало: «Аполлоне» [2. Л. 17об.].

Непосредственно в процессе технического изготовления подарочной книги появились коррективы, потребовавшие замены 52-го листа, на обороте которого читается анаграмматическая эпиграмма «Анаграмма 5». Предыдущие четыре «Анаграммы» имеют меньший объем – от 12 до 18 строк, и каждая занимает в подносной рукописи отдельную страницу. «Анаграмма 5» – более пространный и состоит в оригинале из 22 строк. По-видимому, в процессе ее переписки из рабочей рукописи в подносную стало очевидно, что на одной странице [2. Л. 52об.] она не помещается. Поскольку следующий лист предназначался уже для другого композиционного элемента поэмы – стихов, посвященных Музам, то создателям рукописи, чтобы ограничиться отведенным пространством, пришлось пожертвовать четырьмя строками эпиграммы. Однако сокращение произведено не механически: из соответствующих мест «Анаграммы 5» изъято по две строки (в рабочей рукописи эти строки 5–6 и 15–16 не вычеркнуты) [4. Л. 89], но они остались на своем месте в рукописи «Рифмологиона». В подносную рукопись был вклеен взамен прежнего другой лист с заново написанными текстами, расположенными на 52-м листе («Анаграмма 4» и «Анаграмма 5»). Таким образом, само расположение текста на листах парадной рукописи выполняет, наряду с разными уровнями многосоставной композиции произведения, структурообразующую роль.

Итак, текст «Орла Российского», каким он представлен в подносной рукописи, учитывает несколько слоев авторской правки, внесенной на разных этапах создания произведения: 1) редактирование поэмы еще до изготовления подносной книги; 2) правка уже готового, переписанного в нее текста, вызванная появлением дополнительных исправлений в оригинале; 3) коррективы, появившиеся в процессе технического изготовления парадного списка; 4) заключительная стадия – конъюнктурная правка текста накануне вручения царю Алексею Михайловичу подарочной «книги».

Текст поэмы, представленный в рабочей рукописи Симеона, является исходным как для подарочного экземпляра, так и для списка в «Рифмологионе». Именно с ней, а не с подносной книгой, которая перешла в царскую библиотеку, имел дело в 1680 г. переписчик, внося «Орла Российского» в последний стихотворный компендиум поэта: прослеживается прямая зависимость как в тексте, так и в оформлении произведения. Вслед за рабочей рукописью [4. Л. 56–56об.] список из «Рифмологиона» воспроизводит «Речь до пресветлаго царского величества при вручении книги Орла Российска» [3. Л. 437–438об.], которая, как мы уже отметили, отсутствует в парадном экземпляре.

Вместе с тем списки поэмы позволяют наблюдать динамику отдельных языковых признаков. Так, вслед за рабочей рукописью подносная последовательно воспроизводит свойственные языку произведения белорусизмы, в частности твердое произношение звука «р» в слове «Царь», которое почти всегда написано в рукописи с буквой «ер» на конце (лишь в крайне редких случаях «ер» исправлен на «ерь» в обеих рукописях, как, например, в начале «Енкомииона»: «Благовѣрный и Богом хранимый Государь Царь»). В списке же из «Рифмологиона», созданном спустя 13 лет, последовательно пишется «Царь».

В одном из элементов композиции произведения рабочая рукопись отличается от подносной, но знаменательно совпадает с поздним списком в «Рифмологионе». Речь идет о стихотворных посвящениях под названиями «Афиеросис 1» (его текст и прочтение приведены: [11. С. 144; 12. Р. 53]) и «Афиеросис 2» (его текст и прочтение приведены: [13. Р. 397; 12. Р. 53–54]). В соответствии с полным заглавием произведения «Орел Российский... Государю Царю и Великому князю Алексею Михайловичю... и... его царскому сыну Государю нашему Царевичу и Великому Князю Алексею Алексиевичю» «книга» имеет двойное посвящение: «Афиеросис 1» приветствует царя Алексея Михайловича, второе стихотворение «Афиеросис 2» обращено к юному царевичу Алексею. «Един сей дар двома, яко отец со сыном едино любовию еста», – как сказано в «Рѣчи... при вручении книги Орла Российска» [4. Л. 56об.].

Первоначально эти тексты занимали место в последней части поэмы, где были объединены вместе с другими стихами, относящимися к жанру *carmina curiosa*: диалог (*carmen echicum*) «Фаeton и Их», «Акростихис», «Программа – Анаграмма» [4. Л. 87–87об.]. Композиции оригинала следует и список «Рифмологиона». Однако в подарочном экземпляре «Афиеросис 1» и «Афиеросис 2» знаменательно выдвинуты в самое начало произведения и помещены непосредственно после эпиграфов [2. Л. 3–3об.]. Эти стихи из разряда искусственной, курьезной поэзии, рассчитанные на рассматривание и расшифровку текста, призваны были вызвать у высокого адресата чувство восхищенного удивления и изумления.

Зрительный ряд поэмы включает живописные изображения в красках, с золотом: венценосный двуглавый орел со скипетром и мечем, на фоне солнца, испускающего сорок восемь лучей добродетелей, зодиакальный круг и кроме того еще 12 миниатюр, по отдельности, символизирующих знаки зодиака, а также фигурное стихотворение в форме сердца. В полном составе все они представлены в подносной рукописи, придавая ей эстетическую привлекательность, красоту и величелие, торжественность и репрезентативность. О.А. Белоброва обратила внимание на то, что в зодиакальном круге символы знаков зодиака расположены «не по часовой стрелке, а против нее (в то время как в тексте порядок следования фигур зодиакального пояса обычный)» [14. С. 76]. Можно указать на прямой источник такого изображения (л. 28 об.) – это гравюра из киевского издания панегирика Петру Могиле «Мнемозина славы» А. Тышкевича [15], имевшегося в библиотеке Симеона Полоцкого [16], см. также [17. Р. 145–146].

В рабочей рукописи и в списке из «Рифмологиона» зрительный ряд также представлен, но не имеет парадного оформления. Картинка к эмблеме с девизом «Во солнцѣ положи селение свое...» представляет собой набросок рисунка солнца (чернилами), а в солнечном круге, в отличие от подносной рукописи, где изображен Орел, приведена надпись: «Здѣ Орел двоглавый с скипетром и с мечем изобразися» [4. Л. 65об.; 3. Л. 446]. Зодиакальный пояс, нарисованный чернилами, заполнен не фигурками людей и животных, но условными символами знаков зодиака [4. Л. 73; 3. Л. 451об.]. Стихотворениям зодиакального цикла предшествуют также условные, а не фигурные символы знаков зодиака с названиями «Овен», «Телец», «Близнецы», «Рак», «Лев» и т.д. Исключение составляет лишь наклеенная в рабочей рукописи [4. Л. 73 об.] картинка, взятая из печатного издания того времени с изображением Агнца. Заметим, что в подносной рукописи рисунок Овна ее в точности копирует. Во всех трех рукописях киноварь использована как декоративный и одновременно семантически значимый элемент.

Поэма «Орел Российский», существовавшая только в рукописном виде, ушла с культурного горизонта читателя почти на 250 лет, и ее публикация впервые увидела свет только в 1915 г. [18]. Это до сих пор единственное издание стало для своего времени определенным достижением. Подготовленное в связи с 300-летием Дома Романовых, оно выполнило важную историко-культурную задачу, введя в науч-

ный обиход и в читательский кругозор новый литературный памятник из истории русской культуры XVII в. Однако издание это не является ни факсимильным, ни научно-критическим. Текст «Орла Российского» набран в нем кириллицей, стилизованной под старопечатный шрифт, с сохранением титла и выносных букв (напечатанных к тому же мелко до неразличимости), что затрудняет знакомство с произведением читателя-неспециалиста. Во «Введении» содержится ошибочное утверждение, что рукопись «Рифмологиона» представляет собою «автограф» [18. С. I]. Такое мнение укрепилось в науке вплоть до нашего времени¹. При передаче текста допущены неточности. Не учтены, естественно, чтения более ранней, рабочей рукописи Симеона, с которой произведение было переписано и в подносную «книгу», и в «Рифмологион», поскольку она осталась, как мы уже отметили, неизвестной исследователям вплоть до последнего времени.

Учитывая сказанное, необходимо констатировать, что государственно-панегирическая поэма «Орел Российский» нуждается в специальном научном исследовании и академическом научно-критическом издании, выполненном на современном текстологическом уровне.

Исследователи не могли пройти мимо этой впечатляющей поэмы (см. [11. С. 128, 137–140; 21. С. 346–348; 22. Р. 177–179; 23. Р. 45–48; 24. S. 107–115]). Но все же некоторые ее места остались непроясненными. Один из вопросов имеет отношение к античному реквизиту произведения. В «Орле Российском» во всем блеске проявилась антично-мифологическая эрудиция Симеона. Античность, выходящая здесь как культурная условность, использована в качестве источника поэтической разработки панегирической темы. Орла Российского – «Царя-Солнце» прославляют Аполлон и Музы. Разговор с музами – традиционный прием барочной поэтики XVII в. Однако под пером Симеона он существенно обновился, что особенно заметно при сравнении с предшествующим художественным опытом. В панегирике «Евхаристирион» (1632) Софрония Почаского парнасские Музы льют приветственные славословия митрополиту Петру Могиле, основателю Киево-Могилянской коллегии. Среди них есть и Мельпомена, муза «віршов смутних і жалобних», менее всего соответствующих панегирическо-поздравительной тональности сочинения, поэтому автор, напутствуя Мельпомену, дает ей совет отменить печальные стихи, «лямент» претворить в веселие и не портить плачем светлый день: «Час, Музо, жалость віршов смутних одмінити, / Час з ляменту веселле юж ти учинити. Мельпомене, зостав юж срогкі жалоби, / Не псуй плачем дня того світлої оздоби» [25. С. 251].

В «Орле Российском» муз, как и положено, девять (Урания, Клио, Евтерпи, Калиопия, Ерато, Терпомени, Талия, Терпсихора, Полиимния). Однако, бросается в глаза отсутствие музы Мельмопены и появление на ее месте неизвестной древнегреческому пантеону богов музыки «Терпомени». Комментируя слова античного мира в поэме, первый издатель ее Н.А. Смирнов сделал предположение: «[...] может быть, – Мельпомена, муза поэзии?» [18. С. XVIII]. И.П. Еремин обе эти фигуры отождествил: «[...] “Терпомени” (Мельпомена) [...]» [21. С. 347]. Мельпомена, муза трагедии и печальной песни, диссонировала бы с контекстом праздничного, торжественного панегирика, поэтому автор обошелся без ее услуг, но чтобы не разрушить единство и целостность круга из девяти муз, поставил на ее место новоизобретенную музу, имя которой «Терпомени» образовано по той же модели, что и Мельпомена: Μελλομένη ‘Поющая’ от глагола μέλλω – петь. «Терпомени» представляет собой искусственно созданное слово от греческого глагола τέρω – ‘радовать’, ‘услаждать’, ‘веселить’: Τερπομένη ‘Радующаяся’, ‘Услаждающая’.

¹ См., например, утверждение: «Рифмологион» «дошел в черновом автографе» [19. С. 538]. На самом же деле книга придворно-церемониальной поэзии «Рифмологион» написана семью чередующимися почерками (см. [20. С. 42. Примеч. 1.]) и дошла в единственном списке, с правкой и пометами самого Симеона и Сильвестра Медведея.

Так, в хор поздравительных речей влился ликующий голос появившейся на свет новой музыки – музыки радости и веселья Терпомени.

В поэме «Орел Российский» нашли выражение гражданский пафос, вера в творческую мощь державы. Мажорную тональность определяют восклицания: «Ликуй, Россю, сарматское племя, / радуйся, Москва, Афетово сѣмя». В этих строках нашло отражение утвердившееся в историографии XVII в. представление о происхождении Московского государства от Мосоха, сына Афета, которому Ной заповедал населить Европу. Москва объявляется европейской прародиной всех славянских народов. Теория «Мосох–Москва» основывалась на символическом созвучии этих слов и стремлении историографов вывести славян из библейской древности. Решающим же фактором образования этой теории стала, по словам А.Н. Робинсона, «сама эпоха, когда Западная Европа внезапно увидела на своих восточных окраинах вместо порабожденной татарами страны быстро возмужавшую огромную империю во главе с Москвой» [26. С. 106].

На первое место придворная поэзия выдвинула государственные идеи абсолютизма, священнодержавия, она прививала гражданские идеалы, понятие общего блага нации. В перечне добродетелей, требуемых от монарха, на первый план выдвигаются качества, относящиеся к общественной жизни, – мудрость, справедливость, милосердие, щедрость, благочестие, трудолюбие, неустанная забота о подданных и о защите страны. Наследнику престола дается завет принять на себя «труд учения, правоправления, / труд в мирѣ, в брани, мудросуждения. / Сих трудов мзда есть Вѣнец, Скиптр, Порфира / в земной державѣ и небесна мира».

Центральный образ поэмы – геральдический Орел – это и царь, и Россия. Символический потенциал образа Орла поэт ориентирует на воспевание величия России, превознесение славы русского оружия. Русский Двуглавый Орел парит над Орлом Польши, он сильнее красного Льва Швеции. Поэт постарался придать символике орла, удовлетворявшей государственно-абсолютистским идеалам, глубокое идеологическое обоснование. Своими крыльями Орел-царь покрывает «гнездо отечества». Двуглавый Орел под тремя коронами на фоне солнца, испускающего лучи царских добродетелей, представлен в поэме в виде эмблемы с девизом «Во солнце положи селение свое» (Пс 18: 5–6).

Эта символическая графема идеологического содержания, отвечавшая духу и задачам укреплявшегося российского абсолютизма, широко применялась в придворной культуре. Уже в царствование Михаила Федоровича складывается комплекс «Большого наряда», включивший изображение Двуглавого Орла в декор царских регалий. Без этой государственной эмблемы не обходится отныне ни облачение монарха, ни парадная одежда дворцовых служб (например, сокольничих), ни торжественные выезды царя, ни живопись и стенная роспись, ни посуда государева обихода, не говоря уже о воинских знаменах, вооружении и доспехах. «Орлом» именуется и его изображением украшается первое русское парусное судно постройки 1668 г. Начиная с Симеона Полоцкого, символика Орла станет в истории русской поэзии яркой приметой одического стиля вплоть до предсмертного стихотворения Радищева «Осьмнадцатое столетие».

Там, где возникает эта репрезентативная государственно-панегирическая топика, закономерно отмечается повышенная концентрация художественно-образительных средств, безграничная изобретательность в использовании литературной техники, потоки эпитетов и синонимов, символические графемы, богатство стихотворных форм, изысканные строфические композиции, особая стилистическая изощренность. Посвящения «Афиеросис.1.2», относящиеся к разряду *versus concordantes*, стихотворные диалог «Фаетон и Их» в форме *carmen echicum*, «Программа» с анаграмматическими эпиграммами, «Акростихис» – эти разновидности искусственной поэзии (*poesia artificiosa*) остались в истории русской поэзии экзотическим цветком, украшающим панегирический букет приветствий

«Орла Российского». Однако в целом придворно-церемониальная поэзия Симеона Полоцкого предстает как важный компонент культурно-идеологической жизни общества в период раннего Нового времени. В ее художественных формах развертывались монументальные апологетические темы, решались идейные задачи, актуальные по политическому содержанию и национальные по значению. Отсюда берут начало многие мотивы и образы, ставшие впоследствии обязательным местом панегирической оды классицизма.

Поэма «Орел Российский» Симеона Полоцкого – замечательный памятник русской поэтической и книжной культуры XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича. Собр. первое. С 1649 по 1675 г. СПб., 1830. Т. 1.
2. БАН. Библиотека Петра I. Собрание рукописных книг. Шифр: П I А № 1 (прежний: 16.5.7).
3. ГИМ. Синодальное собр. № 287.
4. РГАДА. Ф. 381. Собр. Московской Синодальной типографии № 389.
5. *Laucevičius E.* Popierius Lietuvoje. XV–XVIII a. Atlasas. Vilnius, 1967.
6. *Голенченко Г.Я.* Идеиные и культурные связи восточнославянских народов в XVI – середине XVII в. Минск, 1989.
7. *Марзалюк І.* Невядомая спадчына Сімяона Полацкага // Край. Крај: Дыялог на сумежжы культур / Рэд. А. Агееў і Я. Іваноў. Магілёў, 2000.
8. *Белокуров С.А.* Дневальные записки приказа Тайных дел. 7165–7183 гг. // ЧОИДР. 1908. Кн. 2.
9. *Забелин И.Е.* Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст. М., 2000. Т. I. Ч. II.
10. *Сазонова Л.И.* Поэтические вольности как прием редакторской правки // *Сазонова Л.И.* Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
11. *Еремин И.П.* Поэтический стиль Симеона Полоцкого // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6.
12. *Drage C.L.* Russian Word-Play Poetry from Simeon Polotskii to Derzhavin. Its Classical and Baroque Context. London, 1993.
13. *Hippisley A.* Cryptography in Simeon Polockij's Poetry // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 4.
14. *Белоброва О.А.* К истории книжной миниатюры и народной картинки конца XVII–XVIII века // Народные картинки XVII–XX веков. Материалы и исследования. СПб., 1996.
15. *Tyszkiewicz A.* Mnemosyne Sławy, Prac i Trudow... Piotra Mohiły... Kiev, 1633.
16. РГАДА. Библиотека Московской Синодальной типографии. Иностранные книги. № 2608.
17. *Hippisley A. and Luk'janova E.* Simeon Polockij's Library: A Catalogue. Köln; Weimar, Wien, 2005 (Bausteine zur Slavischen Philologie und Kulturgeschichte. Reihe B: Editionen. Bd. 22).
18. *Симеон Полоцкий.* Орел Российский / Сообщил Н.А. Смирнов. СПб., 1915 (ОЛДП. Т. 133).
19. Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3 / Составление С.И. Николаева и А.М. Панченко. М., 1994.
20. *Костюхина Л.М.* Книжное письмо в России XVII в. М., 1974.
21. *Еремин И.П.* Литература кануна реформы // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2.
22. *Hippisley A.* The Emblem in the Writings of Simeon Polockij // Slavic and East European Journal. 1971. Vol. 15. № 2.
23. *Hippisley A.* The Poetic Style of Simeon Polotsky. Birmingham, 1985 (Birmingham Slavonic Monographs. № 16).
24. *Uhlenbruch B.* Simeon Polockij's poetische Verfahren — «Rifmologion» und «Vertograd mnogocvetnyj»: Versuch einer strukturalen Beschreibung. Inaug.-Diss. zur Erlangung des Grades eines Doctor der Philosophie in der Abteilung für Philosophie der Ruhr-Universität. Bochum, 1979.
25. Українська література XVII ст. Київ, 1987 (Бібліотека української літератури).
26. *Робинсон А.Н.* Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. Вопросы литературно-исторической типологии. М., 1963.



© 2014 г. М.А. КОРЗО

О НЕКОТОРЫХ ИЗДАНИЯХ КИЕВСКОЙ МИТРОПОЛИИ В РУКОПИСНОМ НАСЛЕДИИ ЕВФИМИЯ ЧУДОВСКОГО

Статья посвящена выявлению и анализу основных источников рукописи «Книга о тайнах седми» Евфимия Чудовского. Сочинение создавалось как компиляция преимущественно из памятников Киевской митрополии: «Мира с Богом» Иннокентия Гизеля и «Науки о семи тайнах церковных». Рукопись Евфимия представляет собой интересный пример творческой адаптации на русской почве памятников Киевской митрополии, которые в значительной степени опирались на католические источники.

The article deals with discovery and analysis of the principal sources of the manuscript «The book of seven misteries» of Euthymeos of Chudov. It was created as a compilation of works from the Metropolis of Kiev, such as Innocent Giesel's «The Peace with God» and «The learning of the seven ecclesiastical misteries». Euthymeos' manuscript is an interesting example of creative adaptation to the Russian realities of the works from Metropolis of Kiev, which to a large extend were based on the Catholic sources.

Ключевые слова: Евфимий Чудовский, поучения о таинствах, Треники Киевской митрополии XVII в., католические влияния.

Келарь московского Чудова монастыря Евфимий (ум. 28.IV.1705) принадлежит к числу выдающихся интеллектуалов своего времени. Полемист и знаток канонического права, переводчик и справщик московского Печатного двора, составитель и автор предисловий к многочисленным сборникам, Евфимий внес весомый вклад в развитие книжной культуры второй половины XVII в. Будучи учеником и сотрудником выходца из Киевской митрополии Епифания Славинецкого, он принадлежал к числу так называемых грекофильствующих традиционалистов, чей духовный идеал состоял в том, чтобы «выровнять русскую духовную культуру “по грекам”» [1. С. 92; 2. С. 408–411; 3. С. 287–296].

Среди богатого в жанровом отношении рукописного наследия Евфимия сохранилось компилятивное сочинение «Книга о тайнах седми»¹, которое фигурирует в составленной сразу после кончины книжника описи его библиотеки как «Тетради о седми тайнах» [6. С. 56]. Сложно сказать, было ли оно в полном объеме подготовлено самим Евфимием; но не подлежит сомнению, что текст им по крайней мере редактировался.

Интерес к литургической проблематике был уже с конца XVI в. одинаково актуален как для греческой церкви, так и для православных книжников Речи Поспо-

Корзо Маргарита Анатольевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

¹ ГИМ. Син. 668 (цитируется далее в тексте по этой рукописи). Ранняя версия – Син. 683 (л. 1–136об.) [4. С. 445–448; 5. С. 171–172].

литой и России. Среди переводов с греческого самого Евфимия (подготовленных им лично или только отредактированных) мы находим изданный в 1681 г. в Венеции «Божественный Катехизис, или толкование Божественной литургии» Николая Вулгариса (1634–1684)² и «О Церковной иерархии» Дионисия Ареопагита³. С латыни были переведены фундаментальные «Наблюдения над чином Божественной литургии...» доминиканского литургиста Жака Гоара (Goar, 1601–1653)⁴. В бытность работы Евфимия справщиком Печатного двора при его непосредственном участии готовился к изданию и сборник «Скрижаль» (1656) – подборка литургических текстов греческого происхождения, в приложении к которому на листах 6-й пагинации напечатано сочинение «О святых тайнах» митрополита Филладельфий Лидийской Гавриила Севира⁵. Значительно раньше оно получило распространение в пределах Киевской митрополии: считается, что греческое издание (Венеция, 1600) было переведено уже в 1623 г. [10. С. 163–168; 11. С. 246–247]. Отдельные (хотя и очень немногочисленные) фрагменты этого сочинения использованы и в анализируемой нами компиляции о таинствах.

Основное же ядро компиляции образуют памятники Киевской митрополии, к которым Евфимий обращается и в работе над другими своими сочинениями. Так, «Евхологион» 1646 г. Петра Могилы был использован при составлении «Воумления от архиерея для священников» (Син. 433, 683, 567). Сохранилось и переписанное рукой Евфимия 3-е издание 1653 г. «О Сакраментахъ или Тайнахъ в посполитости» Сильвестра Косова (ГИМ, Хлуд. 281(79)) [5. S. 223]. Об одном из источников упоминается в послесловии к компиляции о таинствах: «Паче же н(ы) не новособраніе, кн(и)гу г(лаго)лемую Мирь ч(е)л(ове)ка с Б(о)гомъ, чти часто и внятно, тамо многая обрящещи по тонку лежаща» (Син. 668, л. 71).

Речь идет о компендиуме «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669)⁶, который составил или, по крайней мере, отредактировал архимандрит Киевской лавры Иннокентий Гизель. В Син. 668 на полях встречаются пометки «м/б» с номерами страниц, которые действительно совпадают с печатной версией трактата Гизеля. Ранее нами было отмечено, что «Мир с Богом» нельзя считать продуктом только самостоятельного богословского творчества киевских книжников; он представляет собой лишь частично дополненную цитатами из Библии и святоотеческого наследия компиляцию из целого ряда памятников католического происхождения, а его ядро образуют труды польского доминиканца Миколая Мосчиского (Mościski, 1559–1632) [12. С. 195–262; 13. С. 747–749].

Помимо «Мира с Богом», как считалось ранее, составитель рукописи Син. 668 использовал «Небо новое» Иоанникия Галятовского (Львов, 1665) [4. С. 445–448; 5. S. 171–172] – на эту идею исследователей навели вынесенные на поля компиляции пометки «н/н». Предположение это не соответствует действительности, и состоящее из Богородичных проповедей сочинение Галятовского не имеет никакого отношения к московской рукописи.

Отсылки «н/н» указывают на другой памятник, а именно – на недатированную «Науку о се(д)ми тайнахъ ц(е)рковны(х)»⁷. Прежде чем мы рассмотрим степень зависимости московской компиляции от этого памятника, важно понять, когда, в какой среде и с какой целью создавалась сама «Наука».

² Син. 124 [3. С. 291].

³ В 1675 г. по распоряжению патриарха Иоакима Евфимий делает перевод всех сочинений Дионисия Ареопагита, в том числе и «О Церковной иерархии», прилагая к нему толкования Максима Исповедника на этот труд (Син. 55). И хотя перевод был совершенно готов, а впоследствии исправлен и отредактирован Афанасием Холмогорским, опубликован он не был [7. С. 173. Прим.; 8. С. 7].

⁴ Син. 190, 526 [9. С. 640].

⁵ Цитируется далее по этому изданию.

⁶ Цитируется в тексте как «М».

⁷ МК РГБ, инв. № 3879. Цитируется в тексте как «Н».

Считается, что она могла быть частью виленского «Требника» 1618 г.: в свое время И.П. Каратаев описывал один из его экземпляров, в котором «Наука» была подшита в начале после оглавления [14. № 242]. Но на сегодняшний день известны лишь обособленные издания «Науки», каждое из которых имеет самостоятельный титульный лист.

В.И. Лукьяненко на основании экземпляров из собраний РНБ и ссылаясь на мнение А.С. Зёрновой утверждает, что в «Требнике» 1618 г. используются шрифты двух типографий: Леона Мамонича и Братской. Последняя испытывала значительные затруднения после ее закрытия по королевскому указу в 1610 г. И большинство исследователей сходятся во мнении, что как этот «Требник», так и «Служебник» 1617 г., хотя и были напечатаны у Мамонича, но издавались по заказу братства, а потому на титульном листе указана «Друкарня Братская» [15. С. 68–69, 72–73; 16. С. 91–92]⁸.

Лукьяненко также считает, что «Требник» был напечатан уже в 1617 г., но его выпуск был отложен на год. При этом до наших дней дошли экземпляры, в выходных данных которых указан как 1617, так и 1618 г. В первом случае речь идет об экземплярах Национального Музея им. А. Шептицкого во Львове⁹ и Библиотеки Академии наук Литвы в Вильнюсе¹⁰. К сожалению, львовский экземпляр считается утраченным¹¹, а вильнюсский экземпляр дефектный. В свое время Каратаев описал издание 1617 г. по экземпляру Библиотеки Красиньских в Варшаве (ныне – Национальная Библиотека): но титульный лист в его описании не совпадает с титулом львовского экземпляра и не содержит как в первом случае никакой информации о типографии [14. № 234]. Описание Каратаева не совпадает также с наличным в настоящее время в Национальной библиотеке экземпляром «Требника»¹².

Датированный 1618 г. «Требник» с неповрежденным титульным листом сохранился, судя по всему, только в собраниях Бодлейанской библиотеки в Оксфорде [16. № 87]¹³. Титул совершенно идентичен воспроизведенному П. Галадзой титулу утраченного львовского экземпляра; отличаются лишь даты. Все три датируемые библиографией 1618 г. экземпляры «Требника» из собраний МК РГБ (инв. 3233, 3234 и 6194) дефектные и не имеют выходных данных¹⁴. В МК 3233 сохранилось, правда, подписанное Леоном Мамоничем посвящение Льву Сапеге от 14 июня 1618 г.; рукописная копия этого посвящения с аналогичной датой подшита и к МК 6194. Выборочное сравнение экземпляров МК и описанного в литературе экземпляра из Оксфорда показало, что они практически идентичны между собой, но различия все-таки есть. Так, оксфордский экземпляр доведен до л. 324 и не включает специальных статей для иноков, которые появляются в МК 6194 на листах сначала продолжающейся и доведенной до л. 328, а затем – совершенно новой пагинации и сразу с л. 5. Примечательно, что уже в вильнюсском экземпляре 1617 г. в оглавлении указаны эти статьи для иноков с аналогичной сбивкой в пагинации; в самом же экземпляре их нет. В МК 3233 также нет статей для иноков, но зато на л. 324об. напечатаны адресованные читателю извинения за допущенные ошибки¹⁵.

⁸ Польские коллеги, правда, продолжают описывать издание как исключительно братское [17. С. 103].

⁹ Старый шифр № 980, новый Сдк–1026.

¹⁰ Шифр L–17/235.

¹¹ Сохранилась только фотография титульного листа [18. С. 1].

¹² Шифр Суг.104 [19. № 31].

¹³ Фотокопия титульного листа и его оборота хранится в МК РГБ.

¹⁴ Четвертый сохранившийся экземпляр (МК 5237) очень плохой сохранности.

¹⁵ Отметим в качестве примечания, что в ряде экземпляров, идентичных по составу с МК 3233, подклеены зачастую переписанные от руки в отдельной тетради статьи для иноков (ГИМ, Син. печ. 359).

Дефектный без начала и конца экземпляр МК 3234 библиографы также склонны датировать 1618 г.; сравнение же с МК 3233 и МК 6194 показывает, что при всем сходстве содержания и типографского материала в 3234 напечатан несколько другой состав молитв в чине покаяния. Создается впечатление, что была перепечатана (или позже допечатана и заменена?) только тетрадь с этим чином: во всех трех случаях он начинается с л. 39, в МК 3233 и МК 6194 доведен до л. 44об., а в МК 3234 – после л. 44 вставлен еще один лист без нумерации и еще один без нумерации из этой же тетради подшит в самом конце экземпляра. Так что следующий во всех трех экземплярах за чином покаяния чин обручения начинается с л. 45. Заставки очень похожие, но не идентичные. В МК 3234 коллонтитул набран не курсивом (как во всех других частях «Требника», в МК 3233 и МК 6194), а другим шрифтом¹⁶.

Плохая сохранность экземпляров не позволяет делать окончательных выводов. Но совершенно очевидно, что были самостоятельные издания 1617 и 1618 гг., а во втором случае было как минимум два несколько отличающихся тиража: были добавлены статьи для иноков и видоизменен чин таинства покаяния.

Дополнительную неясность вносят и два других обстоятельства: во-первых, в изданных у Леона Мамонича, но якобы по заказу православного братства «Требниках» 1618 г. вставлено посвящение известному покровителю унии в Речи Посполитой Льву Сапеге; и, во-вторых, годом ранее Леон Мамонич говорит о грядущем издании «Требника» как о собственном проекте: «заразь друкованье требниковъ, на о(т)правоване се(д)ми сакраментътовъ начинаю», – писал он в посвящении Льву Сапеге в составе изданного им в 1617 г. «Служебника»¹⁷. В этом издании Мамонич помещает «Науку Йереомъ, до порядного о(т)правования службы Б(о)жїе велце потребной» (л. А4–Зоб., 2-го счета), которая была составлена(?) или переведена(?) по желанию Сапегы («ижъ воля [...] моего м(и)л(ос)тивного пана была, жебы притомъ и наука с(вя)щенъникомъ положона была, и в томъ учинилося, штося на тотъ часъ учинити могло. А учинитъся еще дасть Б(о)гъ досконалей можетъ, кгда требники на светъ выходити будутъ», л. Знн., 1-го счета). Последние слова Мамонича можно осторожно интерпретировать таким образом, что он планировал издать в составе будущего «Требника» еще какую-то «науку» священникам. И мы склонны связывать это не очень ясное высказывание типографа с анализируемым виленским памятником. Хотя стоит признать, что в уже опубликованном «Требнике» 1618 г. (МК 6194) в посвящении Льву Сапеге Мамонич ни словом не упоминает о том, что он действительно включил в это издание какие-то поучения о таинствах. По всей видимости, виленская «Наука» вышла из печати все-таки отдельной брошюрой, но явно уже после издания «Требника» 1618 г., поскольку она на этот «Требник» ссылается и приводит конкретные номера страниц, которые совпадают, в частности, с экземпляром МК 6194 или экземпляром первого тиража, где чин покаяния еще не был исправлен.

Подсказки для атрибуции «Науки» дает новая версия братского «Требника», вышедшая из печати в конце 1621 г.¹⁸ Предисловие к нему адресовано митрополиту Иову Борецкому и всем пастырям православной церкви, а подписали его «Законники Монастыря Бра(тского) Ц(е)ркви Сошествїа пре(святого) и жи(вотворящего) Д(у)ха», которые отредактировали издание (л. 6). Ни о каких уже опубликованных братчиками поучениях в предисловии не упоминается; но при этом все несведущие в отправлении таинств отсылаются к сочинению Гавриила Севира, «которую

¹⁶ Нам известен еще один аналогичный МК 3234 по составу чина покаяния экземпляр – ГИМ, Меньшие 1229.

¹⁷ МК 3034. Л. Знн., 1-го счета. Посвящение датировано 1 января 1617 г. В этом году в типографии Леона Мамонича вышло два Служебника: один из них, как упоминалось выше, был напечатан по заказу братства [16. № 80, 81].

¹⁸ МК 3859. Предисловие датировано 20 декабря.

книжечку ко(ж)дому з Ієрев зычилибысмо мети, бо руски(м) языкомъ з Грецько-го преведена» (л. 3об.). Выше уже упоминалось, что первое переложение Севира принято датировать 1623 г.; здесь же перед нами свидетельство, что в 1621 г. сочинение было уже переведено. Кроме того, в само предисловие «Требника» встроено краткое поучение о «материи» и «форме» отдельных таинств (л. 3об.–б) и наставление это составлено «мимоходомъ толко, для перестороги неведомших» (л. боб.). Наличие данного поучения в предисловии можно интерпретировать таким образом, что как в составе более ранних изданий *братских* «Требников», так и в виде самостоятельных брошюр никаких «наук» о таинствах по крайней мере до 1621 г. *по инициативе братства* не издавалось. И содержательный анализ «Науки о седми тайнах» позволяет утверждать, что создавалась она не в братской среде¹⁹.

Виленская «Наука» начинается с небольшого анонимного и недатированного предисловия к читателю. Его составитель сетует на то, что раньше в «Требниках» было много лишнего и неподобающего: например, о перекрещивании правоверных «западного набоженьства» и многообразные суеверия (л. 1), а также оговаривается, что таинства крещения и миропомазания рассматриваются отдельно и это может восприниматься читателем как нечто не совсем привычное. В последнем случае предисловие апеллирует к старой традиции, ссылаясь на Дионисия Ареопагита и Кирилла Иерусалимского (л. 1–1об.).

Как показало сравнение, именно «Наука» стала для Евфимия основным источником при составлении его компиляции. «Мир с Богом» выступал в данном случае одним из дополнительных – хотя и очень значимых – источников фактического материала²⁰. Не стоит при этом забывать, что компендиум Гизеля сам в отдельных случаях опирался на указанное виленское издание [12. С. 218, 221, 230, 232, 251–252], а потому в ряде случаев Евфимий после перевода соотносил отдельные фрагменты с «Миром с Богом» и дополнял их по компендиуму Гизеля.

Евфимий перелагает виленское издание с «русьского» языка на церковнославянский, но при этом верно следует композиции «Науки». После вводных рассуждений о сущности таинств, о необходимых условиях для их совершения и их «действиях», последовательно анализируются все семь таинств по следующей схеме: определение таинства, его «вещество» и форма совершения, служитель, принимающий таинство, «воля» как служителя, так и принимающего²¹. Исключение составляют главы о таинствах покаяния и брака, которые Евфимий существенно расширил.

Одним из приемов переработки первоначального текста было изменение последовательности сюжетов внутри глав, исключение ряда фрагментов и ссылок. Так, Евфимий не включает разрешительную молитву «Прощаю тя и ра(з)решаю о(т) всехъ греховъ твоихъ въ имя...» (Н., с. 113), оставляя вместо нее в тексте пустое место (чтобы вписать позднее другую молитву?). Примечательно, что «Наука» ссылается в этом месте на чин исповедания «Требника», на л. 43. Если «Наука»

¹⁹ П. Галадза приписывает авторство этого памятника деятелям унии Льву Кривзе и Иосафату Кунцевичу, хотя и не подкрепляет свои выводы какими-то аргументами [18. С. 10].

²⁰ На полях московской компиляции, как было отмечено выше, иногда проставлены ссылки на оба памятника: 83 отсылки к тексту «Науки» и 45 – к «Миру с Богом». При этом как текстуральных, так и композиционных заимствований значительно больше.

²¹ В качестве примера сошлемся на анализ таинств в «О церковной иерархии» Дионисия Ареопагита и «Синтагматии» Севира. В первом случае рассуждение выстраивается вокруг трех сюжетов: чем таинство полезно верующим, как оно совершается и так называемые созерцания или духовного действия таинства. У Севира схема анализа более пространная и несколько отличается внутри каждого из таинств. Сошлемся в качестве примера на таинство покаяния: «что есть покаяние и знаменуемая покаянію, коликогубо и коликія части его, кто сему наочувый, яко есть нужное согрешившему хрїстіанину, вещество и видъ, колицы икаковы плоды его, колика места разлучена в (е)ркви сущъ кающихся» (с. 132–133). Внутренняя логика анализа таинств в «Науке» значительно ближе католической традиции [20. S. 54].

действительно отсылала читателя к изданию 1618 г. (МК 6194), то на указанном листе мы находим разрешительную молитву с зачалом «Г(оспо)дь нашъ І(ису) с Х(ристо)с благодатію и щедротами и ч(е)л(о)в(е)колюбіа ради своего, да простить ти...». Она приводится в чине покаяния во всех московских требниках [21. Л. 34об.]. Евфимия могло смутить то, что «Наука» цитирует только конец молитвы, сводя ее по сути к краткой, зафиксированной Тридентским собором формуле «ego te absolvo». Отметим в качестве примечания, что в МК 3234 приводится совершенно иная «молитва прощальная» с зачалом «Боже простивый Нафаномъ Давида пророка своя исповедаваше злая» (л. 44). Она традиционно входила в состав чина исповеди, приписываемого Константинопольскому патриарху Иоанну IV Постнику (ум. 595).

Из поучения о елеопомазании Евфимий изымает замечание, что используемое для отправления таинства масло («олива») освящается епископом или священником только в Страстной Четверг (Н., с. 118–119) и уточнение, что священник может «уделять» данное таинство только «в своей парафїи» (Н., с. 120). Еще два исключенных московским книжником фрагмента не имеют, как представляется, какой-то конфессиональной окраски. Так, рассуждение о «приемлющих» это таинство начинается в «Науке» со вступительного предостережения не уделять таинства тому, «которы(й) бы тя(ж)ко не хорова(л), а(ч)колвекъ бы ему те(ж) и о смерть и шло: яко оному которы(й)ся на небе(з)печное жекглова(н)е готует, або тому ко(то)ры(й) бы хоте(л) битву звести, в которо(й) бы певне оумрети мусе(л)» (с. 120–121). В Син. 668 фрагмент этот сначала переводится буквально и даже содержательно расширяется: в этот перечень включаются, в частности, «на смертную казнь о(т)водимые» (л. 43об.). Потом же весь фрагмент перечеркивается. Не попадает в компиляцию Евфимия и следующей за этим пассаж «Науки»: «Такъ тежъ помазанные быти немають шаленные, глупые, хиба ижъбы подь часъ при розуме бывали, а того часу побо(ж)ност свою особливе показали, просячи абы с(вя)тымъ Іелеемъ были помазанные, бо того который о(т) нароженя своего розуму николи немель, помазовати нетреба» (с. 121–122).

Наиболее существенное несогласие двух традиций относительно елеопомазания состояло в том, что в западной церкви утвердилась практика «уделять» данное таинство только умирающим, что было догматически оформлено постановлением Флорентийского собора, в то время как православная традиция допускала многократное обращение к таинству. Тридентский собор формально разрешил приступать к таинству и тяжелобольным, хотя и после этого за елеопомазанием долго сохранялось название «таинство умирающих» [22. Col. 256–260]. Полемике с латинянами относительно понимания елеопомазания посвящена 250-я глава «Разговора о св. священнодействиях и таинствах церковных» архиепископа Солунского Симеона (конец XIV в.–1429), избранные творения которого сохранились в числе переводов самого Евфимия (Син. 654) [3. С. 290]. Отдельные аргументы Симеона воспроизводятся и в московской компиляции.

Из рассуждений о таинстве священства Евфимий не включает в свою компиляцию пассаж о четырех Вселенских патриархах: Константинопольском, Александрийском, Антиохийском и Иерусалимском. Московский патриарх здесь не назван, что может быть еще одним аргументом в пользу того, что «Наука» создавалась в униатской среде. Син. 668 отказывается не только от этого фрагмента, но – по вполне понятным причинам – от рассуждений о том, что «опроч тыхъ всихъ (патриархов. – М.К.), еще ц(е)рковь съборная Ап(ос)т(о)льская великого Еп(ис)копа Римского наместника верховного Ап(ос)т(о)ла Петра завсегда [...] визнавала неодьмене, и в учтивости мела, и н(ы)не вызывааетъ и в учтивости маеть яко старе(й)шину пастыремъ» (Н., с. 136–137).

Евфимий делает и целый ряд добавлений различного объема и разной степени важности. Первая значительная вставка встречается уже в конце первой главы

о количестве таинств – появляется состоящий преимущественно из библейских цитат фрагмент о том, кто установил таинства²². Одним из его источников могло быть сочинение Севира, а именно почти аналогичная по содержанию 8-я глава «Кто есть таинства оустроивый» (с. 43).

Евфимий вводит уточняющее замечание, какое вино надлежит использовать в таинстве Евхаристии; главы виленского памятника о причинах установления таинства и о его «скутках» в Син. 668 дополнены за счет рассуждений о таинстве как о жертве; об «искушении» себя перед причастием, достоин ли к нему приступить; перечислением прегрешений, могущих случиться в момент отправления таинства; о должном поведении христианина до и во время самого причастия (л. 8об.–12об.).

В составе вводных замечаний о покаянии в московской компиляции появляется лаконичный вопросно-ответный фрагмент о таинстве, который стилистически выбивается из общего целого. Син. 668 ссылается в этом месте на Гавриила Севира, хотя буквальной аналогии в версии «Скрижали» мы не находим. Совпадает лишь одно из определений покаяния: «есть обращеніе волное о(т) прегрешеній на противное бл(а)гое» (Син. 668, л. 13об.; «Скрижаль», л. 133)²³. Еще одно приводимое в Син. 668 определение покаяния («тайна о(т)пущенія грехо(в) по крещеніи содеянныхъ») совпадает с одним из наиболее расхожих определений католической моральной теологии той эпохи²⁴. В книжности Киевской митрополии мы встречаем это определение в «Требнике» Петра Могилы (с. 907) и в компендиуме Гизеля (с. 7). Евфимий вводит также разделение покаяния на внутреннее и внешнее. Аналогичный фрагмент встречается и в сочинении Севира в составе «Скрижали» (с. 134) с той лишь разницей, что Син. 668 не иллюстрирует это разделение библейскими примерами²⁵.

Самому большому расширению подверглись поучения о таинствах священства и брака. В обоих случаях основным источником послужил «Мир с Богом». Проставленная в Син. 668 ссылка на 134–136 страницы трактата Гизеля действительно соответствует шестому «догмату» «О тайне священства». У Евфимия расширены рассуждения о служителе этого таинства (л. 48об.–49об.), а в конце добавлены два совершенно отсутствующие в «Науке» раздела: «О еже когда совершае(т)ся рукоположеніе, и когда ни» (л. 52–52об.) и «Грехи при сей тайне с(вя)щенства» (л. 52об.–53). Последний параграф опирается на соответствующие рассуждения из «Мира с Богом» (с. 145–146), хотя в данном случае ссылки на полях московской компиляции не проставлены.

Фрагмент о таинстве брака является едва ли не самым пространным в Син. 668. Добавлено определение таинства (л. 53об.), которое могло быть позаимствовано из «Мира с Богом» (с. 147). В Син. 668 радикально расширены и рассуждения о служителе таинства; на л. 55об. даже сделана вклейка (вероятно, более позднего происхождения), в какие периоды литургического года запрещено венчать. Евфимий называет 12 препятствий к заключению брака (л. 57об.), в то время как «Наука» перечисляет лишь семь (с. 164–178). Похоже, что Син. 668 соединяет здесь в какой-то степени как схему «Науки», так и схему «Мира с Богом» (с. 151–163), которые, правда, *частично* перекрываются друг с другом. Из трактата Гизе-

²² В Син. 668 в этом месте не хватает листов; в варианте Син. 683 указанный фрагмент приводит ся на л. 6об.–7об.

²³ Аналогичное определение мы встречаем и в подготовленном Евфимием переводе «Катехизиса» Николая Вулгариса (Син. 124, л. 13).

²⁴ «Sacramentum remissionis peccatorum post baptismum commissarum». Определение восходит к формулировке декрета «О покаянии» Тридентского собора [23. S. 75–76].

²⁵ Стоит отметить, что поучение о таинстве покаяния редактировалось в московской компиляции не только Евфимием – л. 35–42 образуют самостоятельную, вклеенную позднее тетрадь, написанную другим почерком.

ля (с. 160–162) в московскую компиляцию попадает, в частности, отсутствующий в «Науке» фрагмент о различиях в вере как одном из препятствий к заключению брака (Син. 668, л. 60об.–61); московский редактор убирает, правда, все приведенные Гизелем отсылки на Св. Писание и ряд примеров из Ветхого Завета.

Останавливается Син. 668 подробнее «Науки» на степенях родства и свойства, в том числе и на исчислении родства по косвенной линии (л. 61об.–70) и свойства восприемников на крещении (л. 66об.); графическая же схема в московской компиляции срисована, вероятно, с трактата Гизеля (с. 170). Глава о браке Син. 668 и расширена в значительной степени за счет «Мира с Богом»: совершенно идентичны, в частности, фрагменты «Сродство по усновленію» (Син. 668, л. 68об.; М., с. 191); перечни грехов, случающихся во время венчания в московской компиляции (л. 70–70об.) соответствуют разделам о грехах «в пріятїи супружества» и «въ употребленїи супружества» трактата Гизеля (М., с. 205–206).

Адаптируя виленскую «Науку», Евфимий замещал отдельные ссылки на отеческую традицию и памятники канонического права или добавлял новые референции. Но подобного рода исправления достаточно малочисленны и далеко не всегда в них можно усмотреть какую-то конфессиональную окраску. Она заметна, например, в главе о таинстве миропомазания, когда в Син. 668 появляется упоминание о 48-м правиле Лаодикийского Поместного собора, где предписывалось «уделять» миропомазание *сразу* после крещения, и во вводных рассуждениях о покаянии, когда вместо отсылки на Амвросия Медиоланского (Н., с. 48) Евфимий апеллирует к евангельским фрагментам – Мф. 9:4 и Лк. 15. В редких случаях в московской компиляции добавляются ссылки на Св. Писание. В рассуждениях о семи степенях священства «Наука» апеллирует к 5-й главе «О Церковной иерархии» Дионисия Ареопагита и «прочим» церковным авторитетам (с. 127). Вместо этих «прочих» в Син. 668 указаны «Климентъ папа, св. Максим на св. Дионисия, число 40» (л. 45об.), а чуть ниже – ссылки на 22-е и 26-е правила Лаодикийского собора. Совершенно новая референция появляется и в контексте рассуждений о слугителе таинства священства – ссылка на 14-й лист 2-й книги «Арменопула»²⁶.

Одним из значимых маркеров конфессионального «облика» текста можно считать и то, какие из пассажей «Науки» Евфимий полностью изменяет. К ним относятся рассуждения о том, как совершается таинство Евхаристии. Судя по всему, этот фрагмент «Науки» с самого начала не предполагалось включать в компиляцию: в Син. 668 его нет и даже не оставлено место для какого-то другого текста. Позднее на лоскуте бумаги между 6-м и 7-м листами рукописи вклеивается новое толкование. Чтобы понять принципиальное различие в подходах двух памятников, остановимся на этом фрагменте подробнее.

«Наука» считает временем преосуществления Св. Даров момент произнесения священником установительных слов (Мф. 26:26–28) и называет «отступниками» всех тех, кто толковал иначе – а именно Марка Эфесского (книга «о пос(вя)щенїи») и Нила Кавасилу (29-я и 30-я главы «выклада Литоргїи»)». Они считали, что для преосуществления необходима еще молитва «Сътвори оубо хлеб сей че(с)тное тело Х(рист)а твоего». Что же в действительности означает эта

²⁶ Речь идет, судя по всему, о кратком изложении канонов, приложенных известным византийским канонистом Константином Арменополом (1320–ок. 1385) к своему 6-томному своду законов. В библиотеке Евфимия было какое-то печатное издание этого канониста. Известно также, что он переписал перевод «Епитом или сокращений», выполненный в 1656 г. Епифанием Славинецким [3. С. 290].

²⁷ Изъяснение церковного последования.

²⁸ «Изъяснение Божественной литургии» было написано не Нилом, но племянником архиепископа Фессалоникийского – Николаем (1322–1397/1398). Указанные в «Науке» главы действительно представляют собой полемический разбор аргументов католиков о преосуществлении Св. Даров.

молитва, рассуждали составители «Науки», можно найти в поучениях в составе Служебников. Подтверждением тому служит и помещенное в Соборниках «Слово на Великий Четверг» Иоанна Златоуста, где говорится о преосуществлении Св. Даров словом Божиим, но не молитвой священника (с. 41–42; на этот же фрагмент ссылается и «Мир с Богом», с. 119). В данном случае речь идет о первой беседе «О предательстве Иуды», произнесенной Златоустом в Великий Четверг, которая входила также в состав Соборников московской печати. Значимым здесь является тот факт, что именно на этот фрагмент ссылались для обоснования своей позиции составители посттридентского «Римского катехизиса». Московские книжники возражали против апелляции к данному сочинению Златоуста в качестве аргумента в пользу установительных слов; этому посвящена первая статья составленного Евфимием «Остена», в котором в полемическом ключе разбирается изданный в 1668 г. в Киеве «Выклад о Церкви Святой» Феодосия Софоновича [24. С. 28–31].

Преосуществление Св. Даров в версии московской компиляции осуществляется призыванием Св. Духа и творением молитвы «Сотвори убо хлеб сей, честное тело Христа твоего ...». Син. 668 также не обходится без полемического выпада в адрес тех, кто учит иначе, апеллируя к «Остену», к антилатинскому сборнику Евфимия «Щит веры» и сочинению «Показание истины», ссылаясь на труды братьев Иоанникия и Софрония Лихудов «Акос, или Врачевание...» и «Мечец духовный», на «Последовательное изложение церковных служб...» Константинопольского патриарха Германа I (VII в.–740)²⁹, на «Разговор о [...] таинствах церковных» Симеона Солунского, сочинение Николая Вулгариса и Николая Кавасилы.

Редактированию подверглась и глава виленского памятника о таинстве елеопомазания. «Наука» называет «формой» таинства молитву «О(т)че с(вя)тый врачу д(у)ша(м) и телесе(м)», произносимую при каждом помазании именно тем духовным лицом, которое данное таинство «уделяет» (с. 120). Этот фрагмент переводится в московской компиляции практически дословно, затем же его зачеркивают и вместо него вписывают совершенно другой текст, содержащий ссылку на порицающего заблуждения латинян Симеона Солунского³⁰: «[...] в м(о)л(и)тве юже по Ектенїи гл(аго)ле(т) первый иреевъ: Г(оспо)ди иже в м(и)л(ос)ти и щедроте твоей врачуѣи сокрушенїа д(у)шѣ и телесѣ наши(х). Самѣ вл(ады)ко ос(вя)ти елей сей. *Сїе ви(д), или совершенїе таины сея.* Яко свидетелствуетъ [...] Симеонъ Фессалонїтскїй. А еже прелщенїи о(т) латїнѣ, совершенїе гл(агол)ють быти м(о)л(и)тву, О(т)че с(вя)тый врачу д(у)шѣ и телесѣ, и тїи помрачившесѣ тмой запада лже-словѣтъ. Тая бо м(о)л(и)тва не елей ос(вя)щаетъ, но точїю о здравїи немощнаго молїтъ» (л. 43об.; курсив мой. – М.К.).

«Наука» не говорит однозначно о том, сколько духовных лиц должно участвовать в совершении этого таинства: «для большого набоже(н)ства добро есть коли с(вя)щенниковъ будетъ *болеѣ* [...]. Вша(к)же в недостаток и оди(н) о(т)правити можетъ» (с. 120; курсив мой. – М.К.). Это «болеѣ» в Син. 668 исправлено на «7» и снята глухая отсылка «Науки» на «Якова с(вя)т(о)го», хотя именно к Соборному посланию Иакова (5: 14) всегда апеллировала восточнохристианская традиция, обосновывая отправление таинства именно группой духовных лиц. Упоминание о семи священниках мы встречаем во всех Требниках со Стрятинского издания 1606 г.; говорит об этом в своем сочинении и Гавриил Севир.

Значительный интерес представляет и то, как в московской компиляции отредактировали или заменили отдельные термины и дефиниции виленского памятника. Евфимий отказался от схоластических по своему происхождению терминов «материя» и «форма» таинства, заменяя их, соответственно, на «вещь» и «вид»

²⁹ Перевод был сделан самим Евфимием (Син. 378).

³⁰ Речь идет, вероятно, о 250-й главе «Разговора [...] о таинствах церковных» – «О нововведении латинян относительно елеосвящения».

(или «совершенство») (например, Н., с.112; Син. 668, л. 33об.). В православной книжности Речи Посполитой эти понятия появляются впервые именно в «Науке» и лишь позднее – в братском «Требнике» 1621 г. (предисловие, л. 3об.), в «О Сакраментях, или Тайнах в посполитости» Сильвестра Косова (Киев, 1657. Л. 1об.), в предисловии ко Львовскому Номоканону 1646 г. (л. 5) и «Требнике» Могилы (предисловие, л. 4; с. 237). Не принимает Син. 668 и таких схоластических приемов описания таинств, как его «вещь ближайшая» или «далечайшая» (Н., с. 119), что отвечало томистскому делению на «*materia proxima*» и «*materia remota*». Помимо «Науки», аналогичное деление проводится в предисловии к братскому «Требнику» 1621 г. (л. 4об.) и повсеместно – в «Мире с Богом».

Московская компиляция предлагает и свои дефиниции отдельных таинств. Тайну «маслос(вя)щенія albo остатънего помазанія» (Н., с. 116) Евфимий определяет как «последнее в немощи елеопомазаніе» (л. 43–43об.) – уже в самих этих формулировках наглядно заметно различие в понимании таинств, что было уже отмечено ранее. Само словосочетание «остатънего помазанія» очень напоминает полонизм; хотя далее по ходу рассуждения «Наука» излагает традиционно-православный подход к елеопомазанию (с. 117–118). Дефиницию таинства священства («ест запечатлѣіе некое ц(е)ркви с(вя)тое, которы(м) особливая ласка и мо(ц) духовная становленикови даваная бываетъ», Н., с. 126) Син. 668 также переформулирует («подаяніе власти д(у)ховныя на служеніе ц(е)рковное, и строеніе таинъ с(вя)тыхъ. Сіе же подаяніе власти д(у)ховныя бывае(т) о(т) Б(о)га. Чре(з) во(з)ложеніе рукъ Архїерейскихъ», л. 45об.), опираясь при этом на «Мир с Богом» (с. 134). Расширяется определение и того, в чем заключаются «скутки» священства. Полученную священником «моць» «Наука» называет «пянтном духовнымъ [...] знако(м) на д(у)ши и(х) выражонымъ» (с. 145–146). Син. 668 склоняется в данном случае опять-таки к предложенной в «Мире с Богом» терминологии (с. 145), называя эту «моць» «характерь, или печать и знаменіе» (л. 51об.).

Несмотря на значительную редакторскую правку, в Син. 688 попали типичные для выдержанных в схоластическом духе сочинений по моральной теологии положения «о д(у)ховнике, яко судїи» (л. 24об.), «о окружнотя(х)» или обстоятельствах греха (л. 18), категория «греси чуждїи». Московская компиляция воспроизводит и все приведенные в «Науке» схоластические определения для «главных» (или смертных) грехов. В процессе редактирования не были исключены католическое по своей сути учение об удовлетворении (Син. 668, л. 28об.; Н., с. 94) и восходящая к схоластической традиции дефиниция «*restitutio*»: «О(т)даніе есть дело правды, имже бывае(т) о(т)дано, у кого что неправедно взятое» (Син. 668, л. 30; Н., с. 101). Син. 668 сохраняет и положение о должном намерении священника как одном из условий действительности таинства.

Сравнение «Науки» и Син. 668 позволяет сделать еще ряд небольших, но интересных наблюдений. Так, московская компиляция опускает значительное число отсылок на отеческую традицию: например, в главе о третьей части покаяния – об удовлетворении – «Наука» ссылается на «Правила» и послания к Амфилохию Василия Великого; далеко не все эти отсылки сохранены в Син. 668. Не апеллирует больше московская рукопись и к авторитету Дионисия Ареопагита, Иоанна Златоуста и Григория Великого в рассуждениях о том, что елеопомазание имеет все признаки настоящего таинства. В другом месте Евфимий сохраняет отдельные упоминания о практиках римской церкви; например, что «в римской церквѣ звычай есть непервей (миропомазание. – *М.К.*) детемъ давати, аж почнуть доброе о(т) злого розе(з)навати, в седми наприкладъ летехъ» (Н., с. 32). Но отсылку после этого утверждения на 2-ю главу «О церковной иерархии» Дионисия Ареопагита Евфимий снимает.

Подводя какие-то итоги, можно сказать, что подготовленная (или только отредактированная?) Евфимием Чудовским компиляция о таинствах являет собой еще

один интересный пример работы московских книжников с памятниками Киевской митрополии. Памятники эти представляли значительный интерес, коль скоро их не только переводили и «приноравливали» к московским реалиям, но и рекомендовали для практического использования. В заключении к своей компиляции Евфимий обращается к духовным лицам со словами: «кн(и)гу г(лаго)лемую Мирь ч(е)л(ове)ка с Б(о)гомь, чти часто и внятно, тамо многая обрящещи по тонку лежаща». Одновременно с этим памятники Киевской митрополии были своего рода поводом для более глубокого осмысления литургических и догматических истин православия, для уяснения московскими книжниками своей конфессиональной позиции, далеко не всегда совпадающей с позицией киевских книжников. И, что самое интересное, памятники Киевской митрополии были зачастую своеобразным каналом проникновения в московскую книжность элементов западной сакраментологии и вероучения, которые в последующую эпоху глубоко укоренились и стали элементом «своей» традиции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сазонова Л.И. Литературная культура России. Раннее Новое время. М., 2006.
2. Б.а. Евфимий // Православная Энциклопедия. М., 2008. Т. XVII.
3. Исаченко-Лисовая Т.А. Евфимий // Словарь книжников и книжности Древней Руси / Отв. редактор Д.С. Лихачев. СПб., 1992. Ч. 1. Вып. 3 (XVII в.).
4. Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. М., 1862. Отдел 2. Писания Святых отцев. Ч. 3. Разныя богословския сочинения (Прибавления).
5. Strakhov O.V. The Byzantine Culture in Moscovite Rus'. The Case of Evfimii Chudovskii (1620–1705). Köln; Wien, 1998.
6. Викторов А.Е. Опись библиотеки иеромонаха Евфимия // Летописи русской литературы и древности, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1863. Т. V. Отдел III.
7. Исаченко Т.А. «Духовное завещание» и другие малоизвестные документы Евфимия Чудовского // Книга. Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 69.
8. Писания св. отцев и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. СПб., 1855. Т. I.
9. Заплатников С.В. Жак Гоар // Православная Энциклопедия. М., 2006. Т. XI.
10. Ясиновский А. «Синтагматон» Гавриила Севера: греческий оригинал и украинский перевод // Славяне и их соседи. М., 1996. Вып. 6: Греческий и славянский мир в Средние века и раннее Новое время.
11. П.В.К. Гавриил Севир // Православная Энциклопедия. М., 2005. Т. X.
12. Корзо М.А. «Мир с Богом чоловіку» Інокентія Гізеля в контексті католицької моральної теології кінця XVI – першої половини XVII ст. // Інокентій Гізель. Вибрані твори у 3-х тт. Київ; Львів, 2010. Т. 3.
13. Корзо М.А. Иннокентий (Гизель), сочинения // Православная Энциклопедия. М., 2009. Т. XXII.
14. Каратаев И.П. Описание славяно-русских книг напечатанных кирилловскими буквами. СПб., 1883. Т. I. 1491–1652.
15. Лукьяненко В.И. Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв. Л., 1975. Вып. 2 (1601–1654 гг.).
16. Книга Беларусі: 1517–1917. Зводны каталог. Мінск, 1986.
17. Jaroszewicz-Pieresławcew Z. Druki cyrylickie z oficyn Wielkiego Księstwa Litewskiego w XVI–XVIII wieku. Olsztyn, 2003.
18. Галадза П. Літургічне питання і розвиток богослужень напередодні берестейської унії аж до кінця XVII століття // Берестейська унія та внутрішнє життя Церкви в XVII столітті. Матеріали Четвертих «Берестейських читань» Львів, Луцьк, Київ, 2–6 жовтня 1995 г. Львів, 1997.
19. Katalog druków cyrylickich XV–XVIII wieku w zbiorach Biblioteki Narodowej. Warszawa, 2004.
20. Kilarski K. Die nachtridentinische Messliturgie in Polen im 16. Jahrhundert am Beispiel der liturgischen Schriften des Hieronymus Powodowski. Frankfurt am Main; Berlin, 1981.
21. Еухологій, сі єсть м(о)л(и)твословь, или требникъ. М., 1680.
22. Mikolajczyk M., Misiurek J. Chorych namaszczenie. I: w Kościele Katolickim // Encyklopedia Katolicka. Lublin, 1979. Т. III.
23. Canonnes et Decreta Sacrosancti oecumenici Concilii Tridentini. Romae, 1904.
24. Остенъ. Памятник русской духовной письменности XVII века. Казань, 1865.



© 2014 г. Д. ВЕРЕДА

ИЕРАРХИ КИЕВСКОЙ УНИАТСКОЙ МИТРОПОЛИИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К СОХРАНЕНИЮ ВОСТОЧНОЙ ТРАДИЦИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

Большинство аспектов функционирования униатской церкви привело к эволюционным переменам. В результате культурного влияния в униатской церкви появилось много нововведений, почерпнутых из латинских обрядов, направленных прежде всего на приукрашивание внешних форм. Основной задачей епископов, преследовавших цель сохранения восточной традиции, была верификация содержания литургических книг, уточнение порядка календаря литургий и упорядочение изменений, касающихся религиозной практики.

Most of the aspects of functioning of the Greek-Catholic Church were leading to evolutionary changes. As a result of cultural influences, the Greek-Catholic Church went through a number of innovations, borrowed from the Latin ritual and aimed first and foremost at the decoration of outer forms. The main task of the bishops, striving to preserve the Eastern, Orthodox traditions, was the verification of the content of liturgical books, making the liturgical calendar more precise and regulating changes in the religious practice.

Ключевые слова: киевская униатская митрополия, епископы-униаты, реформы.

В договорах, подписанных в Бресте (1596 г.) между православной церковью Речи Посполитой и Римом, киевская митрополия получила право на сохранение существующих обрядов [1. Р. 61–66; 2. S. 50–51]. На момент подписания документа в унию вошли епископы митрополитарного епископства, полоцкий архиепископ, епископы брестско-владимирский и пиньско-туровский. К этому постановлению присоединились также епископы, вступившие в унию в XVII и XVIII вв. (епископства львовское, луцкое и перемышльское). Епископ львовский Иосиф Шумланьский перед принятием присяги при вступлении в унию предварительно ходатайствовал о сохранении восточных традиций. В соглашении, подписанном в 1681 г. с митрополитом Жоховским, условия которого записаны в виде десяти пунктов, первым пунктом прописан постулат сохранения порядка при богослужениях и обрядах [3. S. 41–42]. Публикация этого предписания на первом месте свидетельствует о том, что для епархии, принявшей решение вступить в киевскую униатскую митрополию, это дело имело приоритетное значение даже после предоставления несколько десятков лет после подписания унии, ходатайствуя о соблюдении гарантий, подтвержденных в акте Брестской унии. Сохранения собственных традиций требовали также епископы, которые с самого начала были верны унии. Статьи, написанные во время епископских соборов хелмского епископства в вось-

Верета Дорота – канд. ист. наук, преподаватель Естественнонаучного и гуманитарного университета г. Седльце (Польша).

Статья написана в рамках реализации проекта № 2011/03/B/HS3/04845, финансируемого Национальным центром науки Польши.

мидесятых годах XVII в., также содержат постулаты о сохранении традиций при проведении литургий и обрядов.

Культурные преобразования, которые были результатом функционирования в Речи Посполитой униатской церкви и римско-католического костела, содействовали преодолению препятствий и, соответственно, изменениям. Большинство аспектов функционирования униатской церкви привело к эволюционным переменам, касающимся не одного поколения. В результате культурного влияния в униатской церкви появилось много нововведений, почерпнутых из латинских обрядов. Решающую роль в этих изменениях играли епископы, которые, по мнению украинского историка униатской церкви И. Скочиласа, трактовали изменения как инструмент коммуникации и как часть более широкой стратегии «внедрения» латинских «нововведений» в русский католический контекст [4. S. 87].

Помимо активного участия в пропаганде нововведений, епископы были уверены в своем видении порядка. Нововведения не преследовали целей изменения с точки зрения теологии. В них предусмотрены способы культурной ассимиляции и создания престижа униатской церкви прежде всего путем приукрашивания форм внешних, образцом которых были латинские обряды. Этому послужили публичные церемонии богородичных образов, торжественное отпущение грехов и юбилеи.

Иерархи интерпретировали новые преобразования в разнообразных контекстах. К сохранению порядка призывал митрополит Леон Кишка (1714–1728), аргументируя тем, что униатская церковь обязана сохранить свой обряд в целях убедительности идеи унии для проживающих на соседних с Речью Посполитой землях козаков, *москалей*, жителей территории Молдавии [5. P. 143–144].

Помимо множества изменений, проведенных особенно интенсивно в первой половине XVII в., и адаптации их новыми поколениями верующих и духовенства униатской церкви, среди епископов преобладало убеждение о необходимости гарантий неизменности обряда. Епископ архиепископата полоцкого Ясон Юноша Смогожевский в документе, подготовленном от имени униатской иерархии для провинциального Синода, который должен был пройти в Бресте в 1765 г., требовал сохранить греческий обряд [6. P. 24–25]. С этого времени среди иерархов киевской униатской митрополии прослеживается тенденция к приостановлению введения новшеств в обряды, а также к правовому урегулированию существующего порядка. Причины этих изменений следует искать в политической ситуации, которая сложилась после восшествия на трон короля Станислава Августа Понятовского (1764) и в росте влияния православной церкви в Речи Посполитой, которая поддерживалась Россией.

Среди епископства было популярно мнение о возможности переговоров по объединению с православной церковью. Иерархи киевской униатской митрополии ссылались на исторические события, связанные с переговорами по объединению, и достижения в этой сфере отдельных монархов. Об этом свидетельствует письмо архиепископа полоцкого Ясона Юноши Смогожевского, написанное королю Станиславу Августу Понятовскому в 1766 г., в котором он старался убедить новоизбранного короля осуществить нереализованные планы по объединению с православной церковью. Учитывая отношения короля Речи Посполитой с Екатериной II, покровительство этим начинаниям он готов был доверить царице. Архиепископ убеждал короля, чтобы тот, ссылаясь на предшествующий опыт, начал преобразования, которые принесли бы ему вечную славу, а также обеспечили мир внутри государства. Одним из трех основных препятствий в заключении унии с православной церковью, кроме дела *filioque* и признания власти папы, указывалось «возобновление на Руси порядков и обрядов» [7. S. 97v–99; 8. S. 183–189].

Считается, что обуждение иерархами этой концепции и ее восприятие ими как способа защиты от влияния православной церкви в Речи Посполитой стало основ-

ной причиной идеи возвращения к восточной традиции в обрядах и литургии. Эта концепция также свидетельствует об отсутствии политического реализма среди иерархов, считавших Речь Посполитую государством, проводящим суверенную политику и являющимся равноценным партнером в политических переговорах с Россией. Ссылаясь на общие корни христианства, на инициативы по объединению на синодах в Бресте (1596), во Львове (1629), а также на коллоквиуме в Люблине (1680) и опираясь на их поддержку монархами, епископы-униаты не ушли от ослабления власти короля и уменьшения влияния Речи Посполитой среди новых европейских держав на международной политической арене.

Основной задачей епископов, преследовавших цель сохранения восточной традиции, была верификация содержания литургических книг, уточнение порядка календаря литургий и упорядочение изменений, касающихся религиозной практики. Препятствуя введению практических изменений и новшеств в обрядах митрополит, Ясон Юноша Смогожевский планировал созыв Синода в 1787 г. Вероятно, в связи с предполагаемым участием на Синоде русского посла дата созыва была отсрочена [9. С. 402].

Епископ хелмской епархии Порфирий Скарбек Важиньский (1790–1804) с точки зрения права решительно воспрепятствовал новшествами в ритуалах и упорядочиванию существовавшего порядка вещей. Еще перед принятием таинства епископства, как предводитель ордена базилианов, он поручал монахам соблюдать обряды восточной церкви в базилианских монастырях и отказывался вводить новшества, не утвержденные Синодом. Он призывал сохранять молитвы святого Антония Печерского, а также празднование должным образом праздника Покрова Богородицы (1785) [9. С. 553–561]. Также он поддержал интервенцию епископа хелмской епархии Максимилиана Рыллы (1759–1785) в деле отказа от замены одежды униатского духовенства и принятия новоназванными членами хелмской капитулы одеяний, основанных на образцах латинского духовенства [10. С. 6–7].

Являясь епископом хелмской епархии, Порфирий Скарбек Важиньский при внесении изменений в обряды предвидел ситуацию, которая могла бы сложиться, учитывая культурные и территориальные различия земель в киевской митрополии. Он проанализировал широкий общественно-религиозный контекст обрядов и советовал действовать с осторожностью, которая давно позабыта. Свои размышления он представил митрополиту Ясону Юноше Смогожевскому следующим образом: «Мы находимся между двумя противоположностями; на Украине и в Полесье Киевском люди требуют сохранения прежних ритуалов, в других же епархиях требуют того, что в соответствии с правом уже должно было войти в практику. Необходимо очень осторожно соединить одно с другим, постепенно привести в подчинение, чтобы одних не оттолкнуть от целостности, а других не оттолкнуть от обряда» [9. С. 111–112].

Епископы собрались на конгресс 17 сентября 1790 г. в Варшаве (от епархии владимирско-брестской – Симеон Млоцкий, от епархии хелмско-белзской – Порфирий Скарбек Важиньский, коадьютор пиньский Юзафат Булхак и администратор луцкой епархии Стефан Левиньский) под руководством митрополита Ясона Юноши Смогожевского. Порфирию Скарбку Важиньскому было доверено проведение исследования литургических книг с целью унификации их содержания и удаления незаконно помещенных в них модификаций и новшеств [11. Р. 75–81]. Он добросовестно взялся за работу, провел анализ множества литургических книг местных и заграничных типографий и исследовал поправки, помещенные в *требнике*, которые были подготовлены комиссией, занимавшейся делами литургических книг, которая созывалась во время правления митрополита Фелициана Филиппа Володковича (1762–1778). 4 января 1795 г. в письме к епископу Стефану Левиньскому он проинформировал о прочтении, поправках и составленных заметках и примечаниях к *псалтырю*, *полууставу* и *служебнику*. Проверке *требни-*

ков и понтификалов помешала кража в доме епископа в Хелме во время восстания 1794 г. Он подчеркивал, что проверка литургических книг очень трудоемка и занимает много времени: «Работа, доверенная мне, не мало времени вытягивает, желал бы еще при жизни своей выполнить это доверенное мне дело» [12. Sygn. 6. S. 149]. Исследование книг привело П. Важиньского к пониманию того, как много изменений было внесено униатской церковью. Он считал, что понтификал, изданный митрополитом Атанасием Шептыцким (1726–1746) в Униове, претерпел множество изменений и требует большой работы по его исправлению [10. С. 62–63]. Во время редактирования образца служебника Важиньский использовал ранние версии, за исключением служебников, выпущенных в львовской типографии. Он подверг критике служебник, изданный в 1791 г. в Почаеве, вменяя этой версии наличие грамматических ошибок и отсутствие, согласно давней практике, четырехкратного упоминания о папе. В качестве епископа хелмской епархии, среди духовенства приходов пропагандировал проведение литургий согласно унифицированной версии, основанной на содержании традиционных служебников. Для этого он использовал совещания епархиальных синодов, во время которых был прочитан текст-образец мессы (1791, 1792) [13. S. 6, 16–17, 22].

О ходе работы над исправлением литургических книг Порфирий Скарбек Важиньский информировал прибывшего в Петербург митрополита Теодоза Ростовского (1788–1805), представив ему свои аргументы о необходимости использования старых обрядов и доказательства негативного влияния инноваций, введенных униатской церковью, которые стали препятствием для вхождения православной церкви в унию. Важиньский требовал обработать канон текста литургических книг, чтобы они могли стать образцом для написания следующих (13 ноября 1796 г.) [9. Sygn. 6. С. 597–598; 10. С. 61–62].

Важиньский, как ординар хелмской епархии, на практике совершал изменения богослужений. На епархиальном синоде хелмской епархии 1797 г. он ограничивал не соответствовавшее восточному ритуалу и часто практиковавшееся в церквях хелмской епархии выставление сакраментов на Пасху, праздник Тела Господня и годовщины освящения храмов [13. S. 40].

Особой активностью в деле возвращения к старым формам обрядов отличался епископ Иракий Лисовский (1794–1809) из полоцкого архиепископства, которое в то время было в большей части под влиянием России. Он стремился ввести практики, совместные с православными, и удалить как ненужные и разрушающие обычаи ритуалы, практиковавшиеся в богослужениях униатской церкви. После принятия полоцкого архиепископства И. Лисовский потребовал от священников, чтобы они поехали на неделю в базилианские монастыри и там научились бы новому способу ведения богослужений. Архиепископ запретил чтение литургий и ввозение церковных книг из-за границы (т.е. из Речи Посполитой). Реформа литургии, предложенная И. Лисовским, должна была привести к возвращению малого и большого входа, отказу от использования органов, молитвы на розарии, празднования Тела Господня и Непорочного зачатия. Инициатива Лисовского не была поддержана базилианами и светскими клерками, а Конгрегация пропаганды веры признала ее чрезмерно радикальной и рискованной в ситуации униатской церкви в России [14. S. 1149]. Епископ луцкой епархии Стефан Левиньский интерпретировал деятельность Иракия Лисовского как инициативу России с целью агитации православной церкви: «Это особый метод, изобретенный москалями, так как народ на этих обрядах легко может быть в дальнейшем обманут» [9. С. 387–388].

Лисовский считал необходимыми в проведении реформы изменения в содержании литургических книг. Отступлением от правил он считал в том числе чтение Евангелия в конце мессы, а также пропущение слова *Аллелуя* и благословений в конце панихиды. Он видел влияние латинизации в пренебрежении вигилией пе-

ред торжественными праздниками, введении органов, молитве на розарии вместе с литанием перед Святым Сакраментом. Он также считал необходимым перевод ритуала *Euchologium* Бенедикта XIV с 1754 г., изданного для греческого костела. По его поручению главный полоцкий викарий ксендз Ежи Туркевич в 1788–1790 гг. перевел на старославянский язык *Euchologium* [15. S. 232–233]. Во время приготовления к новому изданию литургических книг он консультировался с нунцием Джузеппе Гарампи, который поручил найти документы, касающиеся этого дела в *Archivum Secretum Apostolicum* в Риме и настаивал, чтобы в реформе принял участие митрополит Ясон Юноша Смогожевский [9. С. 371, 402].

Иракий Лисовский требовал консультаций по делу изменений с Порфирием Скарбом Важиньским с тем, чтобы «раскрыть ему свои размышления с точки зрения нашей унии, прося у него разумного совета, как в церкви святой доброго пастыря, а Столице Апостольской уважаемого мужа» (3 сентября 1796 г.) [9. С. 595]. Он стремился к одобрению Римом проведенных им реформ, присылал в Конгрегацию пропаганды веры исправленные, согласно его концепции, экземпляры литургических книг. Он отверг обвинения представителя Рима в Варшаве нунция Фердинанда Мария Салуццо (1784–1796) о неупоминании им Папы, ссылаясь на содержание служебника, рекомендованного Бенедиктом XIV [12. Sygn. 1121. S. 105–106]. Стремление к ликвидации обособления обрядов униатской и православной церковью Иракий Лисовский использовал как способ реализации созданной им концепции присоединения церкви православной к униатской в России, которое должно было произойти в результате усилий Пиуса IV, направленных на признание власти папы. Способом реализации этих планов он предлагал договоренность епископам: «Если бы попросил Отец святой нашу монархию, чтобы приказала она римским униатским и своим русским епископам переговорить и спланировать пути согласия». Епископы должны были приехать в Рим или представительства нунция и засвидетельствовать, что «русская церковь также верит, что как и мы – униаты, тем же самым ритуалом св. Сакраменту управляет» [9. С. 596–597]. О посредничестве в установлении контакта с Римом по этому делу Иракий Лисовский просил Порфирия Скарбка Важиньского, чтобы «просил Святого Отца о мирном разрешении в деле присоединения униатов к православию, что должно было ему обеспечить славу того, кто ликвидировал в этом просвещенном веке так долго продолжающуюся диверсию церковей» [9. С. 596–597]. Иракий Лисовский представил свой проект также и Стефану Левиньскому (4 февраля 1796 г.). Трудно понять, стало ли появление этой концепции результатом отсутствия реальной оценки ситуации или веры в возможность объединения русской православной церкви с Римом путем максимального сближения унии с православной церковью. Он имел заслуги перед официальной православной церковью, но не считается, что введение им изменений эффективно сказалось на склонение на свою сторону большого числа верующих [16. S. 221–224]. Инструменты политики России оказались более эффективными.

Одним из аспектов практического применения концепции была реализация поручения Иракия Лисовского, касающегося изменений убранства внутренних помещений нового монументального кафедрального собора в Витебске (1787), построенного под руководством святого Карла Боромео по образцу костела [9. С. 388].

Следующим аспектом деятельности епископов киевской униатской митрополии, стремящихся к сохранению собственных традиций, были требования о сохранении различных календарей, что утверждалось во время унии в Бресте [1. Р. 61–66]. В Киевской униатской митрополии использовался юлианский календарь и собственный календарь литургий с праздниками, которых не знала латинская традиция. Иерархи-униаты во второй половине XVIII в. в требовании о сохранении прежнего календаря должны были смириться с повсеместно гос-

подствовавшей тенденцией Просвещения – уменьшения числа праздничных дней в соответствии с экономическими соображениями, результатом чего было также сокращение праздничных дней и латинских обрядов в костеле. Епископы также должны были учитывать давление шляхты и магнатов в результате введения ограничений свободных от работы дней среди сторонников латинского обряда и более эффективного использования труда сторонников греческого обряда. Дискуссии вокруг календаря обострились в восьмидесятых годах XVIII в. Епископы должны были свести к минимуму противоречия, причиной которых были различия во времени праздничных дней.

В консультациях, касающихся этого дела, стремились принять участие наиболее влиятельные в то время сановники униатской церкви: митрополит Ясон Юноша Смогожевский, епископ хелмский и коадьютор митрополита Теодозий Ростоцкий, епископ львовский Петр Беляньский, протоархимандрит ордена базилианов, епископ хелмский Порфирий Скарбек Важиньский и Стефан Левиньский, епископ, помощник митрополита и секретарь Королевского Кабинета. Порфирий Скарбек Важиньский в письме к Ясону Юноше Смогожевскому требовал придать ранг государственной важности делу о реформе календаря и заинтересовать этим вопросом короля и сейм. Он обратил внимание, что изменения в календаре могут принести также и негативные последствия для униатской церкви и стать препятствием в отношениях унии и православной церкви: «Объединение календарей и праздников, и сохранение их, и потребность в уменьшении существует среди простого народа наших стран; но, как справедливо считает Его Величество, важно бы было привлечь все общины с нами несогласные и живущие по старому календарю, чтобы они приняли новый календарь, так как принявшие новый календарь не имели бы преград в единении и отличались бы от заграничных и тем самым привело бы это к воссоединению с правоверными» [9. С. 401]. Помимо скептицизма в деле реформы календаря униатской церкви, Порфирий Скарбек Важиньский в следующем письме от 15 июня 1787 г. подтверждал необходимость введения нового календаря по причине принуждения подданных к работе в праздничные дни и поддержал письменно вмешательство в это дело митрополита при королевском дворе и у нунция. В то же время он требовал от диссидентов обязательного введения нового календаря, поскольку введение изменений в календарь только среди униатов могло бы послужить переходу верующих из *Руси украинской* в православную церковь. Он предлагал, чтобы эти изменения были утверждены на открытом общем совещании епископов и подчеркивал, что результатом модификации календаря будут изменения в литургических книгах [9. С. 401]. Порфирий Важиньский, ссылаясь на народные волнения, вызванные экономическими причинами, просил митрополита ускорить действия по этому вопросу. Ясон Юноша Смогожевский видел препятствия в завершении начавшегося проекта в позиции православных, не желавших принятия нового календаря [9. С. 404–405]. Можно предположить, что митрополит был противником изменений календаря. Решении этой проблемы он планировал передать епископам. Порфирий Важиньский 13 августа 1787 г. составил заметку о запланированном митрополитом синоде, «который бы дал начало нововведениям в обрядах» [9. С. 402]. В 1788 г. консультации среди иерархов не затихали. Против объединения календарей униатской церкви и римско-католического костела высказывался также и львовский епископ Петр Беляньский (1788 г.) [17. Ф. 491. Оп. 1. Д. 29, 2. С. 77]. Вопрос о календаре, который использовался униатской церковью, был темой оживленных дискуссий с участием множества послов во время совещаний Великого Сейма 12 июля 1790 г. Помимо доводов о выгодах объединения календарей для экономики, были высказаны опасения, что унификация может быть использована антиуниатской пропагандой, которая приведет к значительному росту популярности православной церкви среди верующих, которым неизвестны цели изменений [18. S. 276–279; 19. S. 257]. После

эмоциональной дискуссии и обмене мнениями король произнес речь, пробуя взвести просвещенные стремления к унификации и рациональную толерантность в отношении к другим, вызывая чувства собственной идентичности большинства общества [20. С. 166]. Предвидя очень сложные религиозную, общественную и политическую ситуации, форум сейма не внес изменений. Дело требовало срочных действий, поскольку епископы, собравшиеся 17 сентября 1790 г. на конгрессе в резиденции митрополита в Варшаве, занялись сокращением праздников. Было решено убрать 12 праздничных дней во всех приходах митрополии, а в Литве и на Волыни – 13 [21. Р. 75–81]. Решения конгресса ограничились отменой праздничных дней в юлианском календаре в соотношении к григорианскому календарю.

Сохранения юлианского календаря требовали также епископы епархий, которые в результате разделов оказались в Австрии, где реально была проведена редукция праздничных дней, но не было решено объединить календари [10. С. 53–54; 22. S. 411; 23. S. 216–217]. Свой протест введению нового календаря, в том числе введения нового *месяцеслова*, выразил епископ Петр Беляньский, который послал в Вену письмо по этому делу (зафиксировано в губернском правлении во Львове 7 сентября 1791 г.) Обосновывая свою точку зрения, он напомнил о недавних восстаниях на Украине и среди греко-католиков в Венгрии. Он потребовал созыва синода по этому вопросу [10. С. 53–55]. Несмотря на лояльное отношение к австрийским властям пшемысльский епископ Антоний Ангеллович (1796–1808) был покровителем сохранения юлианского календаря. Он был против предложений властей отхода от старого стиля отсчета времени в греко-католической церкви в монархии Габсбургов [24. S. 53].

Содержательная полемика и попытки реформы календаря, которые предпринимались иерархами-униатами, подтверждают всю сложность этого вопроса, вписываясь в происходящие культурные изменения. Явно прослеживается конфликт между просвещенным желанием упорядочения и унификации и чувством национального самосознания, для которого календарь оказался важным фактором. Деятельность униатской иерархии в деле календаря подтверждает религиозное, общественное и политическое значения системы мер, регулирующих рабочее и праздничное время. Привязанность к старому календарю среди верующих должна была быть большой, поскольку вызывала опасения переходов из униатской церкви в православную. Для большей части общества календарь был элементом, идентифицирующим всех верующих, а также важным фактором создания отличия и собственной идентичности в многонациональной и мультирелигиозной Речи Посполитой.

Несмотря на два столетия функционирования унии и легитимности явлений, составлявших основу собственной идентичности киевской униатской митрополии, привязанность к традициям восточной культуры оставалась довольно значительной, хотя существовали территориальные различия. Сохранение традиций имело большее значение для епархий на территории коронной Речи Посполитой, меньшее – в Литве. Активная деятельность иерархов киевской униатской митрополии, которая привела к сохранению традиции восточных костелов, произошла в результате конфронтации с православной церковью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Documenta Unionis Berestensis eiusque auctorum (1590–1600). Romae, 1970.
2. Nowakowski P. Problematyka liturgiczna w międzywyznaniowej polemice po Unii Brzeskiej (1596–1720). Kraków, 2004.
3. Архивъ Юго-Западной Россіи. Кіевъ, 1871. Ч. 1. Т. IV.
4. Skoczylas J. Sobory eparchii chełmskiej XVII wieku. Program religijny Slavia Unita w Rzeczypospolitej. Lublin, 2008.
5. Epistolae metropolitaram kioviensium catholicorum Leonis Kiška, Athanasii Szeptyckyj, Floriani Hrebnyckyj 1714–1762. Romae, 1959.

6. Epistolae Jasonis Smogorzewskij metropolitae Kiovensis catholici (1780–1788). Romae, 1965.
7. Biblioteka Polskiej Akademii Nauk w Kórniku. Sygn. 11083. Liber hierarchicus quem ex notatis [...] Jasonis Smogorzewski archiepiscopi Polocensis, Antonini Młodowslo episcopi Brestensis coadjutoris episcopatus Vlodimiriensis pro tuenda Ruthenorum cum S.Romana Ecclesia unione adversus [...] Georgium Koniski episcopum Albae Russiae non unitis strenue laborantium scriptum Varsaviae anno domini 1775. Addidi quaedam posteriori tempore occurrentis qua aut negotia cleri publica aut mes ipsius singularia concernunt negotia aut lectori meo evadent curiosa.
8. *Welykyj A.G.* Jason Smogorzewskij «De pacificatione concilianda inter unitos et nonunitos ruthenos» // *Analecta OSBM*. 1963. № 4 (10).
9. Акты, издаваемые Виленскою археографическою коммисиею для разбора древних актов. Вильна, 1889. Т. 16.
10. *Петрушевич А.С.* Краткое известие о Холмской епархии и святителях ея // Холмский греко-унитатский месяцеслов на 1874 год. Варшава, 1873.
11. Epistolae metropolitaram Kioviensium catholicorum Theodosii Rostockij, Heraclii Lisowskij, Gregorii Kochanowicz, Josaphat Bulhak 1788–1838. Romae, 1980.
12. Archiwum Państwowe w Lublinie, zespół Chełmski Konsystorz Greko-Katolicki.
13. Synody dyecezyi chełmskiej obrzadku Wschodnego. Poznań, 1902 (reprint: Lublin, 2004).
14. *Modzelewska B.* Lisowski Herakliusz // *Encyklopedia Katolicka*. Lublin, 2004. Т. 10.
15. *Śliwa T.* Kościół Grekokatolicki w zaborze rosyjskim (1772–1815) // *Historia Kościoła w Polsce*. Poznań, 1979. Т. 2. Cz. 1.
16. *Осадчий В.* Ілюзії чи відчай? Лист архієпископа полоцького Іраклія Лісовського на тлі історії унії в Російській імперії на прикінці XVIII ст. // *Rocznik Instytutu Europy Środkowo-Wschodniej*. 2007. № 5.
17. Центральний державний історичний архів України у Львові.
18. *Kalinka W.* Sejm Czteroletni. Warszawa, 1990. Т. 2.
19. *Paździor K.* Dopuszczenie metropolity unickiego do senatu w 1790 r. Studium z polityki wyznaniowej Sejmu Czteroletniego // *Nasza Przeszłość*. 1999. № 91.
20. *Knychalska A.* Kwestia unicka w czasie Sejmu Czteroletniego // *Studia z dziejów XVII i XVIII wieku*. Wrocław, 2003.
21. Epistolae metropolitaram Kioviensium catholicorum Theodosii Rostockij, Heraclii Lisowskij, Gregorii Kochanowicz, Josaphat Bulhak 1788–1838. Romae, 1980.
22. *Chotkowski W.* Kościół w Galicyi 1772–1780. Historyja polityczna Kościoła w Galicyi za rządów Maryi Teresy. Kraków, 1909. Т. 2.
23. *Nabywaniec S.* Diecezja przemyska grekokatolicka 1772–1795 // *Premislia Christiana*. 1992/1993. Т. 5.
24. *Nabywanie S.* Unicy biskupi przemyscy. Rzeszów, 1995.



© 2014 г. А. С. ДОБЫЧИНА

«БЕСНОВАТЫЕ» В ТЫРНОВСКОМ ВОССТАНИИ ПОД РУКОВОДСТВОМ ПЕТРА И АСЕНЯ (1185–1186)

В статье рассматривается проблема идентификации «бесноватых», упомянутых в «Истории» Никиты Хониата, как «катализаторов» восстания 1185–1186 гг. В качестве возможного решения предлагается версия, связанная с византийскими инструментами легитимации.

The article scrutinised the problem of identification, who were the «demoniacs», mentioned in Niketas Choniates' «History» as cathalisers of the uprising of 1185–1186. A hypothese, suggested as a possible clue, deals with the Bysantian instruments of legitimation.

Ключевые слова: бесноватые, Второе Болгарское царство, восстание Петра и Асеня, культ св. Димитрия Солунского, народно-религиозная практика.

Становлению так называемого Второго Болгарского царства (в болгарской историографии – «возобновлению Болгарии») и, в частности, его начальному эпизоду: восстанию в Тырнове¹ в 1185–1186 гг. под руководством братьев Феодора-Петра и Иоанна (I) Асеня, – посвящена обширная научная литература – как на болгарском, так и на русском и на других языках². Однако ряд вопросов, принципиально важных для реконструкции хода и понимания сути этих событий, до сих пор не получил сколько-нибудь единодушного объяснения. Одним из них остается и вопрос о том, кем были те «бесноватые», которые, как сообщается в главном источнике о событиях в Болгарии в это время, «Истории» византийского чиновника, историка и богослова Никиты Хониата, – сыграли важную роль в привлечении местных жителей на сторону мятежных братьев.

Точнее, Хониат рассказывает буквально следующее: «Желая излечить своих земляков от трусости, братья построили церковь во имя мученика Димитрия, в которой собрали множество бесноватых из обоих родов (болгар и влахов? – С.И.) с налитыми кровью, косящими глазами, с распущенными волосами и вообще точно изображавших все то, что делают люди, одержимые бесами. Асени внушили им говорить в исступлении, будто Бог благоволил даровать свободу болгарам и влахам, будто соизволил снять с их шеи временное ярмо и будто с этой целью Христов мученик Димитрий оставил Фессалонику, покинул тамошний храм, не захотел более пребывать с ромеями и перешел к ним, чтобы быть им помощником

Добычина Анастасия Сергеевна – аспирантка исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

¹ Источники не упоминают название крепости, в которой произошло восстание. Однако большинство исследователей придерживаются мнения, что события произошли именно в будущей болгарской столице Тырново.

² Из работ, опубликованных по этой тематике в последние годы, особого внимания заслуживают статьи болгарских исследователей В. Гюзелева [1. С. 36–39]; Г. Николова [2. С. 597–617], а также С.А. Иванова [3. С. 95–123].

и сотрудником в их деле. Дав себе небольшой отдых и вдруг еще более преисполнившись (Пифонова. – *С.И.*) духа, эти сумасшедшие как бы в новом припадке падучей болезни начали потом опять возбуждать народ, провозглашая вдохновенным голосом, что не время теперь сидеть, что наступила решительная минута идти на ромеев [...] Одушевленный такого рода прорицаниями, весь народ вооружился поголовно»³.

Рассказ о восстании в Тырнове в «Истории» Хониата почти на всем протяжении строится вокруг действий и слов «бесноватых», что свидетельствует о том, что их появление отнюдь не случайно, но рассматривается самим автором как одно из ключевых звеньев в цепи произошедших событий. Ничего подобного нельзя обнаружить ни в одном другом источнике более или менее современном этим событиям: лишь во второй половине XIII в. о «бесноватых» в восставшем Тырнове написал в «Обзорной хронике» Феодор Скутариот, несомненно, опираясь при этом на рассказ Хониата [6. С. 243–244].

Примечательно, что с момента включения «Истории» в научный оборот фрагменту, описывающему воздействие «бесноватых» на собравшееся в Тырнове население, чаще всего не придавалось большого значения. Так, К. Иречек прямо назвал рассказ Хониата «извращенной легендой» [7. С. 301], а Ф.И. Успенский констатировал, что «ничего больше нельзя видеть в картине, в которой Н. Акоминат (Хониат) рисует общее одушевление болгар, возбуждаемых к войне с греками пророчествами и воззваниями бесноватых с налитыми кровью и дикими глазами, как весьма простой факт действительно очень сильного волнения в Болгарии» [8. С. 222]. Исследователи позднейшего времени, обращаясь к рассказу Хониата о восстании в Тырнове, нередко предпочитали его точному воспроизведению более или менее вольный пересказ, в котором сюжет с «бесноватыми» просто «выпал» как избыточная подробность (см., например [9. Р. 273; 10. Р. 183; 11. Р. 290]), а призывы к восстанию приписывались непосредственно самим братьям Петру и Асеню (см., например [12. С. 209; 13. С. 28]). Стремление представить рассказ Хониата как иронически-язвительную реакцию на восстание болгар против византийской власти стало устойчивой тенденцией для историографии XX в., в особенности болгарской и советской (см., например [14. С. 257–258; 15. С. 54–55; 16. С. 427] и др.⁴

Тем не менее, нередко и случаи буквального восприятия рассказа Хониата: так, классик болгарской медиевистики В. Златарский полагал, что в тексте описаны подлинные бесноватые – «разные эпилептики и полупомешанные из обоих народов, которые в Средние века считались Божьими людьми, т.е. такими, через которых говорит Божество» [19. С. 431]. Согласно греческому исследователю Ф. Малингудису, «бесноватые» Хонита могли быть нестинарарами, а их состояние «иступления» можно объяснить особенностями экстатической практики, сопровождающей нестинарский обряд хождения по раскаленным углям [20. S. 110–112]. Наконец, согласно отечественному византинисту С.А. Иванову, действие «бесноватых» могло быть проявлением остатков протоболгарского шаманизма, который продолжал бытовать, в том или ином виде, на исторических болгарских землях, включая их северо-восток [21. С. 68–69].

В то же время принимая рассказ Хониата как буквальное описание некоего конкретного действия культового характера и пытаюсь найти его объяснение в культурных особенностях и народно-религиозных практиках населения северо-восточной части средневековых болгарских земель, исследователи, как правило, оставляли без должного внимания важнейшую составляющую восстания – культ

³ Так передает этот рассказ С.А. Иванов: [3. С. 111–112]. Другой русский перевод: [4. С. 22–23]. Греческий оригинал: [5. Р. 371].

⁴ Обстоятельства восстания рассматриваются и в работах отечественного византиниста Г.Г. Литаврина: [17. С. 435, 443; 18. С. 367].

св. Димитрия, достигшего необычайной популярности как в византийских, так и славянских землях к концу XII в.⁵ Между тем, известно, что в момент выступления болгары располагали некой широко почитаемой иконой с изображением великомученика [25. С. 48–50] и само восстание, по всей вероятности, было приурочено к празднованию дня св. Димитрия Солунского [26. С. 257–265]. В связи с этим возникает закономерный вопрос: не мог ли известный образ великомученика вместе с одноименным храмовым зданием быть частью некоего богослужебного ритуала, связанного с почитанием памяти св. Димитрия, объявленного покровителем восстания?

Ритуалы с иконами были одной из важнейших составляющих византийского благочестия и имели определенные «стандарты» и образцовые формы организации, известные как в столице, так и на окраинах империи [27. С. 133–139]. Воздействие этих ритуалов на верующих было чрезвычайно сильным. Последние активно включались в их совершение, обращаясь к самим иконам с молитвами и иным образом выражая перед ними свое благоговение [28. С. 256–257]; [29. С. 13–89]. Ритуальные действия подобного рода едва ли не в обязательном порядке предполагали участие неких постоянных групп лиц – будь то мирянские «братства», организованные вокруг почитаемых святынь, братия монастырей или клир храмов, в которых эти святыни хранились [30. Р. 360–384].

Так, широкой известностью не только в Византии, но и во всем христианском мире пользовалось знаменитое «вторичное чудо», связанное с константинопольским монастырем Одигон и образом Богоматери Одигитрии (см. [31. С. 39–69; 29. С. 243–274; 32. Р. 199–207]). Согласно Стефану Новгородцу (XIV в.), «дивное зрелище» являл собой при этом действия определенной группы людей: «одному человеку поставят на плечи икону стоймя, а он руки раскинет, как будто распятой, также и глаза у него закатятся, – страшно видеть, – и по площади мечет его туда и сюда, очень сильно вертит его, а он не помнит себя, куда его икона носит. Потом другие подхватят, и с ними то же бывает, так же и третий, и четвертый подхватывают, и они поют с дьяконами пение великое» [33. Р. 37]. Новые подробности «чуда» добавляет испанец Перо Тафур (начало XV в.): по его словам, ритуал совершался неким братством, облаченным в красные одеяния, и «люди эти из одного рода, другие не могут исполнять эту службу; они движутся с большой процессией, и люди в том одеянии подходят по одному к иконе, и кто ей нравится, тому она позволяет взять себя легко, словно бы весила она одну унцию, и кладут ее на плечо, и с песнопениями выходят из церкви и направляются к большой площади, и там тот, кто несет ее, ходит с ней от одного конца до другого, и обходит [так площадь] пятьдесят раз, и кажется, что икона поднимает его над землей, причем он теряет сознание и бледнеет, не отрывая глаз от нее; затем он садится, подходит другой, берет ее, кладет себе на плечо, и делает то же самое, так что таким образом четыре или пять человек носят ее в течение того дня» [34. С. 245–246].

Примечательно, что собравшийся на площади народ не был простым наблюдателем «чуда», но также принимал активное участие в действе: испанец Руи Гонсалес да Клавихо отмечает, что когда икону выносят и ставят посреди площади, «весь народ начинает молиться перед ней с плачем и стенаниями» [34. С. 241]. В свою очередь, Стефан Новгородец обращает внимание на то, что в начале действия народ «воскликает с плачем: «Господи помилуй!», – а во время «чудного зрелища» эмоции накаляются так, что народ уже «взывает с плачем: “Господи, помилуй!”» [33. Р. 37].

Известно, что подобного рода ритуал существовал и в Фессалонике. По сообщениям Константина Арменопула (1320–1380/1383 гг.) и Симеона Солунского

⁵ Подробнее об истории культа св. Димитрия и его почитании в Византии и на славянских землях от истоков до конца XII в. см. [22. С. 103–105; 23. С. 155–195; 24. С. 333–344].

(1416/1417–1429 гг.), в честь дня св. Димитрия там ежегодно устраивалось пышное трехдневное празднество, главным элементом которого была торжественная процессия с реликвиями великомученика через весь город. Кроме того, Симеон Солунский уточняет, что впереди всей процессии несли сосуд с миром и что в определенные моменты его ставили рядом с иконой великомученика. Этот сосуд был накрыт тканым покровом с изображением св. Димитрия в рост [35. С. 46–52]. Церемония заканчивалась всеобщим бдением, а наутро начинались народные гуляния [36. Р. 81].

Можно предположить, что процессия с реликвиями св. Димитрия бытовала в Фессалонике и в XII в.⁶, а значит, в свою очередь, она могла быть воспроизведена в Тырново в 1185 г.

По авторитетному замечанию Н.Д. Барабанова, «выход иконы [...] с организацией последующего зрелища являлся мощным средством воздействия на паству» [28. С. 256–257]. Не могло ли подобное воздействие иконы использоваться и во время восстания 1185 г.?

Видимо, внезапное появление во время празднования в Тырново дня св. Димитрия его чудотворного фессалоникийского образа и воспроизведение соответствующего ритуала силами местного клира, монашества или братства должны были убедить даже наиболее стойких противников конфликта с империей в наличии «божественной санкции» на восстание. Несомненно, факт появления в распоряжении мятежников неких святынь, связанных с культом св. Димитрия, торжественная процессия в его честь со всеми необходимыми атрибутами и, вероятно, со всей пышностью, на которую только были способны асеневцы в провинциальной болгарской крепости, должны были вызвать возмущение и негодование в столичном Константинополе. А значит, употребление Хониагом термина «бесноватые» могло преследовать задачу намеренной «демонизации» дерзких «варваров», в том числе помогавшего им клира, монашества или братства, осмелившихся использовать византийский религиозно-политический «инструментарий» в антивизантийских целях – против императора Исаака II Ангела.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гюзелев В.* Чудотворна икона на св. Димитър Солунски в Търново през 1185–1186 г. // Любен Прашков – реставратор и изкуствовед. София, 2006.
2. *Николов Г.Н.* Българите и Византийската империя (август–ноември 1185 г.) // Тангра. София, 2006.
3. *Иванов С.А.* Общественная мысль в Болгарии в XI–XIII вв. // Власть и общество в литературных текстах Древней Руси и других славянских стран (XII–XIII вв.). М., 2012.
4. *Никита Хониаг.* История, начинающаяся с царствования Иоанна Комнина. СПб., 1862. Ч. 2. (=Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной академии. Т. 7).
5. *Nicetas Choniata.* Historia. Rec. I. A. van Dielen Berolini et Novi Eboraci, 1975 (=Corpus Fontium Historiae Byzantinae. Vol. 11/1).
6. *Theodoros Scutariota.* Compendium chronicum // Гръцки извори за българската история. София, 1972. Т. VIII.
7. *Иречек К.* История болгар. Одесса, 1878.
8. *Успенский Ф.И.* Образование Второго болгарского царства. Одесса, 1879.
9. *Angold M.* The Byzantine Empire (1025–1204): a Political History. New York, 1984.
10. *Wolff R.L.* The Second Bulgarian Empire // Speculum. 1949. XXIV.
11. *Stephenson P.* Byzantium's Balkan Frontiers. A Political Study of the Northern Balkans, 900–1204. Cambridge, 2004.
12. *Палаузов Сп.* Избрани трудове. София, 1974. Т. I.
13. *Цанкова-Петкова Г.* България при Асеневци. София, 1978.
14. *Мутафчиев П.* История на българския народ (681–1323). София, 1943. Т. 1/2.

⁶ Сделать такой вывод позволяет сохранение в Фессалонике вплоть до XV в. древней традиции городского соборного богослужения по уставу Константинопольской Великой церкви и необычайная устойчивость византийских обрядов [37. С. 38–39, 51, 94, 98].

15. Дуйчев И. Проучвания върху средновековната българска история и култура. София, 1981.
16. Божилков И., Гюзелев В. История на средновековна България. VII–XIV век. София, 1999.
17. Литаврин Г.Г. Болгария и Византия XI–XII вв. М., 1960.
18. Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
19. Златарски В. История на Българската държава през средните векове. София, 1934. Т. 2.
20. Malingoudis Ph. Die Nachrichten des Niketas Choniates über die Entstehung des Zweiten Bulgarischen Staates // Byzantina. Thessaloniki, 1980. Т. 10.
21. Иванов С.А. Формы легитимации верховной власти в Болгарии в XII–XIII в. // Славяне и их соседи. М., 2008. Вып. 12. Анфологион: власть, общество, культура в славянском мире в средние века.
22. Добычина А.С. «Имперский» святой // Родина. 2013. № 1.
23. Иванова О.В., Турилов А.А., Лукашевич А.А., Преображенский А.С. Димитрий Солунский // Православная Энциклопедия. М., 2007. Т. XV.
24. Петров П. Възстановяване на Българската държава: 1185–1197. София, 1985.
25. Дуйчев И. Проучвания върху българското Средновековие. София, 1945.
26. Prinzing G. Demetrios-Kirche und Aseniden-Aufstand. Zur chronologischen Präzisierung der Frühphase des Aseniden-Aufstandes // Сборник радова Византолошког института. Београд, 1999–2000. Т. 38.
27. Паттерсон-Шевченко Н. Служители святой иконы // Чудотворная икона в Византии и Древней Руси. М., 1996.
28. Барабанов Н.Д. Культ иконы Одигитрии в Константинополе в аспекте византийского народного благочестия // Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников. М., 2009.
29. Шалина И.А. Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
30. Nesbitt J., Witta J.A. Confraternity of the Comnenian Era // Byzantinische Zeitschrift. 1975. № 68. Heft 2.
31. Лидов А.М. Чудотворное действо с Одигитрией Константинопольской // Иеротопия. Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.
32. Janin R. La géographie ecclésiastique de l'Empire Byzantin. Paris, 1969. Т. III. Les églises et les monastères.
33. От странника Стефанова Новгородца // Majeska J. Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries. Washington, 1984.
34. Реликвии в Византии и Древней Руси. Письменные источники. М., 2006.
35. Pallas D.I. Le ciborium hexagonal de Saint-Demetrios de Thessalonique: Essai d'interprétation // Зорграф. 1979. Т. 10.
36. Papagiannopoulos A. History of Thessaloniki. Thessaloniki, 1982.
37. Тафт П. Византийский церковный обряд. СПб., 2000.



А.В. БОРТНИКОВА. Державна влада та місцеве самоврядування на Волині (кінець XIV – середина XVII ст.). Луцьк, 2013. 552 с.

А.В. БОРТНИКОВА. Государственная власть и местное самоуправление на Волини (конец XIV – середина XVII ст.)

Распад Советского Союза и формирование новых самостоятельных государств, как славянских, так и прибалтийских, создали новые возможности для изучения прошлого этих стран. На смену централистскому подходу – с упором на роль верховной власти пришел новый – региональный. Актуальным стал исторический опыт взаимоотношений верховной и местных властей, в том числе и городских, в пределах тех крупных государственных общностей, в которые в Средние века и в Новое время входили те или иные регионы современных Белоруссии и Украины. Ответом на запрос нашей эпохи оказались исследования, посвященные Киеву (Н.А. Билоус) и Витебску (М.Д. Макаров). Теперь пришла очередь и городов Волини.

К прошлому этого своеобразного региона – транзитной территории, своеобразного «моста» между Востоком и Западом, обратилась преподавательница Восточноевропейского национального университета им. Леси Украинки А.В. Бортникова. Она показала, что становление системы управления на Волини в XIV – первой половине XVII в. проходило в условиях борьбы литовских князей и польских королей за овладение вольскими землями, ликвидации тут удельной системы и вхождения этих территорий в состав Великого княжества Литовского. Основное внимание автора сконцентрировано на организации верховной властью системы управления в городах, формировании ее структуры и обеспечении эффективного функционирования в изучаемый период.

Автор хорошо знакома с советской литературой проблемы (когда ее изучение отнюдь не поощрялось, что показывает опыт Н.П. Ковальского и Н.Г. Крикуна) и новейшими исследованиями в области городского права, прежде всего магдебургского. Бортникова сумела мобилизовать весьма представительный материал по теме – как опубликованный (в таких серийных изданиях, как «Акты Западной России», «Акты Южной и Западной России», «Архив Юго-Западной России», «Архив Сангушков», Литовская метрика, многочисленные тома которой в постсоветское время стали доступны ученым благодаря усилиям прежде всего литовских, а также украинских и белорусских коллег), так и архивный (прежде всего местный – документы Государственного архива Волинской области, материалы гродских книг Луцка и Владимира (Волинского), которые находятся в Центральном государственном историческом архиве Украины). Благодаря этому в исследовании оказался представленным более широкий спектр вопросов, чем на протяжении большей части XX в. вынуждены были ограничиваться ее предшественники. Однако было бы неверным упрекать автора в игнорировании социально-экономического фактора. Напротив, она вслед за А.Е. Заяцем показывает активность локационного процесса на Волини и характер управления городами, возникавшими на протяжении XVI – первой половины XVII ст. В города часто превращались достаточно крупные и уже хорошо устроенные сельские поселения, иногда

даже в результате простого переименования села в город, а сельские жители в таком случае почти автоматически переходили в разряд мещан. Важно подчеркнуть, что большинство вновь возникавших городов, как видно из материалов книги, были частновладельческими. А это, в свою очередь, свидетельствует о ведущей роли в локационном процессе привилегированного сословия и некоторой слабости городского населения. Можно надеяться, что суммированные Бортниковой данные по этому вопросу послужат основанием для сопоставления с другими регионами Украины.

Новые условия производства и жизнедеятельности социума, освобождаясь от застарелых правовых норм и правил, требовали своего юридического оформления. В течение XV–XVI вв. города Великого княжества Литовского переживали трудный процесс замены традиционного местного права на немецкое/магдебургское. Поэтому не случайно этой проблеме в книге уделено достаточно много внимания.

Автор остановилась на изучении вопросов становления и особенностях функционирования этого права в великокняжеских и королевских городах Луцке и Владимире, а также в частновладельческих – Ковеле и Острожце. Исследовательница приходит к выводу, что в «чистом» виде магдебургское право в городах Волыни не существовало. Поскольку это право пришло на волынские земли из Польши, оно претерпело изменения и в каждом отдельном случае представляло оригинальную смесь прав и обычаев, характерных только для конкретного города. Организация самоуправления в частновладельческих городах отличалась от великокняжеских. На примере Ковеля и Острожца доказано, что здесь городское самоуправление после получения привилеев на магдебургское право развивалось слабо или совсем не прижилось.

Особенностью рецензируемого труда является и сама методика исследования, резко отличающаяся от той, которая была

преобладающей в предшествующее столетие. Учитывая современные тенденции развития исторической науки, автору удалось отойти от стереотипных подходов в освещении проблемы становления и развития городского самоуправления только как производной от экономики и политики. Ключевые вопросы темы рассматриваются автором в широком контексте межгосударственных, социальных и культурных процессов, которые протекали в европейском и евразийском социумах, с одной стороны, а с другой – с учетом чисто человеческого фактора. Каждое время порождает своих героев и антигероев. Последние, в частности представители владельца, пользуясь привилеем от него, превращались в настоящих мучителей горожан, не допуская последних к использованию норм магдебургского права. Благодаря использованию методики антропологического анализа А.В. Бортниковой удалось нарисовать живую, полную драматических подробностей картину управления волынскими городами. Ее исследование в ряду трудов зарубежных и отечественных историков последнего десятилетия значительно обогащает наши знания по этому вопросу.

Актуальность рецензируемой книги сомнений не вызывает. Исторический опыт и политические реалии сегодняшнего дня убеждают, что без объективного знания истории, свободного от идеологических наслоений и тенденциозности, невозможны научно обоснованные прогнозы развития общества. Хотелось бы пожелать, чтобы современные власти Волыни в практической деятельности учитывали ошибки своих далеких предшественников на этом посту. А известная мысль «*historia est magistra vitae*» оставалась не догмой, а руководством к действию, что и оправдывало бы деятельность не только автора рецензируемой работы, но всех профессионалов этой сферы науки.

© 2014 г. *А.Л. Хорошкевич*

О. АЛФЬОРОВ, О. ОДНОРОЖЕНКО. Українські особові печатки XV–XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ. Харків, 2008. 200 с.

А. АЛФЕРОВ, О. ОДНОРОЖЕНКО. Украинские особые печати XV–XVII в. по материалам киевских архивохранилищ

Создание независимых государств на территории СССР сопровождается освождением исторической науки от норм советской, выдававшейся за «марксистскую», идеологемы и возрождением в новых странах тех специальных дисциплин, которые в течение нескольких десятилетий объявлялись либо «буржуазными», либо «дворянскими», а на самом деле представляли поле, на котором особыми методами формировались представления о тех лицах, которые населяли территории бывшего СССР в далеком прошлом. К числу таких дисциплин принадлежит и сфрагистика. Ее возрождение в разных странах постсоветского мира происходит с разной интенсивностью. В России, пожалуй, скорее, чем в других странах, по ряду причин. Во-первых, благодаря тому, что сфрагистикой занимается один из наиболее талантливых представителей московской исторической школы – В.Л. Янин, во-вторых, потому, что его штудии касаются достаточно удаленного времени и особого влияния на развитие современного общества не оказывают [1], в-третьих, потому, что большая часть остальных исследователей занимается историей государственных печатей, что весьма популярно в связи с общей патриотической направленностью современной российской исторической науки и политологии. Несколько медленнее продвигается по пути развития сфрагистики Белоруссия, где этой темой занимается лишь один человек – А. Титов.

Иное дело – Украина и ее историческая наука. Отсутствие собственной государственности в течении многих веков, если не считать таковой период Гетманата, что несколько спорно, лишает украинских историков соблазна ограничиться именно государственными печатями [2]. Кроме того, в соответствии с общим направлением европейской исторической мысли – стремлением к изучению роли отдельной личности на Украине преобладает интерес именно к персональным печатям. Возрож-

дая прежние – «дореволюционные» польские [3] и российские [4] традиции, авторы рецензируемой публикации А. Алферов и О. Однороженко обратились именно к этой сфере. В коллективной работе соавторы собрали печати, обнаруженные ими в киевских архивохранилищах – Центральном государственном историческом архиве, в Институте рукописей Национальной академии наук Украины им. Вернадского, архиве г. Киева. Таковых оказалось 868. Указаны дубликаты печатей, хранящиеся в Львове, Варшаве, Кракове. Рецензируемое издание принадлежит к наиболее фундаментальным изданиям подобного рода.

Я не уверена в том, что личные печати XV – первой половины XVII в. могут быть названы украинскими, ибо, по моему мнению, украинская народность сложилась лишь к середине XVII в. [5] (того же мнения придерживается культуролог Л.А Софронова [6. С. 19–22]), и публикуемые печати характеризуют один из путей ее становления. Однако для простоты конечно следует употреблять именно этот термин.

Публикация снабжена прорисями печатей, в целом сделанными очень качественно, лишь иногда отсутствуют имеющиеся в описании детали печати (буквы А на прориси № 2, буквы О на прориси № 36).

Печати описаны согласно методике, принятой в современной польской сфрагистике: владелец и его социальное или политическое положение (должность), характеристика изображения, легенда печати, место хранения, указание литературы, если таковая имеется. Не решаясь оспаривать права авторов на подобный выбор, считала бы в высшей степени полезным указывать тип, вид и разновидность документа, удостоверенного личной печатью, ибо это позволило бы судить относительно сферы применения печатей и полномочий их владельцев.

К сожалению, отсутствует введение с аналитической характеристикой печатей,

крайне необходимой в том случае, если одному лицу принадлежало несколько печатей (№ 1–5 Аксак Ян Мартинович в разных должностях).

Подсчеты, произведенные на 1/10 представленного материала (№ 1–87, буквы А–В), среди владельцев печатей (одно лицо не имеет указания социального статуса – № 52) показывают абсолютное преобладание светских лиц (один священник, он же землянин, один митрополит, зато какой! – Иов Борецкий – № 40), катастрофически низкий удельный вес бюргерства (один мещанин № 51), зато несколько большее число городских «администраторов» (один городничий – № 64, один мостовничий – № 41, один бургграф – № 67; два бурмистра № 8, 12), несколько более высокую долю землевладельцев (8%), не занимавших никаких должностей, но именованных просто панями (№ 34–35, 37, 71, 85–87), такое же число членов королевского двора – 8% (один кравчий, владелец двух печатей – № 79–80, два стольника – № 31, 48, два подчаших – № 75, 83, один коморник – № 43). Заметно число высших светских администраторов (киевский подвоевода Аксак № 1–2, Вацлав Вильгорский № 70; три старосты № 17–18, 42, 56, три подстаросты – № 15–16, 73–74). Ожидаемо мало число военных (всего один хорунжий – № 29). Несколько больше число земских судей – около 8% (№ 3–6, 36, 84 плюс один подсудок – № 50), которому явно уступает число городских судей (№ 49, плюс один подсудок № 76–77) и писарей (№ 28, 78). Поразительно велика доля земян – 22 человека – 26,5% (№ 7, 9–10, 13, 20, 25–26, 33, 39, 45–47, 57, 59–63, 66, 69, 72), среди которых одна женщина – владелица печати № 22. Этот факт может свидетельствовать о высоком уровне правосознания по преимуществу волынских земель. Разумеется подсчеты *всех* данных Алферова и Однороженко могут несколько изменить результаты, но вряд ли особенно существенно.

Были бы полезны аналогичные подсчеты относительно использования различных графических приемов оформления печатей, но даже поверхностный взгляд убеждает, что форма щитов печатей не была связана с исполняемой должностью и печать таким образом еще оставалась в полной мере «личной».

Интересен и вопрос о принципах применения латинского и кириллического алфавита. На протяжении изучаемого авторами времени происходил очевидный процесс

смены кириллицы латиницей. Так, у того же Яна Мартыновича Аксака лишь самая ранняя печать 1594–1599 гг. (№ 2) имела кириллическую легенду. Как правило, кириллические легенды в отличие от латинских с инициалами имени и фамилии состояли только из имени. Так, любецкий боярин И. Богушевич-Жоглич в 1571 г. имел печать с легендой ИВАН (№ 32), известный господарский писарь 1482–1488 гг. Федор Владыка – с легендой ФЕД (№ 78), волынский пан Томило Ворона в 1558 г. – с легендой Томило (№ 87), а волынский пан Михайло Войсицкий в 1537 г. – с легендой МХА (№ 85). Это архаичное обозначение личности владельца печати восходит очевидно к раннему Средневековью.

Перечисленные выше аспекты отнюдь не полностью характеризуют важность рецензируемой публикации (за пределами рецензии осталась тема так называемого менталитета будущих украинцев). Тем не менее хочется подчеркнуть значимость фундаментальной работы А. Алферова и О. Однороженко и пожелать им новых успехов на пути создания полного корпуса «украинских» печатей позднего Средневековья и начала Нового времени.

© 2014 г. А.Л. Хорошкевич

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Янин В.Л. Новгородские печати XII–XV вв. М., 1970. Ч. 1, 2; Янин В.Л., Гайдучков П.Г. Новгородские печати XII–XV вв. М., 1998. Ч. 3.
2. Алфьоров О. Особові печатки Правобережної України: кінець XVIII – перша половина XIX ст. Біла Церква, 2005; Однороженко О. Українські державні, земельні та міські печатки козацької доби (кінець XVI–XVIII ст.). Харків, 2003; Однороженко О. Українська міська сфрагістика XVI–XVIII ст. // Збірник Харківського історико-філологічного товариства. Харків, 2006. Нова сер., Т. 12; Однороженко О. Князівська геральдика Волині середини XIV–XVIII ст. Харків, 2008.
3. Haisig H. Sfragistika szlachecka doby s' rednio-wieczia w s'wiete achialio'w lwowskich. Lwo'w, 1938; Gumowski M. Handbuch der polnischen Siegelkunde. Graz, 1966.
4. Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящимся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858.
5. Хорошкевич А.Л. В лабиринте этнополитико-географических наименований Восточной Европы в середине XVII в. // Русские об Украине и украинцах. М., 2012.
6. Софронюк Л.А. Старовинний український театр. Львів, 2004.

Д. БОВУА. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляха и народ на Правобережной Украине (1793–1914). М., 2011. 1008 с., карты, таблицы, именной указатель.

Книга французского историка Даниэля Бовуа объединила под одной обложкой перевод (выполненный на хорошем профессиональном уровне М. Крисань) трех монографий: «Российская власть и польская знать на Украине, 1793–1830» (Париж, 2003); «Шляхтич, мужик и ревизор: польское дворянство между царизмом и украинскими массами, 1831–1863» (Париж, 1985); «Борьба за землю на Украине, 1863–1914: поляки и этноэтнические конфликты» (Лилль, 1993).

Речь идет, однако, не о всей Украине, а лишь о трех ее губерниях – Волынской, Подольской и Киевской. Большой труд Д. Бовуа сосредоточен на двух основных сюжетах: первый связан с судьбой польской шляхты на Украине в XIX в. (около 300 000 чел.); второй – с характером имперской политики в этом регионе.

Каждая из трех книг опирается (наряду с опубликованными) на обширный массив архивных источников из Киева, Петербурга, Москвы, Варшавы, Кракова, Вроцлава, Вильнюса, Житомира, Винницы и Парижа.

Вопреки впечатлению, которое создает название книги, о крестьянах («народе») говорится лишь в одной из глав второй части. Однако представленная историком картина очень ясно показывает, что без учета крестьянско-шляхетского антагонизма, без преувеличений страшной трагедии «хлопов» не понятны ни лояльность к Российской империи польского дворянства, ни ненависть к нему со стороны «народа», который (вместе с большевиками) и разрубил пресловутый «гордиев узел» в 1917–1920 гг. В целом же рецензируемая книга предстает в первую очередь книгой об империи Романовых и «имперскости» дореволюционной России, и только потом – о польской шляхте и украинских хлеборобах. И именно в этом ее особое значение сегодня, когда тема «национального» и наднационального (в том его варианте, который передается весьма неадекватным словом «империя») приобрела столь драматическое звучание. Этим же книга Бовуа важна для всех, кто

интересуется не только историей России и Восточной Европы, но и проблемой наций и империй прошлого и их перспектив в будущем.

Д. Бовуа – один из лидеров мировой историографии в изучении истории Польши, Украины и Белоруссии. Он был профессором университетов Нанси и Лилля, а в 1990-е годы – профессором Сорбонны. Бовуа хорошо известен полонистам и как автор фундаментальных трудов по истории образования в российской части бывшей Речи Посполитой во первой трети XIX в.

Итак, центральная тема книги – политика Петербурга в трех губерниях правобережной Украины в 1795–1914 гг., а главный герой книги – местная польская шляхта. Наша читающая публика не представляет, в чем именно состояла драма польской шляхты и польской культуры на украинско-белорусских землях Российской империи в XIX – начале XX в. Это и положение польской культуры на восточных окраинах (кресах) бывшей Речи Посполитой, и социальная трагедия сотен тысяч безземельных шляхтичей, которые, не имея поместий и будучи лишены полноценного дворянского сословного статуса, стали «одноуровневыми».

В отличие от них польские помещики сохранили не только вотчины, но иногда и обширные или даже громадные латифундии, удержав благодаря этому большую часть старых сословных прав и привилегий, заняв в российской социальной иерархии то же место, что и русское дворянство. Благодаря этому в нашем сознании бывшая польская Украина предстает пространством прекрасных степей и миром блестящих аристократических имений, владельцы которых, став крупными предпринимателями, оставались по-прежнему и «сарматами» кресов исчезнувшей Речи Посполитой. Уцелевшие осколки этого мира – замечательные классицистические усадьбы Правобережной Украины. А Д. Бовуа показал, что на самом деле скрывалось за оградями дворянских гнезд. Приведем вслед за французским историком лишь один из многих примеров.

В 1847 г., уже почти 50-летний Бальзак побывал у Эвелины Ганской в имении Верховня и написал: «Крестьянин при нынешнем порядке вещей живет беззаботно, как у Христа за пазухой. Его кормят, ему платят, так что рабство для него из зла превращается в источник счастья и покоя». А вот канцелярия киевского генерал-губернатора Бибикова приблизительно в то же время, за два года и пять месяцев зарегистрировала на Правобережной Украине 500 (!) крестьянских самоубийств. Этой статистики Бальзак, конечно, не знал, но «экспессы и сложности» в жизни счастливых крестьян не мог не видеть. Как он их объясняет? «Характер здешних крестьян исчерпывается двумя словами: варварское невежество; эти люди ловки и хитры, но потребуются столетия, чтобы их просветить. Разговоры о свободе они, точь-в-точь как негры, понимают в том смысле, что им больше не придется работать. Освобождение привело бы в расстройство всю империю, зжидущуюся на послушании. И правительство, и помещики – все, кто видят, как мало толку от работы на барщине, – охотно перешли бы от нынешнего порядка к наемному труду, однако на пути у них бы встало огромное препятствие – крестьянское пьянство. Ныне крестьянин зарабатывает деньги лишь ради того, чтобы купить себе водки. Торговля водкой составляет один из главных источников дохода для помещиков, которые, продавая ее крестьянам, получают назад все, что те им заплатили. Свободу крестьяне поймут исключительно как возможность написать до бесчувствия» (с. 341).

Ситуация с Бальзаком и Ганской – прекрасный пример сословно детерминированной психологической глухоты, того, что в англоязычной антропологии стали называть *cultural misunderstandings*. И одновременно в этом есть что-то много более драматичное, чем сословный нарциссизм, что убедительно показал Бовуа. Это трагедия крестьян, которых имперское правительство из сословной солидарности со шляхтой оставило полностью во власти польских помещиков. Читая книгу Бовуа, мы не можем не сочувствовать вместе с ним судьбе польских шляхтичей, особенно – безземельных, но не можем не ужаснуться доле украинских крестьян, которых в эпоху зрелого Бальзака и молодого Тургенева не только беспощадно эксплуатируют, но и безжалостно секут, обливают кипятком, обваривают смолой, иногда просто убивают, не говоря о том, что насилуют без всякого

зрения совести их жен и дочерей – словом, доводят до полного психического и физического истощения. Граф Стажинский своими глазами видел, как чем-то провинившиеся крестьяне, связанные по рукам и ногам, лежали в жару на навозной куче, облепленные роем мух, с лицами, обмазанными медом. Тот же мемуарист писал, что один из панов назначил 50 ударов нагайкой своему «хлопу» за то, что тот кашлянул при пане; что девушкам, потерявшим белье во время стирки, брили головы; что мальчика, укравшего с пасеки мед, закопали живьем в муравейник. За то, что волк загрыз барана из стада, было приказано привязать пастуха вместе с мертвым бараном к дубу, и в летнюю жару крестьянин был изгрызен червями [2. С. 174]. Во французском издании данной книги Д. Бовуа прямо и справедливо писал о «подлинно зоологической жестокости» польских помещиков [3. Р. 12]. Как все это интерпретировать сегодня, в постмарксистскую эпоху – не совсем понятно (если только не прибегнуть к спасительному социофрейдизму и постмодернизму). Заслуга Бовуа, среди прочего, – как раз в том, что адекватно показана эта, так сказать, «классовая» коллизия. И хотя в России внимание читателей сосредотачивается, главным образом, на проблеме российской имперскости, не менее ценно присутствие в книге Бовуа двоякой социально-исторической драмы – замученного украинского крестьянства и деклассированной польской безземельной шляхты.

Прежде чем перейти к результатам предпринятого автором анализа, стоит упомянуть еще одно утверждение Бовуа. Это характеристика польского господства на Правобережной Украине как колониального. «Для поляков, несомненно, наступило время признать колониальный характер своего присутствия на Украине, откуда они в конечном счете были изгнаны [...] Отношение к местному населению и тип эксплуатации в латифундиях, направленной преимущественно на экспорт, указывают, несмотря на отдельные детали, на колониальный характер польского присутствия» (с. 928). Пока не очень привычно восприятие Речи Посполитой как империи. Недавно этот вопрос стал предметом обсуждения в журнале «Ab imperio» [4].

Имперская политика российского двора и бюрократии в отношении польских дворян Украины – сквозная и главная тема всех трех книг, объединенных в рецензируемом томе. Первая часть (книга, опубликован-

ная по-французски позже двух других, в 2003 г.) посвящена периоду между разделами Речи Посполитой и Ноябрьским восстанием 1830 г.; вторая (изданная во Франции в 1985 г.) – периоду между Ноябрьским и Январским восстаниями; третья – периоду между 1864 и 1914 гг. (издана в 1993 г.).

Очевидно, что на этих трех этапах русская политика не была одной и той же, и стартовой точкой для ее анализа естественным образом стали сведения о польской шляхте накануне двух последних разделов. Наличие значительного слоя безземельной сельской шляхты или шляхты, державшей надел на тех же условиях, что и крестьяне, составляло «головную боль» польской государственности и оказалось в центре конфликтов, сопровождавших работу Великого сейма и принятие конституции 3 мая 1791 г. Бовуа в связи с этим неоднократно возвращается к тезису о ложности широко распространенных представлений о шляхетском эгалитаризме, якобы прочной внутрисословной солидарности, вовлеченности всех «братьев-шляхты» в политическую жизнь и в процессы принятия решений, о массовом участии шляхты в сеймах, сеймиках и «сеймикованиях». Бовуа ставит под сомнение степень демократичности самой «шляхетской демократии» и критикует в связи с этим тех польских историков, которые не хотят с таким мифом расстаться. В этом контексте Бовуа не раз признает, что шаги по фактическому деклассированию безземельной шляхты были предприняты уже в законодательстве последних лет Речи Посполитой и пишет: «Итак, в канун распада Речи Посполитой для “гербовой голоты” не было предусмотрено никакой легальной структуры, определявшей ее статус» (с. 66), российское правительство продолжило ту же линию в политике по отношению к польской мелкой шляхте (отсюда ирония автора по поводу солидарности с «патриотической партией» Великого сейма Екатерины II как исполнительницы Конституции 3 мая (с. 80). Бовуа констатирует, что Петербург в XIX в. делал то, что скорее всего сделал бы и польский сейм, если бы разделы не состоялись, и, более того, ликвидация этого слоя как причудливой (привилегированной, но, фактически, нищенствующей) страты польского общества замедлилась после 1795 г. (с. 66).

Напомним в первой главе раздела, что большая часть польской землевладельческой знати (особенно «тарговичане», но не они одни) была без труда интегрирована в

правящие слои России, Бовуа считает эту сторону дела менее релевантной, чем судьбу шляхты-«голоты». О ней речь идет во второй и третьей главах этой части книги. Во второй («Как поступить с такого рода людьми?») Бовуа анализирует различные проекты, предлагавшиеся двором и бюрократией для решения вопроса о статусе безземельной (чиншевой) шляхты. Едва ли не первым был план фаворита Екатерины II П. Зубова предоставить польской шляхетской массе (не имевшей ничего кроме герба, старых «золотых вольностей» и права носить саблю), земли на осваиваемых территориях Малороссии. Этот план (как и некоторые аналогичные) квалифицируется автором как проект «чистки».

Далее Бовуа вводит в оборот серию касавшихся этой части шляхты проектов, предложений и предположений, исходивших от высшей бюрократии, ближайших советников Александра I и Николая I, от губернаторов Правобережной Украины. Все они были связаны с общероссийской политикой фиксации дворянского статуса и требовали от безземельных претендентов на шляхетство предоставить в герольдмейстерские конторы доказательства благородного происхождения. Не имевших таких доказательств записывали в однодворцы или другие группы, стоявшие выше крестьян, но ниже дворян. Такую политику и отказ признать сомнительные подтверждения дворянства Бовуа именует драконовскими мерами (с. 136) и классифицирует этот процесс как «первое решительное деклассирование» после подавления Ноябрьского восстания (с. 141).

Принципиальных различий между поляками и не-поляками в такой политике не делалось. Поэтому не всегда легко разглядеть именно «польский вопрос» в этом сегменте российской общественно-политической жизни. Кроме того, очень трудно уловить разницу между теми импульсами, которые шли от русских сановников (Канкрин, Сумцова) (с. 144, 168 и сл.) и польских друзей Александра I или польских губернаторов Правобережья (М. Бутовт-Анджейковича и М. Грохольского) (с. 153–156). Бовуа пробует это сделать, признавая, однако, всякий раз лишь *предположительность* связи между умеренностью предлагавшихся мер и польскими влияниями или польским авторством того или иного проекта.

Сразу после создания Герцогства Варшавского в 1807 г. готовность петербургских сановников закрыть глаза на отсут-

ствие подтверждений дворянского звания, дать землю безземельным шляхтичам и допустить эвентуальное двукратное (!) увеличение численности русского дворянства (половину из которого составляли бы поляки) Бовуа объясняет страхом, который, как предполагается, внушала польская политика французского императора. Предложения 1829 г. по привлечению поляков к государственной службе кажется Бовуа одним из проявлений антипольских настроений (на закономерное сомнение автор отвечает: «Огромное количество шляхты, для которой был характерен изолированный сельский образ жизни, не имело ни возможности (? – *М.Д.*), ни желания “служить” по русскому образцу», с. 148), а сам план 1829 г. считает примером «спекулятивной и идеологизированной по своему характеру работы» (с. 148). Выводу по этой главе придана характерная для авторской манеры метафорическая версия: план 1829 г. увенчал подготовку «западни, в которую было уготовано попасться шляхте в 1830–1840-е годы». Отмечается при этом, что «удачно расставленная» западня «оказалась недейственной вплоть до 1914 г.». Коварность ее заключалась в том, что сближение с русским дворянством означало «полный отказ в существовании чиншевой польской шляхты» (с. 156). Может быть, отказ от метафор и «гнева и пристрастия» облегчил бы задачу проникновения в предложенный Бовуа тезис, так как остается неясным, чем статус безземельной польской шляхты принципиально отличался бы в случае осуществления проекта 1829 г. от статуса русских «однородцев». Выше сам автор квалифицировал такую политику как попытку «придать польской шляхте статус, сравнимый с российским дворянством» (с. 95). Как же тогда понимать политику Петербурга в отношении «своего» российского дворянства? И ведь не в крепостных же обращали однородцев... Политика, сложившаяся к 1830 г. – была ли она политикой отторжения, подавления, разрушения и уничтожения польской неимущей шляхты или это была политика интеграции дворянства, сословной ассимиляции, нивелирования прав русских и польских дворян, находившихся в одной сословной категории? Поскольку Бовуа не сравнивает политику на Украине с политикой в отношении русского дворянства в целом, картина остается неясной. Внимательный читатель не может не предположить, что дело скорее в странной архаичности, «не-модерности» и

«антимодерности» российских имперских порядков. Наконец, какие были возможны альтернативы вместо продолжения работы, начатой Великим сеймом? Консервация шляхетско-сарматской старины, польской «антимодерности» вместо российской «антимодерности»? Империя Романовых ставит перед историками вопрос о необходимости что-то кардинально изменить в самой манере интерпретировать ее странные институты.

Герои третьей главы («Польские помещики под оком Петербурга») – польские дворяне-землевладельцы. Д. Бовуа задается, в частности, весьма болезненным для польской исторической памяти вопросом о том, почему они так легко расстались с системой «шляхетской демократии» в обмен на указы о сохранении земель и привилегий и распространение на них норм жалованной грамоты 1785 г. (с. 169)? Как он показывает, именно дворянские собрания, встав на место сеймиков, фактически полностью заменили на местах имперскую чиновничью администрацию. Российский чиновник – фигура едва ли не отсутствующая в суде и администрации правобережной Украины вплоть до 1860-х (а не только 1830-х) годов. Это значило, что крестьяне оставались не только под сеньориальной, но и под административно-полицейской и, что еще существеннее, – судебной властью шляхты, а эта система унаследовала все черты прежнего крепостнического произвола в отношении крестьян. При этом «мнимое шляхетское правосудие разъедало кумовство, помноженное на коррупцию, которое не раз клеймилось в произведениях польских авторов со времен эпохи Возрождения (Миколай Рей, Себастьян Кленович) и до конца XVIII в. (Адам Нарушевич, Енджей Китович)» (с. 174). Позицию же Петербурга Бовуа, приведя примеры неадекватно жестокой расправы с незначительными протестами селян (с. 170), объясняет тем, что только сама польская шляхта могла справиться с крестьянами, а также «неспособностью царских властей обеспечить украинские губернии нужным количеством чиновников» (с. 174). «Робкие разговоры» о судебной реформе начались в Петербурге только после 1831 г. (с. 175), но еще 30 лет «незыблемость местного самоуправления» (с. 175) оставалась правилом. «Существовавшая система, – пишет Бовуа, – была настолько значительной частью жизни шляхты, что еще было рановато для нанесения прямого удара по ней, подобного тому, который

произвела Австрия на отошедшей к ней части земель бывшей Речи Посполитой» (с. 174). Нетрудно, однако, заметить, что и в Галиции сеймиковые практики, произвол в отношении крестьян и мещан, отсутствие не-шляхетского суда было «значительной частью жизни» галицийской шляхты. В данном и других случаях сравнения российской системы управления с австрийской и прусской были бы более чем к месту, однако на протяжении не только этой, но и обеих других частей книги Бовуа к таким, казалось бы, необходимым параллелям не обращается.

Д. Бовуа ясно показывает, что фактически на Правобережной Украине была установлена система *непрямого* управления, хотя такой термин в книге не употребляется. Равным образом распределение земли также было вне контроля правительства (оказывалось даже невозможным его конфисковать у владельца, перешедшего на сторону Наполеона). Почему же так долго ничего не менялось? Даже кризис 1812 г., когда некоторые шляхтичи открыто изменили России (с. 203 и сл.), даже готовность части шляхтичей встать на сторону Наполеона в период существования Герцогства Варшавского (с. 198 и сл.) привели лишь к тому, что в декабре 1812 г. была объявлена амнистия всем тем, кто явится с повинной в течение двух месяцев, а в августе 1814 г. была провозглашена всеобщая амнистия, без каких-либо конфискаций или и иных дискриминационных мер. Бовуа объясняет эти парадоксы имперской политики тем, что «конфискации оказались экономически невыгодным, социально опасным и политически рискованным предприятием, но отказ от них дал императору повод продемонстрировать великодушие» (с. 207), однако содержанием соответствующей главы книги не доказана хозяйственная невыгодность, политические риски и, еще менее, социальная опасность не состоявшихся конфискаций. Дело, видимо, в особой логике (только ли сословной?), на которой строились отношения между монархией и ее разными по культуре, религии и исторической родословной подданными, в том числе и польской шляхтой Украины. Все то, что делалось Петербургом (и еще больше – не делалось им) в период между 1814 и 1830 гг. и в отношении польской шляхты Украины, следует этой же странной и, кажется, очень архаической логике, которая в книге Бовуа подробно представлена, но никак не ложится в схему привычных стереотипных пред-

ставлений о российской империи. Она, конечно, пугала своей архаичностью, главной жертвой которой были 9/10 ее населения, т.е. крестьяне всех этнических групп, но не похоже, чтобы национальные критерии играли важную роль в ее управленческой практике. По крайней мере, как видно из книги Бовуа, это было совсем не так в землях бывшей Речи Посполитой в первые десятилетия XIX в.

Периоду между двумя восстаниями посвящена вторая часть книги. Первая ее глава сосредоточена на крепостничестве. Во второй анализируются механизмы работы «западня для деклассированная шляхты». Всего между 1831 и 1864 г. в категорию однодворцев или просто безземельных подданных империи были переведены более 340 тыс. человек. Описав процессы и механизмы решения того вопроса, который начал решать Великий сейм, Бовуа пришел к выводу о «социально-культурной смерти» обнищавшей шляхты (с. 410), об «уничтожении [...] определенного типа цивилизации» (с. 410) и утверждает, что «истории известно совсем немного примеров такой масштабной ликвидации целой социальной группы – ликвидации, которая велась крайне умело и настойчиво на протяжении тридцати лет с помощью бюрократической и полицейской машины» (с. 411). Уместно, однако, задать вопросом, насколько ее судьба была иной в австрийской или прусской части Польши. Из приведенных данных не видно, что лишение этих шляхтичей дворянских привилегий было продиктовано мотивами ненависти к свободе и «польскости». Кажется, что мы имеем дело с неизбежной логикой бюрократической модернизации социальных отношений. Альтернативой была бы консервация институтов Речи Посполитой XVIII в., борьба с которыми в эпоху реформ Великого сейма оценивается обыкновенно как «прогрессивная». И стоит все-таки подчеркнуть, что, лишившись шляхетских привилегий бывшие дворяне не были обращены в крепостных и получили те же права, что и другие однодворцы или обыватели России.

Третья глава этой части книги («... С остальными частями империи в одно тело, в одну душу») посвящена судьбе тех шляхтичей, которые вместе с землей сохранили и дворянский сословный статус. Таковых было около 70 000. Они участвовали в дворянских собраниях, имели такие же полномочия, как и дворянство других частей империи, остались неограниченными вла-

стителами крестьянских «душ», могли (но чаще всего не хотели) поступать на государственную службу, получать образование, переселяться в города и ездить за границу, сохранять архаические титулы (в одном из уездных собраний на сто помещиков было 50 маршалков), заниматься предпринимательством и пр. Киевские генерал-губернаторы предлагали усилить роль русского дворянства и русского языка на Украине, вписывать в киевские родословные книги великорусских дворян, имевших там земли, добываясь «постепенного слияния западного края с коренной Россией, не подавая новой пищи неприязни к нам польского населения» (с. 426), но петербургский Комитет западных губерний выступал (и, кажется, систематически) против русификаторских усилий местных властей. Вывод Бовуа: «Понадобилось долгих семьдесят лет после второго раздела Речи Посполитой, чтобы с трудом проникшая в мир польских дворянских собраний Украины российская имперская идея в конце концов уничтожила остатки наследия Речи Посполитой» (с. 448).

В следующей главе («Аркадия под угрозой: землевладельческая шляхта») анализируется положение той же группы, но взятой в других измерениях ее истории, – о 200 шляхетских семьях, владевших более, чем 1000 «душ», о тысяче шляхтичей, имевших по несколько сот крепостных, еще нескольких тысячах владевших одним или несколькими десятками крестьян, и тех, кто составляли большинство сословия, имея землю, но не имея ни крестьян, ни прислуги. Эти 70 000 помещиков владели почти всей землей Правобережной Украины, а у Браницких, например, было 130 000 душ мужского пола и столько же – женского... Бовуа напоминает, что наилучшим путеводителем по польским усадьбам мог бы стать знаменитый роман Г. Жевуского «Воспоминания Соплицы» и романы Ю. Крашевского. Серой и бедной жизни безземельных шляхтичей противостояла старомодная роскошь аристократии, которой было присуща идея «мы, люди высшей расы» (с. 464). В этой среде выделялась группа, которую Бовуа назвал «жутким наростом на постепенно разлагавшемся социальном теле» – «группа бесноватых шляхтичей, доведших до специфической крайности свое понимание свободы и “золотых вольностей”» (с. 469) и бесчинствовавших самым невероятным образом. Но в этой же среде складывалась и польская интеллигенция, которая вклю-

чилась позднее в освободительное и революционное движение. Сведения о новых гимназиях и Киевском университете, который заменили закрытый знаменитый Кременецкий лицей, Бовуа поместил в рубрику «Культурный террор: учебные заведения и пресса», сведения о католицизме, униии и православных – в рубрику «Религиозный террор: католики и униаты перед лицом православия». Из проанализированных автором материалов, однако, не ясно, почему понятие «террор» вынесено в соответствующие заголовки. В третьем случае («Политический террор: репрессии после 1831 года и “заговора” Ш. Конарского», с. 505 и сл.) слово «террор» более уместно. Привлечение шляхтичей, которые, как показывает Бовуа, не хотели служить чиновниками, в ряды имперской бюрократии, квалифицируется как «вербовка» и «попытки ассимиляции».

В заключении к этой части книги Д. Бовуа говорит о «всеобъемлющем терроре» (с. 563), который «преследовал в конечном счете единственную цель – политическую: следовало уничтожить саму мысль о Польше» (с. 564), и нужно признать, что содержание данной части книги много богаче и интереснее, чем аллегорическая заключительная формула, апеллирующая к расплывчатому и неадекватному понятию. Автор настаивает на унификаторской, ассимиляторской и русификаторской сути российской политики на Украине: «Украина стала лабораторией, а шляхта – подопытным кроликом в первом опыте русских по преобразованию огромной социальной группы. Однако до воплощения идеи “единой и неделимой России” было еще далеко» (с. 566). Современное состояние исследований о порядках и политике в Российской империи XIX в. (как, впрочем, и изученный самим Бовуа огромный массив источников) заставляют прочесть эту броскую итоговую формулу как публицистический образ пристрастного автора. Однако, как и в других случаях, метафоры рецензируемой книги мешают увидеть важные результаты научного анализа. А они показывают, насколько трудно вместиť российские реалии в жесткий каркас привычных представлений о безжалостном имперском ассимиляционизме бюрократического Петербурга.

Третья часть книги Д. Бовуа посвящена имперской политике в отношении польской шляхты Украины в 1864 г. (см. рец. [1]). Две начальные главы посвящены русско-польскому и украинско-польскому антагонизму

в земельном вопросе. В первом случае речь идет о попытках Петербурга существенно сократить масштабы польского землевладения, и автор, обобщив громадный массив данных, показывает несостоятельность этой политики. Выясняется, что в процентном отношении польские помещики потеряли за это время на Украине много меньше земель, чем русское дворянство в целом по империи (с. 620), и что в пределах самой Украины земли русских помещиков переходили в руки новых владельцев много быстрее, чем земли поляков. При этом неоспоримо, как ни странно, обогащение польских землевладельцев благодаря выгодной экономической конъюнктуре (производство сахара, строительство железных дорог, экспорт зерна и пр.), а иногда – и очень выгодной для них политике правительства (например, Бовуа пишет о «манне небесной», пролившейся на помещиков в связи с введением казенной монополии на продажу алкоголя, сопровождавшейся огромными компенсациями со стороны министерства финансов). Намерения Николая II, как выясняется, «оказались полностью противоположными плану возобновления мер по активной деполонизации» (с. 615), фантастически быстрый рост цен на землю привел к тому, что уменьшение площади поместий не помешало существенному росту их стоимости и, соответственно, обогащению помещиков, сохранявших имения, а в 1905 г. были отменены все ограничения на приобретение поляками земельной собственности.

Вторая из двух начальных глав касается едва ли не самого любимого сюжета советской историографии – «положения крестьян, задыхавшихся на своих тесных земельных наделах» (с. 672), постоянного наступления землевладельцев на интересы крестьян, и, соответственно, ненависти крестьянства к польским (и непольским) помещикам, для выхода которой не оставалось ничего, «кроме привычного, инстинктивного и дикого бунта» (с. 673). После публикации польского издания книги автора упрекали в том, что она написана «в истинно социалистическом духе» и продолжает традиции марксистской историографии, показывая остроту противоречий между помещиками и «хлопами» (с. 692–693, прим. 107). Но как бы мы не судили о социализме и марксизме, фактическая сторона дела, которую с огромной ответственностью и адекватно описал Д. Бовуа, не позволяет бестрепетно пребывать в возвращающихся в нашу ис-

торическую память идиллических мифах о восточных польских «кресах».

Третья глава продолжает анализ судеб безземельной шляхты-«голооты», и Бовуа показывает ее полную и окончательную деградацию как социальной группы. Он пишет, что «на дне расставленной Бибиковым в 1840 г. “западни для шляхты” оказался ад» (с. 774), т.е. люди, не имевшие земли, перестали рассматриваться как дворяне.

Четвертая глава посвящена школьному делу, культуре и церковной политике. К социальной истории шляхты, помещиков и крестьян этот сюжет имеет косвенное отношение, но он важен для разбора собственно «национальных» аспектов российской имперской политики на Правобережной Украине. Бовуа пишет об ограничении власти высшего католического духовенства, о попытках обеспечить экспансию православия, о борьбе с унией на Холмщине, но все эти сюжеты, в отличие от других, которым посвящена большая часть книги, хорошо изучены. Говоря о связи религиозных противоречий с национализмом, Бовуа имеет в виду только русский национализм, а последний сближает с «общественной активностью великорусов», и все, что касается поддержки православия без колебаний записывает в актив русификации, прямо говоря в заглавии одной из рубрик главы о «религии – источнике национального антагонизма» (с. 805), отмечая, однако, что и польскому духовенству идея экуменического примирения с православной церковью была в высшей степени чужда (с. 808–809). Усилия по развитию школ почти спонтанно подверстаны под «русификацию», хотя даже из изученного автором материала видно, что это понятие очень часто (может быть, даже почти всегда) не соответствует тому, что на самом деле происходило в области развития государственного образования в Российской империи в целом.

В пятой и последней главе Д. Бовуа возвращается к главной теме книги – интеграции польской землевладельческой шляхты в Российской империи. В название главы вынесено понятие «экономической интеграции», и она открывается разделом «Новое обогащение польских землевладельцев Украины». Речь идет об огромных доходах, принесенных развитием железных дорог, экспортом зерна, производством сахара, хищнической эксплуатацией леса, накоплении денежных капиталов. Собранные и изученные данные производят сильное впечатление, которое не может не сопро-

вождаться сомнением, что подобное хозяйственно-денежное процветание могло сочетаться со статусом сколько-нибудь дискриминированной социальной группы. И второй раздел главы, в самом деле, рисует мир почти феерического благополучия, роскоши, блеска, спеси, самовлюбленного эгоизма и поразительной социальной слепоты, жестокая расплата за которую в 1917 г. выглядит пропорциональной остроте социальных антагонизмов. В этот контекст прекрасно укладываются представленные Бовуа сведения о верноподданнических настроениях и жестах польского дворянства, для которого Романовы оказались подлинными благодетелями. Трудно не согласиться, прочитав эту главу: «Этот мир, словно замкнутый сосуд, внутри которого нарастало давление, должен был в какой-то момент взорваться» (с. 920).

Подводя итоги изучения судеб польской шляхты Украины, Бовуа, тем не менее пишет о «настойчивой и последовательной политике русификации этого региона» (с. 928), хотя критерии для измерения «настойчивости и последовательности» такой политики расплывчаты, обобщенный в книге материал можно было бы использовать и в пользу тезиса о не настойчивом и не последовательном характере русификаторских усилий правительства. Может быть, именно этой непоследовательностью (продиктованной сословными принципами архаической Российской империи?) и объясняется тот факт, что «при этом российской власти не удалось, несмотря на все русификаторские усилия, элиминировать поляков из этого региона» (с. 928). Этот же вывод повторен и в общем заключении по всем трем, вышедшим в одном переплете, книгам: «Самый неожиданный и поразительный вывод [...], что усилия по интеграции, ассимиляции, русификации закончились для царских властей неудачей» (с. 939).

Общее заключение к книге Д. Бовуа открывается вопросом к читателю: «Удалось ли нам ухватить и воссоздать хотя бы часть искаленной и так долго фальсифицированной истории?» (с. 937). Ответим: да, удалось. Автор в самом деле показал огромный потенциал «регионального подхода в понимании функционирования общеимперских механизмов» (с. 938). Но к каким именно интерпретациям адресован упрек в «фальсификации» истории? Такими грубыми искажениями французскому историку видятся мнения о том, что интеграция им-

перии в данном случае Вольны, Подолии и Киевщины, не сопровождалась ассимиляцией и русификацией. Он более или менее последовательно, на протяжении всех трех частей книги описывает политику по отношению к польской шляхте Правобережной Украины как политику русификации, и приходит к выводу о неудаче политики царских властей (с. 939). Провал усилий по ассимиляции показан и доказан в книге в высшей степени убедительно, и это – большая заслуга французского ученого. И в спонтанном объединении понятий «интеграция, ассимиляция и русификация», на первый взгляд, нет ничего спорного. Так *принято* судить о российской имперской политике (особенно – о политике в последние предреволюционные полвека). Однако существует несогласие между Д. Бовуа и теми историками, которые все чаще сомневаются в том, что российская модель империи была «ассимилиционистской» и «русификаторской» и чей анализ не менее фундирован и осторожен, чем анализ автора рецензируемой монографии. Кажется, что эти ученые разногласия очень продуктивны, и книга Д. Бовуа *a contrario* вносит очень большой вклад в плодотворное разрешение накопившихся в эмпирических данных противоречий. В каком смысле политика имперских властей в отношении польских помещиков Украины называется русификаторской? Бовуа считает, что «действия целого ряда советников и чиновников – Державиных, Панкратьевых, Карамзиных, Желтухиных, Масловых, Васильчиковых, Безаков и Катковых – дают основание утверждать, что “общерусская идея” была постоянно, с начала и до конца изучаемого периода, связана с великорусским господством» (с. 940). Однако не ясно, какой эмпирический материал позволил бы нам сказать, что люди первой трети XIX в. и даже многие деятели последней трети XIX в., представляют именно *великорусский* национализм. Найти в России XIX в. *великорусских* националистов очень сложно, если вообще возможно. И это, кажется, одна из интереснейших сторон построения российской имперской модели, так как все необходимое для возникновения великорусского национализма, казалось бы, было в наличии. Более того, очень уязвимым является и распространенное мнение о том, что большое значение в политике империи Романовых играл «общерусский национализм», если мы под национализмом имеем в виду то, что обычно подразумевается в расхожем языке, а именно – утверждение,

что есть некая титульная, господствующая, ведущая «этническая» нация, которая ради своих интересов, на свой лад устраивает лежащие вокруг нее пространства империи, национальные территории и судьбы и т.д. В России вплоть до конца XIX в., на мой взгляд, сохраняется невероятная амбивалентность в том, что видится под *русскостью* и «общерусскостью». А «великорусскость» как некий националистический проект вообще, кажется, отсутствовал (кто сможет назвать хотя бы двух-трех *великорусских* националистов?)

Отсюда – один из главных и продуктивных вопросов, возникающих в связи с книгой Бовуа. Можем ли мы описать этот имперский порядок России как порядок *русский* (или, что было бы однозначно странно, – великорусский) – в том смысле слова «русский», который сейчас заложен в нас нашими учебниками и нынешней культурой?

Неудачу проектов ассимиляции польской шляхты и польской культуры на Украине Д. Бовуа усматривает в том, что вплоть до 1830 г. здесь сохранялись все атрибуты польского прошлого, включая сеймики, создаваемые ими местные администрации и суды, язык и систему образования (с. 939). Почему же политика ассимиляции завершилась неудачей? – «Это произошло потому, что над стремлением властей – подчас неистовым – “очистить” этот регион от поляков – верх всегда брало уважение тех же властей к крупной земельной собственности» (с. 939). Борьба с «польским элементом» в любых формах велась на основе права. Бовуа даже рискнул выдвинуть гипотезу в «сослагательном наклонении»: «Можно предположить, что, если бы среди русских дворян оказалось больше желающих переселиться на Украину, законы были бы соответствующим образом переписаны, и “польский вопрос” ушел бы в небытие» (с. 939). Иными словами, сословно-классовая солидарность была причиной нерешенности «польского вопроса» на Правобережной Украине. Но у нас нет, кажется, ни одного признания со стороны русской

бюрократии и двора, что объединяя Украину в «одно тело и одну душу» с Россией (т.е. *интегрируя* Россию), нужно бы непременно ассимилировать и русифицировать польское дворянство. Нет ни одного признания, что этого не удалось сделать потому, что, несмотря на желательность унификации, дворянская солидарность, мол, не позволила. Не было, кажется, и проектов колонизаторского захвата польских имений великорусскими помещиками, которым помешала бы предполагаемая сословная солидарность.

Отражением этого и других сомнений относительно применимости того категориального аспекта, который сложился при изучении Британской, Французской, Германской и даже Австро-Венгерской империй, к реалиям дореволюционной России, стало слово, введенное в оборот А. Каппелером. Российская империя, предлагает говорить он, вплоть до конца XIX в. оставалась *pre-modern empire* – она не была современной империей (каковыми были империи Западной Европы), в центре которых непременно стоит строящая империю нация, и в этом отношении Россия не похожа на западные аналоги (и даже, видимо, на империю Габсбургов). В исторической логике построения российского *наднационального* порядка (по меньшей мере вплоть до самого конца XIX в., когда Россия начинает модернизироваться и в этом отношении тоже) есть какая-то большая научная загадка, в разрешении которой Д. Бовуа внес огромный вклад своим выдающимся исследованием.

© 2014 г. М.В. Дмитриев

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вопросы истории. 1998. № 7.
2. Історія української культури. Побут. Письменство. Мистецтво. Театр. Музика. Київ, 1994.
3. *Beauvois D.* La bataille de la terre en Ukraine, 1863–1914. Les Polonais et les conflits socio-ethniques. Lille, 1993.
4. Была ли Польша империей? Беседа Анджея Новака с Романом Шпорлюком // *Ab Imperio*. 2007. № 1.

ПАМЯТИ СИГУРДА ОТТОВИЧА ШМИДТА
(1922–2013)

В ночь с 21 на 22 мая 2013 г. скоропостижно умер Сигурд Оттович Шмидт, крупнейший ученый-историк и общественный деятель. Российская наука понесла тяжелую утрату. Ушел из жизни человек, блестяще представлявший российскую культуру на Родине и за рубежом. Его многочисленные статьи и монографии, лекции и интервью были известны широкому кругу читателей и слушателей и вызывали любовь к истории и чувство национальной гордости.

Сигурд Оттович прожил 91 год, 1 месяц и 6 дней. Он родился в Москве 15 апреля 1922 г. Его родителями были Отто Юльевич Шмидт и Маргарита Эммануиловна Голосовкер. Сигурд Оттович всегда восхищался личностью и гордился славой своего отца. Но его выбор сферы занятий говорит о том, что профессия матери, музееведа и историка искусств, больше соответствовала природе таланта сына. В 1930–1939 гг. Сигурд учился в арбатских школах № 7 и 10, бывших гимназиях. Будучи сыном знаменитого ученого, государственного деятеля и героя, Сигурд Оттович принадлежал, тем не менее, к числу «детей Арбата», где он знал каждый дом и закоулок. Обитая с матерью и няней в многонаселенной коммунальной квартире, не избежавшей типичных трагедий того времени в виде арестов и внезапного исчезновения людей, Шмидт с детства научился ценить человеческую солидарность, доброту и добрососедство, мужество, терпение и выдержку. В сентябре 1939 г. он поступил на исторический факультет МГУ, который закончил в июне 1944 г., защитив в мае того же года дипломную работу на тему «А.Ф. Адашев – сподвижник Ивана Грозного», написанную под руководством М.Н. Тихомирова.

Изучению истории XVI в., главным образом эпохи Ивана Грозного, были посвящены также диссертации С.О. Шмидта – кандидатская (июнь 1949 г.) и докторская (январь 1965 г.). В феврале 1949 г. началась работа Сигурда Оттовича в Московском государственном историко-архивном институте (МГИАИ, с 1991 г. – ИАИ РГГУ) в должности старшего преподавателя, с 1950 г. – доцента, с 1970 г. – профессора. В 1949–1956 гг. МГИАИ был главным местом работы С.О. Шмидта. С 1957 г. и вплоть до последнего дня жизни он работал в этом учебном заведении по совместительству. Формы его работы были разнообразны – ведение семинарских занятий, чтение лекций, спецкурсов, руководство написанием докладов, курсовых, дипломных работ, кандидатских и докторских диссертаций и, наконец, бессменное ведение в течение полувека (начиная с 1950 г.) научного студенческого кружка источниковедения истории СССР (с 1991 г. – отечественной истории). Все виды занятий давались Сигурду Оттовичу с блеском. У него был природный дар преподавания, настоящий талант, уникальная особенность соединять богатую эрудицию с оригинальностью и остротой мысли, ассоциативностью и художественностью. В его картинах истории всегда присутствовали живые люди с их специфическими характерами, достоинствами и слабостями. Он удивительно тонко учитывал роль различных факторов, в том числе родственных связей между действующими лицами событий. Заключительные речи Сигурда Оттовича на заседаниях кружка являлись образцами блестящего и подчас неожиданного синтеза. Они восхищали и увлекали, стимулировали мысль и пробуждали жажду научного поиска. Из спецсеминаров и кружка Шмидта вышло более 100 дипломных работ, более 50 кандидатских диссертаций. Шмидт заботился не только о научном росте и публикации

трудов своих воспитанников, но и об их трудоустройстве и благополучии вообще. Он был внимательным и любящим отцом большой семьи, состоявшей из нескольких поколений учеников, которые отвечали своему учителю любовью и преданностью.

С 1956 г. основным местом работы С.О. Шмидта становится Академия наук СССР. Переход в эту систему совпал с тяжелым моментом в его жизни – смертью (почти одновременно) обоих родителей. Шмидт был любящим сыном, он глубоко переживал горе, но держался мужественно. Вероятно, он получил такое воспитание, а может быть, это определялось его представлением о человеческом достоинстве, во всяком случае, он никогда не перекладывал свои переживания на других, не выплескивал наружу свои отрицательные эмоции, не являл миру свое дурное настроение, оставался вежлив и внимателен к людям, не столько повествовал о себе, сколько интересовался мнением собеседника. Впоследствии С.О. Шмидту пришлось так же мужественно смириться с потерей еще одного дорогого ему человека – его старой няни Франциски Александровны (она же – Тата), ведшей все хозяйство и души не чаявшей в своем с младенческих лет вынужденном Зиге.

Перейдя в штат Института истории АН СССР, Сигурд Оттович вел очень большую работу в качестве члена редколлегии и заместителя главного редактора журнала «История СССР» (1956–1960). Талант редактора и организатора науки были одним из тех даров, которыми наградила его природа. Этот талант особенно ярко проявился, когда Сигурд Оттович, возглавив Археографическую комиссию АН СССР (1968), стал ответственным редактором «Археографического ежегодника», основанного в 1957 г. акад. М.Н. Тихомировым. Многолетнее регулярное издание «Археографического ежегодника» – научный подвиг С.О. Шмидта. Даже отказавшись от поста председателя Археографической комиссии и став ее почетным председателем (2002), Сигурт Оттович продолжал руководить деятельностью комиссии и оставался ответственным редактором ежегодника. В 1968–2013 гг. Археографической комиссией была проведена огромная работа по составлению «Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР», Каталога личных фондов отечественных историков. Были изданы подробные «Методические рекомендации» по описанию древнерусских рукописных кодексов. При поддержке и содействии С.О. Шмидта процветала «полевая археография» (экспедиции МГУ под руководством И.В. Поздеевой, Казанского университета под руководством М.А. Усманова, Сибирского отделения АН под руководством Н.Н. Покровского).

Как сотрудник Института истории (с 1968 г. – Института истории СССР, с 1992 г. – Института российской истории РАН) С.О. Шмидт вел плодотворную научно-исследовательскую работу, уделяя внимание не только XVI, но и XVIII в., а в последнее время – также XIX и XX вв. Им внесен крупный вклад в разработку проблемы становления абсолютизма и его институтов, таких, как приказная бюрократия в лице дьячества, система приказного делопроизводства, местничество и др. Шмидт изучал различные стороны внутренней и внешней политики Московского царства и Российской империи. Он обогатил своими трудами историю исторической науки в России. Особенно интересовало его развитие российской историографии в начале XIX в. (Н.М. Карамзин, А.С. Пушкин как историк), а также в начале XX в., которое, по его глубокому убеждению, было эпохой не кризиса, а подъема исторической науки в России (С.Ф. Платонов, М.М. Богословский, С.Б. Веселовский и др.). Нельзя не отметить творческое участие С.О. Шмидта в разработке теории и методики источниковедения. Его определение исторического источника можно признать классическим. Он очень много сделал для развития специальных и вспомогательных исторических дисциплин, преподаванием которых занимался в ранние годы. В последние полтора десятилетия его любимыми предметами стали краеведение и москвоведение. Замечательна изданная под редакцией С.О. Шмидта энциклопедия «Лица Москвы». Список его печатных трудов огромен. В нем около полутора тысяч названий. Тематика их крайне разнообразна.

С.О. Шмидт не был по натуре человеком «сварливым» (т.е. склонным к ссорам), но боролся за то, что считал правым делом, боролся за своих учеников, сподвижников. В 1950-х годах молодой Шмидт как член Партбюро МГИАИ защищал «опальных» студентов. Он

не позволял никому попираť и свое человеческое достоинство. На почве этой борьбы ему приходилось временно покидать МГИАИ, хотя он продолжал там вести занятия бесплатно, не теряя связи со студентами. В декабре 2001 г. Шмидт покинул в знак протеста ИРИ РАН, где он работал с 1956 г. в должности старшего, а с 1986 г. – главного научного сотрудника. Сигурд Оттович стал главным научным сотрудником Института славяноведения РАН, в составе которого Археографическая комиссия находилась с самого начала своего образования в 1957 г.

С.О. Шмидт был членом редколлегий и редсоветов многих изданий (в том числе редсовета журнала «Исторический архив» и неперидического сборника «Проблемы источниковедения»), членом оргкомитетов и участником многих всесоюзных, всероссийских и международных конференций и конгрессов, проводившихся в СССР, России и ряде зарубежных стран, в том числе во Франции, Германии, Австрии, Бельгии, Италии, Испании, Греции, Болгарии, Турции, США.

Сигурд Оттович был в России человеком всенародно известным. Начиная с 1974 г. он нередко появлялся на экранах телевизоров с рассказами и лекциями на исторические темы. Мало кто не покорялся обаянию его ума, таланта и высочайшей интеллигентности. Недаром в последнее время Сигурд Оттович оказался в числе тех деятелей российской культуры, кому посвящалась передача «Линия жизни». Выразитель идей гуманизма и нравственности, страстный борец за сохранение памятников культуры, он сам стал национальным достоянием России. Из клана наших историков, выступающих по телевидению, Сигурд Оттович Шмидт выделялся масштабом своего культурно-просветительского влияния на российское общество.

Заслуги С.О. Шмидта перед исторической наукой и российской культурой были отмечены наградами и званиями. В 1989 г. Президиум Верховного Совета РСФСР присвоил ему почетное звание «Заслуженный деятель науки РСФСР», в 1990 г. он был избран председателем Союза краеведов России, а в 1992 г. – действительным членом (академиком) Российской академии образования, в 1997 г. – иностранным членом Польской Академии наук, в 2006 г. – заслуженным профессором РГГУ.

Сигурда Оттовича уже давно стали называть «патриархом» исторической науки, но этот патриарх даже на склоне лет оставался молодым человеком, юношей и мечтателем. Его светлый и четкий разум, остроумие, ассоциативность мышления, доброжелательное отношение к людям, то философски мягкое, то активно требовательное и содействующее, все это сохранялось в нем до конца его дней.

Сигурду Оттовичу посчастливилось прожить в сложных условиях и со многими вольными и невольными рисками жизнь честного и свободного человека, интеллигента-неконформиста, но и нондиссидента. У него явно был ангел-хранитель, помогавший ему оставаться всегда самим собой и не бросающий его в пучину испытаний политикой и властью. Его путь замечателен и уникален.

22 мая 2013 г. совершилось нечто, во что, казалось, невозможно поверить. Мы такрослись с усыпительной верой в бессмертие своего учителя, что не могли принять совершившийся факт за действительность. Я думаю, нам всегда будет казаться, что Сигурд Оттович где-то рядом, что он никуда не ушел, что он хочет улыбнуться нам своей доброй и ободряющей, своей чарующей улыбкой председателя Археографической комиссии.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Vilkul T.L.</i> (Kiev). «Startsi» and «stareishiny» in the Old-Russian Annals: evidence from the «Primary Chronicle» and the Old-Slavic «Octateuch»	3
<i>Chentsova V.G.</i> (Moscow). Ktitorship and the tsar title: Russia and the Hilandar Monastery in the sixteenth century	15
<i>Floria B.N.</i> (Moscow). Making of the new social elite of the Ukrainian society (the late seventeenth – the early eighteenth centuries) and its two ideologists	25
<i>Kochegarov K.A.</i> (Moscow). Observations of the Polish diplomats about Russia in the 1680s: the diplomatic ceremonial, home policy, morals and manners	47
<i>Semenchuk A.A.</i> (Grodno). Concerning the sources of Maciej Strykowski's «Chronicle»	62
<i>Sazonova L.I.</i> (Moscow). «The Eagle of Russia» of Simeon Polockij: how the poem was created ...	77
<i>Korzo M.A.</i> (Moscow). Concerning the references to some editions from the Metropolis of Kiev in the manuscripts of Euthymeos of Chudov	88
<i>Wereda D.</i> (Siedlce, Poland). Hierarchs of the Greek-Catholic Metropolis of Kiev and their attitude towards the preservation of Eastern tradition in the second half of the eighteenth century	99

REPORTS

<i>Dobychina A.S.</i> (Moscow). «Demoniacs» in the Tyrnovo uprising under the leadership of Petr and Asen (1185–1186)	107
---	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Khoroshkevich A.L.</i> А.В. Бортнікова. Державна влада та місцеве самоврядування на Волині (кінець XIV – середина XVII ст.)	112
<i>Khoroshkevich A.L.</i> О. Алфьоров, О. Однороженко. Українські особові печатки XV–XVII ст. за матеріалами київських архівосховищ	114
<i>Dmitriev M.V.</i> Д. Бовуа. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914)	116

OBITUARIES

<i>Kashtanov S.M.</i> In memoriam of Sigurd Ottovich Schmidt (1922–2013)	125
--	-----

Сдано в набор 27.12.2013 Подписано в печать 18.02.2014 Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100¹/₁₆ Цифровая печать Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 2,4 тыс. Уч.-изд.л. 12,1
Бум.л. 4,0 Тираж 227 экз. Зак. 2080 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Издатель: Российская академия наук. Издательство «Наука», 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен АИЦ «Наука» РАН

Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», 121099, Москва, Шубинский пер., 6